

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С. П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л. М. – главный научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л. Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н. С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А. Н. – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Малышев К. Б. – профессор кафедры социологии Вологодского государственного университета, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Попова И. Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю. Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор кафедры государственного-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Спасенников Б. А. – главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Тимофеева Е. А. – заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор педагогических наук, доцент;

Хатуяева В. В. – заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

№ 1 (41)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ4

НАГОРНЫХ Р. В.

Системообразующие признаки государственной службы в правоохранительной сфере4

ЛАПШИН В. Е., ШАХАНОВ В. В.

Правовое воспитание осужденных: поиск новых подходов13

ЮЖАНИН В. Е.

Исправительная колония-поселение – разновидность лишения свободы18

ДВОРЯНСКОВ И. В., ДОРОШЕНКО О. С.

Правовые проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ 25

КРЮКОВА О. Ю.

Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы: исторический аспект 30

ЛЮТЫНСКИЙ А. М., МОРОЗОВ Р. М.

Некоторые проблемы реабилитации в российском уголовном судопроизводстве 36

НЕКРАСОВ В. Н.

Классификация преступлений в области инновационной деятельности (по критерию «область применения инновации») 43

ПАЛЬЧИКОВА Н. В.

Некоторые гарантии принятия законных и обоснованных решений в стадии возбуждения уголовного дела 48

СИРЯКОВ А. Н.

Режим особых условий в исправительных учреждениях Содружества Независимых Государств 56

МОИСЕЕВА И. А.

Противодействие угрозам экономической безопасности в банковской сфере61

ЛАТЫШЕВА Л. А.

Особенности содержания и ресоциализации женщин, имеющих малолетних детей, в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран 69

ДРУЖИНИН С. В.

Противоправное влияние на результаты соревнований и конкурсов как посягательство на свободу конкуренции: ошибки криминализации и законодательной техники 75

КРЫМОВ В. А.

Предпосылки становления процессуального порядка начала производства по уголовному делу в российском законодательстве XI–XVII вв. 82

ЦИПИЛЕВ С. Н.

К вопросу о распространении экстремизма в исправительных учреждениях 87

РУДАКОВ А. М.

Свобода совести без ответственности как одна из причин преступности несовершеннолетних 93

БАБАЯН С. Л.

Перспективы развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным, отбывающим наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы 98

КУЧЕНЕВ А. В.

К вопросу профессионализации правосознания сотрудника ФСИН России 104

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 111

КРАСНЕНКОВА С. А., МАРКОВА И. И.

Социально-психологические особенности жизненных перспектив делинквентных подростков111

БАСИНА Т. А.

Взаимосвязь степени рациональности установок и ощущения счастья у курсантов117

РОГАЧ В. Г.

Стратегии преодоления жизненных трудностей у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы 122

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ130

ЗАУТОВА Э. В., РЕЙМА О. Я.

Патриотизм как социальное явление и интегративное качество личности 130

ПАНОВА О. Б.

Траектории правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных: ценностно-смысловые ориентиры 136

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ144

CONTENT

JURISPRUDENCE4

NAGORNYKH R. V.

System-forming signs of state service
in the law enforcement sphere5

LAPSHIN V. E., SHAKHANOV V. V.

Legal education of convicts: the search for new
approaches13

YUZHANIN V. E.

Penal colony-settlement – a kind of imprisonment ... 18

DVORYANSKOV I. V., DOROSHENKO O. S.

Legal problems of execution criminal punishment
in the form of forced labor 25

KRYUKOVA O. YU.

Criminal liability for escape from places of
imprisonment, evasion from serving a punishment
in correctional facilities: the historical aspect 30

LYUTYNSKYA M., MOROZOV R. M.

Some problems of rehabilitation in the Russian
criminal proceeding 36

NEKRASOV V. N.

Classification of crimes in the field of innovation
(by the criterion «the application scope of innovation») 43

PALCHIKOVA N. V.

Some guarantees of taking legal and informed decisions
in the stage of initiating a criminal case 48

SIRYAKOV A. N.

Regime of special conditions in the penal institutions
of the Commonwealth of Independent States 56

MOISEEVA I. A.

Counteraction to threats of economic security in the
bank sphere61

LATYSHEVA L. A.

Features of the maintenance and resocialization of
women with young children in the penal institutions of
foreign countries 69

DRUZHININ S. V.

The illegal influence on the results of contests and
tenders as an offence against freedom of competition:
errors of criminalization and legislative technology .. 75

KRYMOV V. A.

Preconditions for establishment the procedural
order for initiation of proceedings in a criminal case
in the Russian legislation of the 11th-17th centuries . . 82

TSIPILEV S. N.

On the issue of the spread of extremism in prisons. . . 87

RUDAKOV A. M.

Freedom of conscience without liability as a cause
of juvenile crime 93

BABAYAN S. L.

Prospects for the development of incentive
standards and institutions applied to convicts serving
sentences in institutions of the penal system 98

KUCHENEV A. V.

To the issue of professionalization of the legal
conscience employee
of the Federal Penal Service of Russia 104

PSYCHOLOGY 111

KRASNENKOVA S. A., MARKOVA I. I.

Social-psychological features of life prospects
of delinquent adolescents 111

BASINA T. N.

The relationship between the degree of rationality
of attitudes and the sense of happiness of cadets ... 117

ROGACH V. G.

Strategies for overcoming life difficulties in convicts,
serving the long sentences of imprisonment. 122

PEDAGOGY130

ZAUTOROVA E. V., REIMA O. YA.

Patriotism as a social phenomenon and integrative
property of the individual 130

PANOVA O. B.

The trajectory of the legal re-socialization of juvenile
offenders: value-semantic benchmarks 136

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.144

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.95

Системообразующие признаки государственной службы в правоохранительной сфере

Р. В. НАГОРНЫХ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Р е ф е р а т

Административно-правовой институт государственной службы в правоохранительной сфере предназначен для практического и непосредственного административно-правового регулирования государственно-служебной деятельности в области выполнения основных видов правоохранительной деятельности государства. Складывающаяся система правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере современной России имеет ярко выраженную административно-правовую природу и занимает в системе отрасли административного права вполне определенное положение, а именно положение административно-правового института.

Фундаментальной задачей институционализации государственной службы в правоохранительной сфере является формирование соответствующего административно-правового института, обеспечивающего административно-правовое регулирование государственно-служебных отношений в правоохранительной сфере, а также внутриорганизационных отношений, в том числе в области кадрового обеспечения деятельности правоохранительных органов.

Рассмотрение административно-правовой природы государственной службы в правоохранительной сфере позволило сформулировать следующие выводы:

- государственная служба в правоохранительной сфере является формой внешнего выражения правоохранительной деятельности государства, связанной с реализацией его основных целей, задач и функций в правоохранительной сфере;
- государственная служба в правоохранительной сфере обладает признаками организационной подсистемы государства, то есть имеет внутреннюю структуру, иерархическое построение составляющих ее элементов, характеризуется управляемостью и наличием главной цели, обладает внутренними и внешними связями и другими системообразующими свойствами и признаками;
- государственная служба в правоохранительной сфере является формой внутриорганизационной деятельности правоохранительных органов, в том числе в сфере кадрового обеспечения правоохранительных органов, включающей в себя реализацию целей, задач и принципов кадровой политики в правоохранительной сфере, а также отбор, расстановку, выдвижение, перемещение и высвобождение служащих, их обучение и воспитание, социальную защиту служащих и их семей;
- государственная служба в правоохранительной сфере является административно-правовым институтом в рамках подотрасли государственной службы, содержащим административно-правовые нормы и иные правовые средства, обеспечивающие самостоятельное регулятивное воздействие на общественные отношения в сфере обеспечения функционирования правоохранительных органов.

Ключевые слова: административно-правовая природа; государственная служба; правоохранительная сфера; правоохранительная деятельность; должность государственной службы.

System-forming signs of state service in the law enforcement sphere

R. V. NAGORNYKH – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Abstract

The administrative-legal institution of public service in the law-enforcement sphere is intended for practical and direct administrative and legal regulation of public-service activities in the field of performing the main types of law-and-security activities of the state. The emerging system of law regulation of civil service in the law enforcement sphere of modern Russia has a pronounced administrative and legal nature and occupies a quite definite position in the system of the administrative law branch, namely, the position of the administrative law institute.

The fundamental task of institutionalizing the civil service in law enforcement is the formation of the suitable administrative and legal institution that provides administrative and legal regulation of state and official relations in the law enforcement sphere, as well as intra-organizational relations, including them in the area of personnel support for the activities of law enforcement agencies.

Consideration of the administrative and legal nature of the civil service in the law enforcement sphere made it possible to formulate the following conclusions:

- public service in law enforcement is a form of external expression of law enforcement activity of the state, related to the implementation of its main goals, tasks and functions in the law-enforcement sphere;

- public service in the law-enforcement sphere has signs of the organizational subsystem of the state, that means it has an internal structure, a hierarchical construction of its constituent elements, is characterized by controllability and the presence of the main goal; it has internal and external connections and other system-forming properties and attributes;

- public service in law enforcement is a form of in-house activity of law enforcement agencies, including in the sphere of personnel support of law enforcement agencies, which includes the implementation of goals, objectives and principles of personnel policy in law enforcement, as well as selection, placement, promotion, movement and release of employees, their education and training, social support of employees and their families;

- public service in law enforcement is an administrative law institution within the sub-sector of the civil service that contains administrative and legal norms and other legal means that provide independent regulatory impact on public relations in the sphere of ensuring the functioning of law enforcement agencies.

Key words: administrative and legal nature; public service; law enforcement; law enforcement activity; position of the civil service.

Государственная служба в правоохранительной сфере имеет признаки сложного системного образования, обладающего внутренней организационной структурой, системообразующими связями, внешней и внутренней функциональной средой. По справедливому мнению В. Г. Афанасьева, «системность – одна из важнейших характеристик, параметров объективного мира, и прежде всего мира социального, специфическое их измерение. Системные представления становятся важной чертой современного познания и практики, в особенности практики управления народным хозяйством и обществом. Ни одна область науки, практики, управления не может обойтись без системных представлений, системного подхода» [4, с. 13]. Поэтому государственная

служба в правоохранительной сфере может быть рассмотрена как сложная организационная структура, являющаяся неотъемлемым элементом системы более высокого порядка, а именно государственной службы в целом.

С позиции системного подхода основным фактором, определяющим сущность и содержание государственной службы в правоохранительной сфере, является ее функциональная среда, которая представляет собой специфическую сферу приложения социально значимой активности человека. В рассматриваемом нами случае функциональную среду образуют специфические социальные объекты правоохраны – интересы личности, общества и государства. Данные интересы являются объектами

правовой защиты и, соответственно, правоохранительной деятельности государства, осуществляемой специально уполномоченными субъектами, а именно государственными правоохранительными органами и их должностными лицами.

Функциональная среда государственной службы в правоохранительной сфере весьма разнообразна и охватывает широкий круг общественных отношений, урегулированных правом и охраняемых государством. К таким отношениям, по нашему мнению, следует отнести:

1) общественные отношения, связанные с соблюдением и защитой неотъемлемых и неотчуждаемых основных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в гл. 2 Конституции Российской Федерации;

2) общественные отношения, связанные с обеспечением нормального существования общества в целом и его институтов, то есть с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности;

3) общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности государства, его суверенитета и территориальной целостности и т. д.

В совокупности все три группы общественных отношений могут быть приведены в состояние урегулирования и объединены общим понятием «правопорядок», которое является максимально широким и характеризует общий объект правовой защиты, а также функциональную среду государственной службы в целом и в правоохранительной сфере в частности.

Правопорядок закрепляет сложившийся или складывающийся в обществе и государстве определенный тип правоотношений во всех сферах их жизнедеятельности [7, с. 149]. В этой связи правопорядок может поддерживаться различными субъектами правоохранительной деятельности, в том числе и негосударственными, что обуславливает необходимость раскрытия функциональной среды государственной службы в правоохранительной сфере в узком (прикладном) значении, а именно в значении государственной правоохранительной службы. Непосредственным предметом государственной службы в правоохранительной сфере выступает общественный порядок как элемент правопорядка в целом.

Как верно подчеркивает Ф. Е. Колонтаевский, «цель установления и поддержания общественного порядка состоит в обеспечении личной безопасности граждан, общественной безопасности, в создании

благоприятных условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, для труда и отдыха граждан, уважения их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности» [10, с. 13]. Полагаем, что именно интересы личности в данном случае являются основным мерилом правоохранительной деятельности и, соответственно, государственной службы в правоохранительной сфере.

Устойчивый правовой порядок может стать достижимым, если произойдет действительный антропологический и культурологический поворот государственной службы в правоохранительной сфере. Поворот к человеку и его интересам в системе правопорядка предполагает изменение приоритетов в иерархии защищаемых объектов безопасности. Если в прошлом это было «государственное – общественное – личное», то демократический тип правопорядка приоритетной ценностью считает именно личность, ее свободу и интересы (об этом свидетельствует соответствующее положение Конституции Российской Федерации). Именно поворот к человеку, его потребностям в безопасности, защите от угроз криминального характера является основой государственной службы в правоохранительной сфере в современных условиях.

Правовой порядок предполагает определенную легитимацию отношений духовно-нравственного плана. Логика социального развития, опыт прошлого, возросшие масштабы протестного поведения населения и привлечение правоохранительных органов к разрешению социальных конфликтов существенно изменили отношение к формам принуждения, которые использовались ранее. Профилактическая работа и социально-культурная ориентация деятельности – те направления, которые способствуют развитию ненасильственной деятельности [8, с. 630].

Функциональная среда государственной службы в правоохранительной сфере охватывает определенный сегмент обеспечения правопорядка, а именно ту его часть, которая связана с общественными отношениями по его поддержанию посредством защиты интересов субъектов права от административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний, защиты от угроз природного и техногенного характера. Такого рода защита правопорядка обеспечивается специфическими направлениями правоохранительной деятельности на основе правовых мер

убеждения и принуждения: профилактикой, предупреждением, пресечением административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний, процессуальным обеспечением производства по делам о правонарушениях, привлечением виновных лиц к ответственности, правосстановлением, а также осуществлением лицензионно-разрешительной, контрольно-надзорной и иной административной деятельности, направленной на укрепление общественного порядка, защиту личной, общественной, а в ряде случаев государственной безопасности.

В свою очередь функциональная среда предопределяет цели, задачи и функции государственной службы в правоохранительной сфере, ее содержание, а точнее функционально-целевое предназначение. Целеполагание является важнейшим признаком любой сложной социальной системы [13, с. 43]. Данный признак присущ и такой социальной системе, как государственная служба в правоохранительной сфере. Функционально-целевые характеристики государственной службы в правоохранительной сфере раскрывают правоохранительную сущность рассматриваемого вида государственной службы и позволяют установить внутреннюю системную связь между государственной службой в правоохранительной сфере и правоохранительной деятельностью государства.

Основной целью государственной службы в правоохранительной сфере в условиях реализации новой демократической парадигмы развития государства и общества являются фундаментальные положения Конституции Российской Федерации о приоритете прав и свобод личности над интересами общества и государства. Собственно говоря, сами интересы общества и государства в соответствии с нормами Основного закона неразрывно связаны с интересами отдельной личности, то есть с интересами личности во всестороннем обеспечении условий для ее нормальной жизни, соблюдении и защите ее неотъемлемых прав и свобод. Приоритетность интересов личности над интересами государства и общества позволяет сделать важный вывод о том, что в современных условиях развития государства весь его механизм, и в том числе правоохранительная система, должны быть ориентированы на максимально полное удовлетворение интересов личности.

Исходя из этого, основной целью государственной службы в правоохранительной

сфере является не столько обеспечение внутреннего функционирования правоохранительных органов, сколько достижение внешних целей государства в области всемерной и всесторонней защиты личности, общества и самого государства от противоправных посягательств. При этом целевые ориентиры государственной службы в правоохранительной сфере как внешнего выражения правоохранительной деятельности позволяют рассматривать ее как особую форму правоохранительной деятельности и отграничивать от других видов государственной службы.

Государственная служба в правоохранительной сфере как вид деятельности имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Внешняя сторона связана с непосредственной реализацией государственными служащими функций правоохранительных органов в области поддержания правопорядка в обществе. Внутренняя сторона функционирования непосредственно связана с осуществлением внутриорганизационной деятельности правоохранительных органов в области повседневной организации правоохранительной деятельности, в том числе в сфере кадрового обеспечения правоохранительных органов, включающего в себя реализацию целей, задач и принципов кадровой политики в правоохранительной сфере, а также отбор, расстановку, выдвижение, перемещение и высвобождение служащих, их обучение и воспитание, социальную защиту служащих и их семей.

Государственная служба в правоохранительной сфере как организационная система включает в себя различные элементы, которые образуют управляющую (субъект управления) и управляемую (объект управления) подсистемы. Данный признак государственной службы в правоохранительной сфере обусловлен современным теоретическим пониманием внутренней сущности всех систем социального управления, которым, по справедливому мнению В. Б. Аверьянова, свойственно наличие субъекта (управляющей подсистемы) и объекта (управляемой подсистемы) [1, с. 69].

В самом общем значении подсистема управления государственной службы в правоохранительной сфере представлена органами государственной власти различных уровней и компетенции и их должностными лицами. Управляющую подсистему образуют органы государственной власти общей (Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, меж-

территориальные органы исполнительной власти в федеральных округах Российской Федерации, органы исполнительной власти субъектов Федерации), отраслевой (федеральные министерства, службы, агентства) и специальной (непосредственно правоохранительные органы и их структурные подразделения, научные и образовательные организации) компетенции. К управляемой подсистеме следует отнести прежде всего самих служащих государственной службы в правоохранительной сфере, а точнее должностных лиц государственных правоохранительных органов.

Наличие управляющей и управляемой подсистем государственной службы в правоохранительной сфере обуславливает возможность выделения в их содержании динамических (функции), статических (структура), компетенционных (права, обязанности, ответственность) сторон.

Динамическая сторона выражается в непосредственном осуществлении внешних направлений правоохранительной деятельности, а также в сфере внутриорганизационной деятельности правоохранительных органов, в том числе их кадрового обеспечения. Статическая сторона государственной службы в правоохранительной сфере представлена субъектами, которые образуют ее управляющую и управляемую подсистемы. Компетенционная сторона, в свою очередь, обусловлена необходимостью распределения между субъектами государственной службы в правоохранительной сфере задач, полномочий и ответственности. Все три указанные стороны в своей совокупности образуют целостную организационно-правовую форму государственной службы в правоохранительной сфере как социально-правовой системы.

Как и любое системное образование [4, с. 23], государственная служба в правоохранительной сфере обладает интегративными свойствами и качествами. Это ее системное свойство выражается в наличии внутриорганизационных связей между всеми внутренними элементами системы государственной службы в правоохранительной сфере, прежде всего между динамической, статической и компетенционной подсистемами. Наличие внутренних связей между элементами системы государственной службы в правоохранительной сфере позволяет обеспечить их взаимодействие и достичь более высокого качественного уровня функционирования правоохранительной системы государства.

Таким образом, все названные свойства позволяют рассматривать государственную службу в правоохранительной сфере как сложное системное образование, призванное обеспечить надлежащее функционирование правоохранительных органов государства. Государственная служба в правоохранительной сфере как организационная система в максимально широком значении представляет собой деятельность (функционирование) элементов различного порядка – субъектов государственной службы в правоохранительной сфере (органов государственной власти общей, отраслевой и межотраслевой компетенции; непосредственно государственных служащих правоохранительных органов; самих правоохранительных органов и их структурных подразделений, подведомственных им организаций и учреждений), наделенных необходимыми властными полномочиями для достижения целей, решения задач и выполнения функций государства в правоохранительной сфере.

В узком значении система государственной службы в правоохранительной сфере представляет собой совокупность видов профессиональной деятельности по обеспечению функционирования правоохранительных органов государства. Внутренняя структура этой деятельности (функционирования) представлена функциями, закрепляемыми за конкретными должностями государственной службы в правоохранительных органах. Таким образом, должности государственной службы в правоохранительной сфере следует рассматривать в качестве первичного элемента системы государственной службы данного вида. При этом функционально-целевое содержание, понимаемое нами как целеполагающая деятельность индивидов – граждан, замещающих должности государственной службы в правоохранительной сфере и осуществляющих правоохранительную деятельность посредством применения правовых мер убеждения и принуждения, позволяет рассматривать государственную службу в правоохранительных органах как особую форму правоохранительной деятельности и отграничивать ее от других видов государственной службы.

В связи с этим государственная служба в правоохранительной сфере как система представляет собой особую организацию (совокупность) субъектов государственной службы в правоохранительной сфере (статическая подсистема), деятельность

субъектов государственной службы в правоохранительной сфере (динамическая подсистема), а также закрепление правового статуса субъектов государственной службы в правоохранительной сфере и их полномочий (компетенционная подсистема).

Рассмотрение государственной службы в правоохранительной сфере в виде особой разновидности правоохранительной деятельности, а также в виде организационной системы в структуре государственного управления было бы неполным, если не остановиться на правовой характеристике данного явления.

Государственная служба в правоохранительной сфере сегодня представляет собой вполне определенный административно-правовой институт, имеющий все присущие ему признаки. В теории права под правовым институтом обычно понимается совокупность сгруппированных правовых норм в рамках отдельной отрасли права, регулирующих обособленную группу общественных отношений, входящих в предмет регулирования отрасли права [11, с. 512]. Правовой институт обладает рядом признаков, в том числе однородностью фактического содержания регулируемых общественных отношений, юридическим единством (комплексностью) норм, законодательной обособленностью. При этом выделяются и так называемые смешанные правовые институты, которые включают в себя некоторые элементы иного метода правового регулирования [2, с. 139].

По нашему мнению, институт государственной службы следует отнести именно к категории смешанных правовых институтов, поскольку наряду с традиционным методом императивного (публично-правового, а по сути административно-правового) регулирования все большее значение в последние годы приобретает и метод диспозитивного (частно-правового) регулирования. Особенно ярко это проявляется в расширении договорных начал в системе государственной службы, регулирования в сфере социальной защиты государственных служащих, организации и условий их труда и др.

Развернувшаяся в последнее десятилетие в научной литературе дискуссия по поводу отнесения института государственной службы к публичной либо частно-правовой сферам регулирования [6, с. 39; 9, с. 26] (особенно в отношении государственной гражданской службы) также не вносит окончательной ясности относительно сущности и содержания рассматриваемого правового явления.

В настоящее время в науке отчетливо прослеживаются две диаметрально противоположные концепции государственной службы – публично-правовая (или, как отмечалось, административно-правовая) и частно-правовая (в отдельных исследованиях используется понятие «трудо-правовая» [11, с. 51]). Первая рассматривает государственную службу как публично-правовой институт, в котором административно-правовому регулированию отведена ведущая роль, а в ряде случаев – как подотрасль административного права, а именно служебное право. Представители данной концепции при характеристике государственной службы исходят из того, что в нынешних условиях формируется новая самостоятельная отрасль российского права – служебное право [5, с. 5]. Впервые в научный оборот понятие «служебное право» ввел Ю. Н. Стариков и определил его как «систему правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере внутренней организации государственной (муниципальной) службы, установление правового статуса государственных (муниципальных) служащих, практического функционирования государственной (муниципальной) службы с целью обеспечения деятельности как самих государственных (муниципальных) служащих, выполняющих задачи и функции публичной власти, так и всей государственной (муниципальной администрации)» [12, с. 367]. По мнению многих ученых (Б. Н. Габричидзе, А. Ф. Ноздрачев, Д. М. Овсянко, П. П. Сергун и др.), многоотраслевая регламентация государственно-служебных отношений создает предпосылки для постановки вопроса о служебном праве как самостоятельной отрасли российского права.

Вторая концепция рассматривает государственную службу с позиции отраслевого подхода, выделяя внешнюю и внутреннюю стороны государственной службы. При этом внешняя сторона связывается непосредственно с реализацией государственными служащими функций по обеспечению полномочий государственного органа, а внутренняя – с поступлением гражданина на государственную службу, ее прохождением и прекращением, которые рассматриваются как трудовые отношения, регулируемые нормами трудового права [15, с. 18].

Отдельные авторы вообще отрицают публичный характер правоотношений между государственным служащим и государственным органом. В частности, Е. А. Ершова полагает, что «между государственным гражданским служащим и государственным

ным органом по действительному характеру правоотношений складываются не административные, публично-правовые либо сложные служебные отношения, имеющие как публично-правовой, так и частноправовой характер, а трудовые отношения, характеризующиеся трудовой сущностью и обладающие своей спецификой» [6, с. 12].

С последней позицией нельзя согласиться, поскольку государственная служба в целом и государственная служба в правоохранительной сфере характеризуются явными признаками именно публичного административно-правового регулирования и имеют отчетливые признаки института административного права. В данном случае речь идет о приоритете норм административного (публичного) права над нормами трудового (частного) права. Это объясняется следующим:

Во-первых, общественные отношения государственной службы в правоохранительной сфере носят в основном однородный административно-правовой характер. Публичность правоотношения обуславливается обязательным участием в качестве одной из сторон государственного органа, что, в свою очередь, предопределяет властный характер этих отношений и подчиненность субъектов государственно-служебных отношений. Исходя из анализа норм Конституции Российской Федерации, к субъектам данного вида правоотношений относятся Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти общей и отраслевой компетенции, органы исполнительной власти субъектов Федерации, а также граждане, осуществляющие полномочия на должностях государственной службы.

Во-вторых, правоотношения государственной службы в правоохранительной сфере обладают определенным кругом объектов правового регулирования, которые также имеют публичный характер. По нашему мнению, при раскрытии специфики объекта правового регулирования в сфере государственной службы в правоохранительной сфере следует исходить из современных общетеоретических представлений об объекте правового регулирования и объекте правоотношений, которые являются нетождественными понятиями. Как известно, в теории права под объектом правового регулирования понимаются прежде всего сами общественные отношения, на которые воздействует право. В свою очередь, в ка-

честве объекта правоотношения чаще всего рассматриваются предметы материального или духовного мира либо интересы субъектов правоотношений [3, с. 248]. В этой связи под общим объектом правоотношений государственной службы в правоохранительной сфере следует рассматривать интересы личности, общества и государства в области эффективного функционирования системы государственного управления, а в качестве видовых объектов – интересы личности в реализации конституционного права на участие в управлении делами государства посредством поступления на государственную службу в правоохранительной сфере, интересы государства в формировании профессионального состава государственных служащих, обеспечивающих реализацию полномочий государственных правоохранительных органов, интересы общества в формировании адекватной современным требованиям модели государственной службы в правоохранительной сфере. Во всех случаях речь идет о публичных интересах, регулируемых нормами конституционного и административного права.

В-третьих, характер содержания правоотношений государственной службы в правоохранительной сфере предполагает наличие соответствующего административно-правового механизма их регулирования, под которым, на наш взгляд, следует понимать совокупность специальных административно-правовых средств, обеспечивающих регулирование общественных отношений в сфере государственной службы в правоохранительной сфере и ее отраслевых разновидностей.

В-четвертых, объем законодательного регулирования государственно-служебных отношений является весьма значительным, поскольку он охватывает не только общественные отношения, связанные с построением системы государственной службы в правоохранительной сфере и внутриорганизационной деятельности правоохранительных органов, но и деятельность, связанную с регулированием внешних функций государственных органов в сфере правоохранительной деятельности.

Таким образом, государственная служба в правоохранительной сфере как институт административного права представляет собой особую группу общественных отношений, урегулированных нормами административного права, закрепляющих полномочия государственных служащих по осуществлению внешних и внутренних функций госу-

дарственных правоохранительных органов, а также непосредственной организации и прохождения государственной службы в правоохранительной сфере.

Государственная служба в правоохранительной сфере как сложное социально-правовое явление представляет собой административно-правовой институт подотрасли государственной службы, обладающий признаками комплексности и системности. Названный институт включает в себя административно-правовые нормы и иные административно-правовые средства, призванные регулировать общественные отношения, возникающие в процессе государственной правоохранительной службы.

Административно-правовой институт государственной службы в правоохранительной сфере предназначен для практического и непосредственного административно-правового регулирования государственно-служебной деятельности в области выполнения основных видов правоохранительной деятельности государства. При этом очевидно, что складывающаяся система правового регулирования государственной службы в правоохранительной сфере имеет ярко выраженную административно-правовую природу и занимает в системе отрасли административного права вполне определенное положение, а именно положение административно-правового института.

Понимание государственной службы в правоохранительной сфере как самостоятельного административно-правового института обуславливается следующими обстоятельствами:

1) характер внешних и внутриорганизационных функций государственной службы в правоохранительной сфере как вида правоохранительной деятельности, а также система государственной службы в правоохранительной сфере урегулированы преимущественно нормами конституционного и административного права, то есть публичного права;

2) несмотря на расширение в последние годы практики применения диспозитивного регулирования отношений государственной службы в правоохранительной сфере в части заключения служебных контрактов, роль и значение именно административно-правового метода властных предписаний и соподчиненности субъектов этих отношений остается неизменной;

3) правоотношения, складывающиеся в рамках государственной службы в правоо-

хранительной сфере, имеют ярко выраженное административно-правовое содержание, то есть предусматривают неравенство субъектов, в том числе и в случае заключения публичного договора. Административно-правовая природа правоотношений государственной службы в правоохранительной сфере предопределяет административно-правовой характер и содержание соответствующего правового института;

4) государственная служба в правоохранительной сфере обладает особым механизмом административно-правового регулирования общественных отношений, который, являясь частью общего правового механизма, имеет свои отличительные особенности;

5) государственная служба в правоохранительной сфере предусматривает наличие особых административных процедур, посредством которых осуществляется упорядочивание реализации как внешних, так и внутриорганизационных функций.

В целом следует заключить, что необходимым условием формирования и развития государственной службы в правоохранительной сфере является осуществление эффективного государственного управления в рассматриваемой сфере. В этой связи фундаментальной задачей институционализации государственной службы в правоохранительной сфере в системе административного права является формирование соответствующего административно-правового института, обеспечивающего административно-правовое регулирование государственно-служебных отношений в правоохранительных органах, а также внутриорганизационных отношений, в том числе в области кадрового обеспечения их деятельности.

Рассмотрение административно-правовой природы государственной службы в правоохранительной сфере позволяет сформулировать следующие выводы:

– государственная служба в правоохранительной сфере является формой внешнего выражения правоохранительной деятельности государства, связанной с реализацией его основных целей, задач и функций в правоохранительной сфере;

– государственная служба в правоохранительной сфере обладает признаками организационной подсистемы государства, то есть имеет внутреннюю структуру, иерархическое построение составляющих ее элементов, характеризуется управляемостью и наличием главной цели, обладает внутрен-

ними и внешними связями и другими системообразующими свойствами и признаками;

– государственная служба в правоохранительной сфере является формой внутриорганизационной деятельности правоохранительных органов, в том числе в сфере кадрового обеспечения правоохранительных органов, включающей в себя реализацию целей, задач и принципов кадровой политики в правоохранительной сфере, а также отбор, расстановку, выдвижение, перемещение и высвобождение служащих, их

обучение и воспитание, социальную защиту служащих и их семей;

– государственная служба в правоохранительной сфере является административно-правовым институтом в рамках подотрасли государственной службы, содержащим административно-правовые нормы и иные правовые средства, обеспечивающие самостоятельное регулятивное воздействие на общественные отношения в сфере обеспечения функционирования правоохранительных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов В. Б. Функции и организационная структура органа государственного управления. Киев, 1979. 150 с.
2. Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 2010. Т. 3. 781 с.
3. Алексеев С. С. Философия права. М., 1997. 336 с.
4. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. 368 с.
5. Дякина И. А. Службное право как комплексная отрасль права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 37 с.
6. Ершова Е. А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих : моногр. М., 2008. 225 с.
7. Зубков А. И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России. СПб., 2004. 197 с.
8. Казакова М. В. Правоохранительная деятельность: идеалы и ценности // Концепция философии права. М., 2007. С. 629–635.
9. Казанцев Н. М. Публично-правовое регулирование государственной службы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 46 с.
10. Колонтаевский Ф. Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. 58 с.
11. Матюзов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2006. 512 с.
12. Стариков Ю. Н. Государственная служба в Российской Федерации (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1996. 478 с.
13. Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972. 254 с.
14. Чиканова Л. А. Правовое регулирование труда государственных служащих: перспективы развития // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 48–54.
15. Чиканова Л. А. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 45 с.

REFERENCES

1. Aver'janov V. B. Funkcii i organizacionnaja struktura organa gosudarstvennogo upravlenija [Functions and organizational structure of the government body]. Kiev, 1979. 150 p. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. Sobr. soch. : v 10 t. [Collected Works : in 10 vols]. Moscow, 2010. Vol. 3. 781 p. (In Russ.).
3. Alekseev S. S. Filosofija prava [Philosophy of law]. Moscow, 1997. 336 p. (In Russ.).
4. Afanas'ev V. G. Sistemnost' i obshchestvo [System and society]. Moscow, 1980. 368 p. (In Russ.).
5. Djakina I. A. Sluzhebnoe pravo kak kompleksnaja otrasl' prava : avtoref. dis. ... dra jurid. nauk [Service law as a complex branch of law : abstract of the thesis ... of Dsc. in Law]. Rostov-on-Don, 2007. 37 p. (In Russ.).
6. Ershova E. A. Trudovye pravootnoshenija gosudarstvennyh grazhdanskih i municipal'nyh sluzhashhih : monogr. [Labor relations of state civil and municipal employees : monograph]. Moscow, 2008. 225 p. (In Russ.).
7. Zubkov A. I. Geopolitika i problemy nacional'noj bezopasnosti Rossii [Geopolitics and problems of national security in Russia]. Saint Petersburg, 2004. 197 p. (In Russ.).
8. Kazakova M. V. Pravoohranitel'naja dejatel'nost': idealy i cennosti [Law enforcement: ideals and values]. Konceptija filosofii prava – Concept of the philosophy of law. Moscow, 2007. Pp. 629–635. (In Russ.).
9. Kazancev N. M. Publichno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj sluzhby : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Public law regulation of the state service : abstract of the thesis ... of Dsc. in Law]. Moscow, 2000. 46 p. (In Russ.).
10. Kolontaevskij F. E. Organizacionnye osnovy ohrany obshchestvennogo porjadka v sovremennyh uslovijah : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Organizational bases of protection of the public order in modern conditions : abstract of the thesis ... of Dsc. in Law]. Moscow, 1996. 58 p. (In Russ.).
11. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teorija gosudarstva i prava [Theory of state and law]. Moscow, 2006. 512 p. (In Russ.).
12. Starilov Ju. N. Gosudarstvennaja sluzhba v Rossijskoj Federacii (teoretiko-pravovoe issledovanie) : dis. ... d-ra jurid. nauk [Public service in the Russian Federation (theoretical and legal research) : thesis ... of Dsc. in Law]. Voronezh, 1996. 478 p. (In Russ.).
13. Ukraincev B. S. Samoupravljaemye sistemy i prichinnost' [Selfgoverning systems and causality]. Moscow, 1972. 254 p. (In Russ.).
14. Chikanova L. A. Pravovoe regulirovanie truda gosudarstvennyh sluzhashhih: perspektivy razvitiya [Legal regulation of labor of civil employees: development prospects]. Zhurnal rossijskogo prava Journal of Russian Law. 2000. Iss. 3. Pp. 48–54. (In Russ.).
15. Chikanova L. A. Primenenie trudovogo zakonodatel'stva k sluzhebnyh otnoshenijam na gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe: teorija i praktika : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Application of labor legislation to civil service relations in the civil service : abstract of the thesis ... of Dsc. in Law]. Moscow, 2005. 45 p. (In Russ.).

УДК 343.825

Правовое воспитание осужденных: поиск новых подходов

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. ШАХАНОВ – доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

Технология правового воспитания нуждается в совершенствовании. Направляющее воздействие на осужденного со стороны сотрудника уголовно-исполнительной системы, осуществляющего правовое воспитание, должно учитывать множество разнообразных факторов – и внешних, и внутренних. Психолого-педагогические практики, оказывающие подобное воздействие, могут быть весьма разнообразны, однако юридическая сторона вопроса также должна обладать определенной вариативностью. Некоторые заключенные в силу своего несвободного состояния негативно относятся к любым проявлениям «диктатуры» со стороны государства, в том числе и «диктатуры закона». Нужно использовать подходы, позволяющие посмотреть на эту «диктатуру» под иным углом зрения и принять принудительную силу государства как осознанную необходимость. В качестве своеобразной «мягкой силы» может выступать теория естественных прав человека, которые обычно рассматривают как базис по отношению к надстройке в виде позитивного права. В некоторых случаях целесообразно перейти от пропаганды юридического знания к осмыслению его сущности, глубинных основ. Сущность права – явление многогранное, что подтверждает наличие монографических исследований данного феномена. В трансформации нуждается идеология, лежащая в основе противоправной деятельности заключенных, а не их теоретические познания. Сложнее всего изменить направленность их мышления, так как здесь уровень диспута переносится в метатеоретическую плоскость, где тон задают не термины, а понятия и категории.

Ключевые слова: правовое воспитание; естественные права человека; правопонимание; правовая культура; философия права; мотивация в праве; правосознание; позитивное право.

Legal education of convicts: the search for new approaches

V. E. LAPSHIN – Professor of the Department of Personality Psychology and Special Education at Vladimir State University named after Alexander and Nicholay Stoletovs, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Work of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, PhD. in Law, Associate Professor;

V. V. SHAKHANOV – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Management of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

Technology of legal education is to be improved. The guiding influence on the convict on the part of the penal system employee implementing legal education should take into account a multitude of various factors both external and internal. Psychological and pedagogical practices aimed at implementing such a guiding influence can be very diverse but also the legal aspect of the issue should also have a certain variability. Some prisoners, based on their unfree condition, negatively regard any manifestations of the «dictatorship» on the part of the state, including the «dictatorship of the law». We need to use approaches that allow us to look at this «dictatorship» from a different angle and take the compulsory power of the state as a conscious necessity. As a sort of «soft power» can be the theory of natural human rights, which are usually considered as a basis for the superstructure in the form of positive law. In some cases it is expediently to move from the propagation of legal knowledge to the comprehension of its essence, deep foundations. The essence of law is multifaceted, what confirms the existence of several monographic studies of this phenomenon. The ideology that underlies the illegal activity of prisoners, and not their knowledge at the theoretical level, needs transformation. It is most difficult to change the direction of their thinking, since here the level of the dispute is transferred to the metatheoretical plane, where the tone is given not by terms but by concepts and categories.

Key words: Legal education; natural human rights; legal understanding; legal culture; the philosophy of law; motivation in law; sense of justice; positive law.

Вопрос правового воспитания осужденных нельзя отнести к категории малоизученных. Исследователи, как правило, делают упор на психолого-педагогических вопросах, не уделяя должного внимания поиску разнообразных подходов в собственно юридической сфере. Наблюдается смещение акцента в сторону одной из категорий правонарушителей, чаще всего несовершеннолетних [12, с. 47–50]. Безусловно, в правовом воспитании всех категорий правонарушителей присутствует определенная психолого-педагогическая специфика, но собственно юридическая сторона вопроса также имеет определенную вариативность и нуждается в более тщательной разработке. Не существует универсальных методик правового воспитания осужденных, так как субъектный состав воспитательного воздействия весьма разнообразен (лица, впервые совершившие преступление, рецидивисты, подростки, женщины и т. п.).

В рамках настоящей статьи остановимся на некоторых концептуальных моментах правового воспитания осужденных, имеющих юридическую природу. Сложность осмысления предлагаемой концептуальной идеи заключается в том, что ее элементный состав находится большей частью в зоне метатеоретического уровня в понятийно-категориальном ряду правовых понятий. Необходимы парадигмальные сдвиги в осмыслении концептуальных моментов правового воспитания осужденных. Не отрицая всего того, что уже создано, следует не останавливаться на достигнутом и двигаться вперед, разрабатывая новые эффективные методики правового воспитания.

Правовые основы всех видов воспитания осужденных закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве. В соответствии с ч. 1 ст. 110 УИК РФ в исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению. Как видно, в открытом перечне видов воспитания упомянуто и правовое воспитание. Это одно из важнейших направлений воспитательной работы с лицами, чей статус обусловлен высокой степенью общественной опасности и приобретен вследствие совершения преступления. Выпускники образовательных организаций ФСИН России должны владеть техникой правового воспитания осужденных, так как формирование такой компетенции отвечает направленности их профессионального образования.

Правовое воспитание, являющееся одним из условий формирования правосознания и правовой культуры в обществе, представляет собой одно из базовых понятий теории права. Дефиниции данного понятия в целом схожи, но имеют и некоторую вариативность.

Так, С. С. Алексеев под правовым воспитанием понимает процесс организационно-идеологического воздействия на сознание людей, развивающего правовое сознание, обеспечивающего высокую правовую культуру, утверждающего в жизни общества и людей все то, что характеризует право как высокозначимую социальную ценность [1, с. 216].

А. Б. Венгеров видит в правовом воспитании целенаправленную систему просве-

тительских, образовательных и иных мер, формирующих установки уважения и соблюдения права, цивилизованных способов решения споров, профилактики правонарушений [5, с. 573].

Н. И. Матузов полагает, что правовое воспитание – это целенаправленная деятельность государства, а также общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан [11, с. 252].

Наиболее подходящим для признания в качестве операционального в рамках настоящей статьи выделим определение анализируемого термина, данное Т. Н. Радько. Под правовым воспитанием он предлагает понимать деятельность соответствующих субъектов, направленную на формирование высокого правосознания и правовой культуры личности, осуществляемую разнообразными средствами и методами, выраженную в разных формах [13, с. 632]. Здесь не сокращен субъектный состав, осуществляющий деятельность по правовому воспитанию, и допускаются любые формы направляющего воздействия. Однако необходимо его модифицировать, указав на цели правового воспитания, которые более рельефно обозначены в определении А. Б. Венгерова: «формирование установки уважения и соблюдения права, цивилизованных способов решения споров, профилактики правонарушений». Конечно, это и есть результаты «высокого правосознания и правовой культуры личности», но для большей информативности с учетом широкого круга адресатов с разным уровнем правосознания такой подход будет более понятен. Также считаем необходимым использовать технико-юридический прием «открытый перечень» для конкретизации отдельных существенных признаков, входящих в состав определения. Исчерпывающие перечни не позволят охватить все многообразие субъект-объектных отношений в сфере правового воспитания осужденных. В нашем случае целесообразно привести неисчерпывающие перечни субъектов правового воспитания, формы и средства его осуществления.

Итак, с учетом проведенного анализа предлагаем под правовым воспитанием осужденных понимать деятельность соответствующих субъектов (сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы, представителей общественных организаций, средств массовой информации и др.), направленную на формирование вы-

сокого уровня правосознания и правовой культуры осужденных, осуществляемую разнообразными средствами и методами, выраженную в разных формах (правовое обучение, правовая пропаганда, организованная и контролируемая правовая практика), с целью утверждения в сознании осужденных установки уважения и соблюдения права, цивилизованных способов решения споров, а также профилактики правонарушений.

В теоретико-правовой науке мотивационное влияние права рассматривается отдельно от его регулирующего воздействия. Правовое воспитание, на наш взгляд, сконцентрировано в большей степени именно в мотивационной сфере, которая является одной из форм правового воспитания. В самом общем виде их можно соотносить как цель (правовое воспитание) и средство (правовое обучение). Целью правового воспитания осужденных является формирование у них правосознания, правовой культуры и в конечном итоге правовой мотивации.

Сложность познания понятия «правовое воспитание» заключается в его междисциплинарном характере. Оно является своеобразным связующим звеном между «правовой системой» – предметом познания теории права – и «правовой реальностью» – предметом изучения философии права. Следовательно, реализация правового воспитания должна происходить на фоне осмысления взаимодействия естественного и позитивного права. Нельзя не согласиться с А. Л. Золкиным в том, что «подходов к предмету философии права столько, сколько существует философских систем» [8, с. 5]. Несмотря на разность взглядов относительно содержания предмета философии права, не вызывает сомнения тот факт, что «философское осмысление правовой реальности началось с разграничения права на естественное и позитивное (положительное) – с того, что само это разграничение сориентировало на поиск основ права в естественной жизни людей, в “человеческой” сути их бытия» [2, с. 16].

Полагаем, что осужденным будет более близко познание права, в частности его мотивационной составляющей, в ситуации отрыва от диктата со стороны государственных структур. Ведь естественное право представляет собой совокупность прав и свобод, обусловленных природой человека. Переход к позитивным обязанностям при таком посредничестве не должен вызывать антагонистичного отторжения. Последнее возможно исходя из конформистского и

маргинального характера правовой активности многих осужденных.

В качестве форм правового воспитания исследователи рассматривают правовую пропаганду, правовое обучение, организованную и контролируемую правовую практику [4, с. 4]. Современная доктрина, исследуя проблемные вопросы правового воспитания, делает акцент на пропаганде юридических знаний, с чем трудно согласиться. Знания не всегда нужно пропагандировать, необходимо формировать внутреннее убеждение на деятельность сообразно праву. Заключение следует отнести к той категории граждан, которые не всегда нуждаются в разъяснении положений законодательства, они очень часто знают его лучше нас. В трансформации нуждается их идеология, а не познания на теоретическом уровне. Тяжелее всего изменить направленность их мышления, так как здесь уровень диспута переносится в метатеоретическую плоскость, где тон задают не термины, а понятия и категории.

Это не означает призыва к изучению осужденными философии права, так как эта идея была бы утопией. Данный уровень знания о праве должен быть предтечей профессионального правосознания, а не обыденного, характерного для большинства осужденных. Нас интересует лишь определенный подход, который, возможно, будет более понятным определенной категории осужденных, несмотря на то что его корни лежат в философии права.

Деление права на естественное (природное, в том числе божественное) и искусственное (созданное и применяемое человеком) существовало еще у древних греков. В Средневековье это деление было представлено в виде права божественного (вечного) и человеческого (временного, изменчивого) [7, с. 222]. В истории, как известно, все повторяется, но только уже на новом витке общественного развития. Деление права на естественное и позитивное актуально и сегодня для познания его сущности. Сущность права – явление многогранное, что находит свое отражение в сложившихся подходах к пониманию права.

В последнее время дискуссия в теоретико-правовой науке по вопросу правопонимания далека от своей активной фазы, хотя «мода на правопонимание» [9, с. 227–229] имеет свои отголоски. С определенной долей условности можно говорить о превалировании современного нормативного правопонимания. Такой подход стал по-

пулярен после выхода в свет монографии М. И. Байтина «Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков)» [3]. Современное нормативное правопонимание, на наш взгляд, ориентировано прежде всего на правоприменителей и делает акцент на механизме правового регулирования. Для осужденных право преломляется, по нашему мнению, сквозь призму механизма правового воздействия как непосредственно – через их личный опыт общения с представителями правоохранительных органов, так и опосредованно – через различного рода социоправовые феномены, в том числе ненормативные, несистемные (правовые слухи, теневое право и пр.). В качестве последних рассматривают даже такие экзотические, как музыкальные произведения [6, с. 123–126]. Каждая из этих «ступенек» правового и неправового воздействия должна получить «опеку» со стороны правоохранительных структур, с которыми контактирует сначала подозреваемый, а впоследствии осужденный. Формы этой «опеки» должны быть весьма разнообразны, так как не существует универсальных правовых инструментов воздействия на человека. Каждый человек индивидуален, и эта индивидуальность проявляется в том числе и во влиянии на него различных правовых механизмов. На кого-то сильнее воздействует профилактическая беседа, а кто-то способен сделать выводы лишь из собственного негативного опыта.

В предлагаемой нами концепции правового воспитания осужденных ноу-хау состоит не в формах воспитательного воздействия, которые давно апробированы и имеют весьма прочные «корни». Внимание научной общественности акцентируется на содержании собственно юридических моментов воспитательного воздействия. О том, что его необходимо корректировать, говорит неутешительная статистика высоких показателей рецидивной преступности. Теоретическое наполнение предлагаемой концепции еще предстоит осуществить. Необходимо подтолкнуть научное сообщество к поступательному движению в данном направлении.

В рамках ныне действующей концепции правовое воспитание осужденных имеет своей целью пропаганду юридических знаний, разъяснение положений законодательства, а в конечном счете – формирование правопослушной личности, уважающей требования закона, нормы и правила человеческого общежития.

В предлагаемой нами концепции правовое воспитание осужденных – это не пропаганда юридических знаний, а осмысление взаимодействия человека, преступившего закон, и государства сквозь призму естественных прав. Государство, на наш взгляд, необходимо рассматривать не как источник различного рода ограничений, а как необходимого посредника между людьми. В пропаганде нуждаются не знания, а осмысление сущности человеческого бытия. Основным методом правового воспитания должен стать сократический метод: осужденный сам должен найти дорогу к истинному знанию при направляющем воздействии сотрудника уголовно-исполнительной системы, осуществляющего правовое воспитание. Психолого-педагогические практики, оказывающие подобное воздействие, должны быть весьма разнообразными, но вариативной должна быть и собственно юридико-техническая сторона вопроса. Лица, задействованные в процессе правового воспитания, должны проявлять гибкость, применяя различные методики.

Предлагаемый подход является скорее своеобразным ремейком на профессиональную деятельность постглоссаторов в XII–XIV вв. Тогда задача юриста заключалась в том, чтобы позитивное право редуцировать к праву естественному и согласовать с ним. На практике это свелось к выработке умения укреплять престиж и властный авторитет права писаного при помощи указания на его близость и согласованность с правом естественным. Для этого приходилось «немало изодрать ум юриста и само профессиональное искусство толкования права» (А. Стоянов) [7, с. 326]. Методологический подход, заключающийся в переходе от диктата позитивного права к естественным правам человека, использовался и идеологами борьбы американских колоний за независимость от метрополии – Д. Адамсом, Т. Джефферсоном и А. Гамильтоном. Понимая бесперспективность использования английского законодательства в качестве правового обоснования борьбы за независимость, они заимствовали идеи естественного права, которые легли в основу Декларации независимости 1776 г.

Как видно из приведенных примеров, предлагаемый подход уже неоднократно применялся в сфере общественных отношений и имеет определенную историю успеха, рассматриваемую в информационном сообществе в качестве одного из наиболее

действенных мотивационных факторов. В этой связи можно предположить, что риск отрицательного результата сведен к минимуму. Сегодня в социальной сфере используются и более рискованные методы, связанные с заимствованием из областей научных знаний, не связанных с познанием человека (например, синергетический метод). Но все новое, как известно, это хорошо забытое старое. Нужно внимательнее изучать исторический опыт и черпать идеи, которые работали и не вызывали социального отторжения.

Нами предлагается лишь идея, которая требует теоретического осмысления и практико-ориентированного преломления. Сложность будет заключаться не только в теоретическом наполнении предложенной концептуальной идеи, но и в подборе и подготовке кадров, способных ее реализовать. Здесь недопустимо действовать по принципу разнарядки. Необходимо владеть технологией убеждения, чему не всегда возможно научить, нужен своего рода талант. Мы не испытываем иллюзий в отношении субъектного состава, способного влиять на стиль мышления заключенных. В качестве таковых могут выступать, скорее всего, умудренные жизненным опытом сотрудники, имеющие большой стаж службы в уголовно-исполнительной системе. Здесь допустима аналогия с возможностью назначения на некоторые государственные должности лишь лиц, достигших определенного возраста (судьи, депутаты и т. п.). Тем не менее первоначальные навыки владения технологией правового воспитания осужденных необходимо формировать при прохождении практики в период обучения в образовательных организациях ФСИН России.

Подводя итог, отметим, что в истории были примеры, когда концепцию естественных прав человека пытались использовать в целях уничтожения государственности, в том числе и в нашей стране в 1990-е гг. В настоящее время псевдолибералы обращаются к теории естественных прав человека в борьбе за власть. Большую угрозу развитию демократических ценностей представляет экспансия естественных прав человека в формате «цветных революций», прокатившихся по странам Ближнего Востока (Ливия, Сирия) и некоторым бывшим советским республикам (Грузия, Украина, Киргизия). Поэтому использовать ее нужно крайне аккуратно, отдавая себе отчет в том, что у каждой медали есть две стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 2. 360 с.
2. Алексеев С. С. Философия права. М., 1999. 330 с.
3. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. 544 с.
4. Бондарев А. С. Правовая пропаганда и обучение – формы правового воспитания: понятие и средства воздействия // Вестник Пермского университета. 2008. № 1 (1). С. 4–15.
5. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов. М., 2006. 608 с.
6. Головкин Р. Б. Музыкальное произведение как вспомогательное средство правового регулирования // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4 (45). С. 123–126.
7. Графский В. Г. Всеобщая история права и государства : учеб. для вузов. М., 2007. 738 с.
8. Золкин А. Л. Философия права : учеб. М., 2012. 383 с.
9. Козюк М. Н. Феномен моды в теоретической юриспруденции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 219–234.
10. Корюхова Л. А. Правовое воспитание осужденных : метод. рекомендации. Вологда, 1998.
11. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учеб. М., 2006. 541 с.
12. Панова О. Б. Педагогическое сопровождение становления правовой позиции воспитанника исправительного учреждения: сущность и структура // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2011. № 4. С. 47–50.
13. Радко Т. Н. Теория государства и права : учеб. М., 2010. 752 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Obshhaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow, 1981. Vol. 2. 360 p. (In Russ.).
2. Alekseev S. S. Filosofiya prava [Philosophy of law]. Moscow, 1999. 330 p. (In Russ.).
3. Bajtin M. I. Sushhnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) [The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)]. Moscow, 2005. 544 p. (In Russ.).
4. Bondarev A. S. Pravovaya propaganda i obuchenie – formy pravovogo vospitaniya: ponjatie i sredstva vozdejstviya [Legal propaganda and training – forms of legal education: the concept and means of influence]. Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University. 2008. Iss. 1 (1). Pp. 4–15. (In Russ.).
5. Vengerov A. B. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. dlja jurid. vuzov. [Theory of State and Law : Textbook for the law universities]. Moscow, 2006. 608 p. (In Russ.).
6. Golovkin R. B. Muzykal'noe proizvedenie kak vspomogatel'noe sredstvo pravovogo regulirovaniya [The musical work as an auxiliary means of legal regulation]. Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2017. Iss. 4 (45). Pp. 123–126. (In Russ.).
7. Grafskij V. G. Vseobshhaya istoriya prava i gosudarstva : ucheb. dlja vuzov [General History of Law and State : textbook for universities]. Moscow, 2007. 738 p. (In Russ.).
8. Zolkin A. L. Filosofiya prava : ucheb. [Philosophy of Law: textbook]. Moscow, 2012. 383 p. (In Russ.).
9. Kozjuk M. N. Fenomen mody v teoreticheskoy jurisprudencii [The phenomenon of fashion in theoretical jurisprudence]. Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki – Journal of Higher School of Economics. 2016. Iss. 3. Pp. 219–234. (In Russ.).
10. Korjuhova L. A. Pravovoe vospitanie osuzhdennyh : metod. rekomendacii [Legal education of convicts : methodological recommendations]. Vologda, 1998. (In Russ.).
11. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. [Theory of State and Law : textbook]. Moscow, 2006. 541 p. (In Russ.).
12. Panova O. B. Pedagogicheskoe soprovozhdenie stanovleniya pravovoj pozicii vospitannika ispravitel'nogo uchrezhdeniya: sushhnost' i struktura [Pedagogical support of the formation of the legal position of the inmate of the penitentiary institution: essence and structure]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika – Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Socio-kinetics. 2011. Iss. 4. Pp. 47–50. (In Russ.).
13. Rad'ko T. N. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. [Theory of State and Law: textbook]. Moscow, 2010. 752 p. (In Russ.).

УДК 343.82

Исправительная колония-поселение – разновидность лишения свободы

В. Е. ЮЖАНИН – профессор кафедры уголовного права и процесса Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы

Реферат

В работе приводятся позиции ученых о том, что колонии-поселения не являются местом лишения свободы, и на этой основе, в частности, предлагается заменить их исправительными центрами, реализующими наказание в виде принудительных работ.

Автор отмечает, что между колониями-поселениями и исправительными центрами много общего, но они различаются по характеру принуждения. Отрицается необходимость упразднения колоний-поселений, так как они являются разновидностью открытого исправительного учреждения. Такие учреждения предусмотрены нормами международного права и существуют во многих развитых странах.

Колония-поселение отличается от исправительного центра по правовым последствиям отбывания в них наказания; осужденные изолируются от общества, но в гораздо меньшей степени, чем в закрытых исправительных учреждениях. Охрана этой колонии обеспечивается средствами надзора. Для осужденных установлены ограничения в приобретении и хранении продуктов питания и предметов первой необходимости. Выезды за пределы колонии-поселения предусмотрены на тех же основаниях, что и для осужденных, находящихся в закрытых исправительных учреждениях. Осуществляются проверки наличия осужденных, устанавливается строгий распорядок дня и т. д. Все это указывает на то, что колония-поселение является разновидностью исправительного учреждения, в котором отбывается наказание в виде лишения свободы.

Ключевые слова: колония-поселение; ограниченная изоляция осужденных; исправительные центры; открытые исправительные колонии; надзор за осужденными; принудительные работы; место лишения свободы.

Penal colony-settlement – a kind of imprisonment

V. E. YUZHANIN – Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at Ryazan State University named for S. Yesenin, Dsc. in Law, Professor, Honored Worker of Higher School

Abstract

The paper presents the positions of scholars who testify that the colony is not a place of imprisonment. On this basis, in particular, it is proposed to replace the colony-settlement to correctional centre, who execute the punishment in the form of forced labor.

The author notes that, indeed, in prisons and colony-settlements there is a lot in common, but he defends the position that they differ in the nature of coercion and there is no need to abolish the colony-settlement. They are a kind of an open correctional institution, provided by the rules of international law, and also have a place in many developed countries.

A colony differs from the correctional center on the legal implications of serving punishment in them; the convicts are isolated from society, but to a much lesser extent than in closed correctional institutions. The protection of this colony is provided by means of supervision. For convicts are set limitations in acquiring and storing food and necessities. For prisoners in open prisons are provided trips outside of the colony on the same grounds as for convicts in closed correctional institutions. There are checks the convicts, is set a strict daily schedule, etc. All this indicates that colony-settlement is a kind of correctional institution, which executes the imprisonment.

Keywords: colony-settlement; confined isolation of prisoners; correctional centers; open penal colony; supervision of convicts; forced labor; the place of imprisonment.

По мировому стандарту исправительные учреждения России подразделяются на три вида: открытые (колонии-поселения), полукрытые (воспитательные колонии, колонии общего, строгого и особого режима) и закрытые (тюрьмы). Критерием подобного деления выступает степень изоляции осужденных от общества. Р. С. Маковик, исследуя категорию изоляции личности от общества, выделяет еще так называемую суперизоляцию, которая характеризуется особой

строгостью реализации правоограничений уже изолированной личности внутри места изоляции. Это изоляция осужденных в штрафном изоляторе (ШИЗО), помещении камерного типа (ПКТ), карцере, одиночной камере, участке тюрьмы внутри исправительного учреждения [5, с. 14].

Анализ уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует о том, что возрастание карательного элемента в лишении свободы говорит о большей степени

изоляции осужденного, которая определяется не только видом исправительного учреждения, но и видом режима исправительной колонии, соответствующими условиями отбывания наказания, а также отношением осужденного к отбыванию наказания (при положительном поведении она ослабевает, например при переводе в колонию-поселение, при отрицательном – усиливается, например при водворении в ШИЗО).

В данной статье обратимся к такому виду исправительных учреждений, как колония-поселение, в котором, на наш взгляд, своеобразно проявляется изоляция осужденного от общества. Колония-поселение – это разновидность лишения свободы. Дело в том, что согласно ст. 56 УК РФ «лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение...». Однако многие ученые-пенитенциаристы не рассматривают колонию-поселение как место лишения свободы (А. И. Зубков, А. С. Михлин, А. Е. Наташев, Н. А. Стручков, В. А. Уткин, Б. З. Маликов и др.). При этом одни предлагают предусмотреть ее в качестве самостоятельного вида наказания, другие – переименовать в исправительный центр. Вот как пишет об этом Б. З. Маликов: «Сейчас есть необходимые предпосылки ликвидации колоний-поселений как дублирующего и конкурирующего звена. На их базе должны создаваться исправительные центры (ИЦ) как самостоятельные учреждения, обеспечивающие цели наказания на иной социальной, правовой и психологической основе без всяких проявлений атакизма лишения свободы. Исправительные центры, как задумано, должны стать самостоятельным промежуточным звеном между изоляцией осужденного от общества и свободой» [6, с. 119].

Действительно, у колоний-поселений и исправительных центров, в которых в соответствии с действующим законодательством должны отбывать наказание осужденные к принудительным работам (ст. 60.1 УИК РФ), много общего. Исправительные центры, как и лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении, Р. С. Маковик относит к типичной (стандартной) изоляции личности [5, с. 94]. Главное, что их объединяет, это нахождение осужденных в данных учреждениях без охраны, но под надзором. По этому признаку они не соотносятся с лишением свободы. Кроме того, у них отсутствуют и иные существенные атрибуты лишения свободы: осужденные не подвергаются строгой изоляции, могут проживать

с семьями, передвигаться в пределах муниципального образования, свободно общаться с гражданскими лицами, пользоваться собственной одеждой, деньгами, ценными вещами и т. п. Принудительные работы, хотя и стоят в лестнице наказаний на три ступени выше лишения свободы (ст. 44 УК РФ), но по правовому статусу находятся в одном ряду, например, в случае определения сроков наказаний при их сложении (одному дню лишения свободы соответствует один день принудительных работ – ст. 71 УК РФ) или исчислении сроков наказаний и зачета наказания (ст. 72 УК РФ).

Однако, несмотря на конкуренцию колоний-поселений и исправительных центров, появляющуюся на законодательном уровне, при назначении наказания и в процессе его исполнения законодатель все-таки не стремится избавиться от колоний-поселений как разновидности места лишения свободы. К тому же Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. предусматривает их как один из основных видов исправительных учреждений. На наш взгляд, к тому есть основания, так как различия лишения свободы и принудительных работ очевидны. Но главное то, что изоляция личности как основной признак лишения свободы присутствует в колонии-поселении. Попробуем этот тезис обосновать.

Во-первых, открытые исправительные учреждения, к которым относится колония-поселение, рекомендуется международными нормативными актами, в частности Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными (ч. 2 ст. 63). Подобные открытые учреждения существуют во многих странах мира. Так, например, в Англии и Уэльсе имеются открытые учреждения, относящиеся к категории безопасности «Д» низшего уровня, куда направляются для отбывания лишения свободы осужденные, вызывающие доверие у администрации и отличающиеся низкой вероятностью совершения побега. Они составляют 15–17 % от всех осужденных, лишенных свободы. В эти учреждения направляются также осужденные после отбытия части срока наказания в закрытых тюрьмах [8, с. 456].

Во-вторых, правовые последствия отбывания наказания в колониях-поселениях существенно разнятся с последствиями отбывания принудительных работ в исправительных центрах. Например, сроки погашения судимости у осужденных, отбывших лишение свободы, более длительные (ч. 2 ст. 86 УК РФ); после отбывания наказания в колонии-по-

селении за умышленное преступление при совершении нового умышленного преступления в пределах срока течения судимости лицо будет считаться совершившим преступление при рецидиве (опасном рецидиве), и ему может быть назначена для отбывания наказания колония строгого, а не общего режима (п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ) и пр.

В-третьих, осужденные в колониях-поселениях изолируются от общества, но в гораздо меньшей степени, чем в закрытых исправительных учреждениях. Они могут свободно передвигаться, но в пределах колонии-поселения. Согласно Положению о колониях-поселениях границы этого учреждения утверждаются начальниками территориальных органов уголовно-исполнительной системы по согласованию с местными органами самоуправления и должны быть расположены не далее 5 км от центра дислокации колонии. Если колония-поселение расположена на территории населенного пункта, то она огораживается забором и должна иметь контрольно-пропускной пункт. Надо сказать, что таких колоний в России большинство. В них создается весьма ограниченное пространство, за пределы которого осужденные без специального разрешения выйти не могут. «В этом случае, – пишет В. Н. Черный, – жилая зона всеми участниками уголовно-исполнительных правоотношений воспринимается так, как в исправительных колониях, а территорией колонии-поселения считается пространство внутри ограждения. По существу, открытое учреждение превращается в полуоткрытое, однако не нормативно-правовым, а правоприменительным путем» [8, с. 465].

Осужденные к лишению свободы в колониях-поселениях содержатся без охраны, но под надзором (п. «а» ч. 1 ст. 129 УИК РФ). Поэтому изоляция обеспечивается изнутри, путем выполнения администрацией мероприятий. Покидать пределы колонии-поселения осужденные могут с разрешения администрации в связи с характером выполняемой ими работы или обучением.

В-четвертых, на изоляцию осужденных в колонии-поселении указывает тот факт, что для них установлены ограничения в приобретении и хранении вещей, предметов, продуктов питания, а также получении их в посылках, передачах, бандеролях, указанных в Приложении № 1 к Правилам внутреннего распорядка исправительного учреждения. С целью их обнаружения могут проводиться обыски осужденных и общежитий, досмотры посылок, передач и бандеролей.

В-пятых, жилые помещения, в которых проживают осужденные, могут посещаться в любое время представителями администрации колонии-поселения (п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ), в том числе и помещения, в которых проживают осужденные со своими семьями на арендованной ими жилой площади.

В-шестых, для осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях, предусмотрены выезды за пределы колонии на тех же основаниях, что и для осужденных, находящихся в закрытых исправительных учреждениях (ст. 97 УИК РФ). Это свидетельствует о том, что произвольно покинуть колонию они не могут, что указывает на их изоляцию от общества. Кроме того, у осужденных при нахождении их в колонии-поселении отбирается паспорт и взамен выдается документ, удостоверяющий личность.

В-седьмых, в соответствии с гл. 9 Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения в колониях-поселениях так же, как и в закрытых исправительных учреждениях, не менее двух раз в сутки осуществляются проверки наличия осужденных, а для осужденных, проживающих с семьями, – регистрация у оперативного дежурного до четырех раз в месяц.

Можно привести еще ряд положений, свидетельствующих прямо или косвенно об изоляции осужденных в колониях-поселениях. Так, например, могут в порядке меры взыскания применяться водворение в ШИЗО, запрет выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 суток (ч. 2 ст. 115 УИК РФ). Ничего подобного не предусмотрено для осужденных к принудительным работам, находящихся в исправительных центрах. К ним может быть применено лишь водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток.

Как известно, изоляция осужденного от общества как признак лишения свободы на определенный срок законодателем выражена двояко: а) как заключение и содержание осужденного в исправительном учреждении под охраной; б) как нахождение осужденного под надзором. Последнее возможно в колониях-поселениях, при освобождении из-под стражи в колониях общего режима за шесть месяцев до освобождения, проживании женщин за пределами исправительных учреждений с семьей или детьми, предоставлении права передвижения без конвоя, переводе осужденных в воспитательных колониях на льготные условия с правом проживания в общежитиях за пределами коло-

нии. Во всех этих случаях они не перестают быть осужденными к лишению свободы на определенный срок, то есть они так же изолируются от общества, как и осужденные, находящиеся внутри исправительных учреждений. Только эта изоляция более ослабленная, она обеспечивается как бы изнутри путем проведения надзорных мероприятий.

Осужденные ограничиваются в свободе передвижения, в контактах с социальной средой, другими осужденными. Например, осужденные, пользующиеся правом передвижения без конвоя, а также освобожденные из-под стражи под надзор администрации, находясь вне жилой зоны или общежития (объекта проживания), обязаны: соблюдать маршрут и время передвижения, правила общественного порядка, своевременно возвращаться после работы в жилую зону или общежитие (объект проживания) и пр. Им также накладываются запреты выходить из жилой зоны и общежития (объекта проживания) в не установленное расписанием дня время, в рабочее время оставлять объект работы и др. (гл. 24 Правил внутреннего распорядка исправительного учреждения).

Таким образом, вышеизложенное указывает на наличие признаков изоляции в открытых условиях отбывания лишения свободы, в том числе и в колониях-поселениях. Это говорит о том, что изоляция имеет степени, которые проявляются по-разному в том или ином виде исправительных учреждений, в тех или иных условиях отбывания наказания. Если смягчаются условия отбывания наказания, то смягчается и степень изоляции осужденных. При этом условия отбывания наказания первичны, а степень изоляции вторична. Условия отбывания наказания предопределяются тяжестью совершенного преступления, прошлой судимостью, поведением во время отбывания наказания и пр. В зависимости от того, какие условия отбывания наказания определены законом и судом, в частности виды исправительных учреждений, зависит соответствующий уровень изоляции.

В колониях-поселениях главная роль в обеспечении режима отводится надзору, включающему в себя контроль и наблюдение за осужденными. Он обеспечивает безопасность спецконтингента, сотрудников и граждан на территории колонии-поселения и за ее пределами на местах работы осужденных. Посредством надзора контролируются возможные побеги осужденных. Использование сил и средств надзора способствует

соблюдению осужденными распорядка дня и т. д. В отсутствие охраны надзору отводится ведущая роль в предупреждении и пресечении преступлений среди осужденных.

О том, что колония-поселение является местом лишения свободы открытого типа, указало большинство опрошенных нами практических работников исправительного учреждения (77 %). 59 % респондентов считают, что нет необходимости заменять ее исправительным центром, исполняющим принудительные работы.

Чтобы объяснить роль изоляции осужденных при исполнении наказания в виде лишения свободы в колониях-поселениях, следует разобраться, как она соотносится с самим наказанием.

К сущности и роли изоляции в лишении свободы в научной литературе существует несколько подходов. Некоторыми учеными она рассматривается как кара, которую несет в себе наказание. Так, например, О. И. Бажанов связывает ее с ограничениями в условиях отбывания наказания [1, с. 10].

Действительно, изоляция осужденных – это один из карательных элементов лишения свободы, но она, на наш взгляд, не является одним из условий отбывания наказания. Примерно то же самое утверждают В. И. Брызгалов и Н. Е. Макагон, считая, что обязательная изоляция осужденных и постоянный надзор за ними – это то, что определяет режим отбывания наказания, который связывается с ограничениями и принудительным содержанием осужденных в исправительных учреждениях [3, с. 19].

В последнее время открыто стали отождествлять изоляцию с условиями содержания осужденного в исправительном учреждении. Вот как пишет об этом Б. З. Маликов: «Исправительное учреждение... обеспечивает предписанную законом степень изоляции осужденных, в которой находит выражение сущность данного наказания, с нею связан весь комплекс правоограничений, а также содержание процесса исправительного воздействия. Сама изоляция представляет собой содержание осужденного в исправительном учреждении соответствующего вида и режима, определенного в приговоре суда» [6, с. 67]. Таким образом, автор ставит знак равенства между изоляцией и карательным содержанием лишения свободы конкретного исправительного учреждения. Изоляция осужденного как бы включает в себя весь арсенал карательного воздействия на осужденного: соответственно изоляцию, правоограничения и все меры

принуждения, применяемые к ним во время отбывания наказания.

Имеется и иная позиция. Так, например, Н. А. Беляев утверждает, что изоляция имеет свое специфическое содержание и не связывается с условиями отбывания наказания. Однако он отводит ей слишком малую роль как исключаящую возможность совершения ими новых преступлений [2, с. 10]. На наш взгляд, лишение свободы прежде всего карает, а не только содержит предупредительные возможности. Функцию предупреждения побегов осужденных, а значит и совершения ими иных возможных преступлений, выполняет охрана осужденных, посредством которой обеспечивается их изоляция от общества.

Интересную мысль высказал Р. С. Маковик. Он отмечал, что изоляция осужденных приводит к принудительному временному ограничению выбора места жительства, рода занятий, свободного передвижения, ведения индивидуального образа жизни [4, с. 15]. С этим утверждением можно согласиться, но вызывает недоумение, когда осужденные, как и все граждане, имеют полный объем прав, реализация которых приостанавливается режимом изоляции. Выходит, что все права ограничиваются в связи с тем, что осужденные изолируются от общества. Ограничение прав и свобод осужденного – самостоятельный элемент наказания, и это прямо вытекает из определения, данного законодателем в ч. 1 ст. 43 УК РФ.

Подводя итог, отметим, что сама изоляция, ее роль в механизме реализации наказания и ее соотношение с режимом понимаются в научных работах по-разному:

- а) как составная часть условий отбывания наказания;
- б) имеющая специфическое содержание и не связанная с условиями отбывания наказания;
- в) одно из требований режима содержания осужденных, то есть элемент его содержания;
- г) часть наказания, которая дополняется режимом как способом воплощения кары;
- д) набор принудительных элементов лишения свободы, составной частью которого является режим.

На наш взгляд, изоляция личности в исправительном учреждении является самостоятельным элементом лишения свободы и не включает в себя все содержание этого вида наказания. Правоограничения в виде карательных условий отбывания наказания

не выражают собой ее изоляцию. Например, ограничение осужденных в посылках, свиданиях, расходовании денег и т. п. не характеризует изоляцию, оно лишь косвенно с ней связано (в связи с изоляцией осужденный не может выбрать вид работы и профессиональной деятельности и пр.). Подобные ограничения выступают как следствие изоляции, но не выражают ее. Так, например, осужденный, находясь в колонии-поселении, изолирован от общества, но пользуется свободой при приобретении продуктов питания, получении посылок, предоставлении свиданий и т. д.

Любопытна точка зрения о роли изоляции и режима Р. А. Ромашова. Изоляция, по его мнению, позволяет государству вычленив и обособить от общества лиц, признанных социально опасными, а институт правоограничений, выраженный в режиме исполнения наказания, выступает в качестве основного инструмента воздействия на поведение осужденного. Правоограничения имеют двоякую цель: а) обеспечивают профилактику пенитенциарного рецидива и эффективное противодействие ему; б) мотивируют и стимулируют субъекта к выбору позитивного правового поведения [7, с. 126].

Изоляция как самостоятельная правовая категория, на наш взгляд, включает в себя:

- физическое и духовное ограничение свободы общения с общественной и природной средой;
- отсутствие свободы физического передвижения (ограничение в передвижении);
- ограничение свободы ведения своего образа жизни, вида трудовой и общественно-политической деятельности, возможности распоряжаться по своему усмотрению;
- лишение права на выбор места жительства.

Данные ограничительные элементы лишения свободы ни в коем случае не определяют условия отбывания наказания, они выражают лишь отдельные аспекты их внешней изоляции от общества.

Указанные элементы изоляции свойственны колониям-поселениям: они распространяются на них частично или полностью. Осужденные частично физически и духовно подвергаются ограничению свободы, например они обязаны находиться в колонии, не могут посещать музеи, театры, ходить в гости и пр. Они ограничиваются свободой передвижения, так как в основном обязаны проживать в общежитиях (ночью не выходить из них), передвигаться только в пределах границ колонии (за ее пределами с разре-

шения администрации в связи с характером выполняемой работы или обучением). Они также ограничиваются свободой ведения того образа жизни, которого они желают, не могут избирать вид трудовой деятельности, так как на них распространяются общие правила привлечения лишенных свободы к труду (в местах и на работах, определяемых администрацией исправительного учреждения, – ч. 1 ст. 103 УИК РФ). Не могут также распорядиться собой по своему усмотрению, так как для них установлен соответствующий распорядок дня, которому они обязаны следовать. Кроме того, осужденные лишаются права на выбор места жительства, так как вынуждены проживать по месту расположения колонии-поселения, в которую они направляются по распоряжению территориального органа уголовно-исполнительной системы (ст. 75.1 УИК РФ).

Условия отбывания наказания в колониях-поселениях определены в ст. 129 УИК: осужденные содержатся без охраны, но под надзором, проживают, как правило, в общежитиях; имеют документ установленного образца, удостоверяющий личность; осужденным запрещается использовать и хранить на территории колонии-поселения и на объектах, где выполняются работы, предметы и вещества, перечень которых установлен Правилами внутреннего распорядка исправительного учреждения; и пр. В научной литературе эти правоограничения именуют полусвободным режимом отбывания наказания в виде лишения свободы.

Большинство ограничений, которые свойственны изоляции осужденных в колониях-поселениях, неполные, в совокупности характеризуют пограничный этап пенитенциарной стадии изоляции личности. Содержание осужденных в колониях-поселениях под надзором, на наш взгляд, относится к стадии предизоляции, так как осужденные не испытывают те ограничения, кото-

рые предусмотрены в типичной изоляции. По мнению Р. С. Маковика, это особый этап правовой изоляции личности. Он пишет, что «в колонии-поселении установлены и реализуются правоограничения, касающиеся в основном свободы физического передвижения; только в связи с этим существуют ограничения выбора трудовой деятельности и личного образа жизни. Это свидетельствует об особом этапе стадии правовой изоляции личности. Реализация многих конституционных прав свидетельствует о том, что это не лишение, а определенное ограничение личной свободы. Это “облегченная” изоляция личности» [5, с. 124]. Но в данном случае «всевозможные маленькие свободы не заменят наиболее жизненное право – Свободу с большой буквы» [9, с. 271].

Обращает на себя внимание классификация изоляции, данная Р. С. Маковицом. Если отсечь доприступную и постприступную изоляцию личности (квазиизоляцию), то изоляция личности, связанная с лишением свободы, имеет, по мнению автора, три стадии: 1) предизоляция (выступает в форме одной и более, но не из всех элементов изоляции); 2) стандартная (типичная) изоляция личности (проявляется при исполнении наказания в различных видах исправительных колоний и степени ограничения); 3) суперизоляция (характеризуется особой строгостью реализации правоограничений уже изолированной личности внутри места изоляции – ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, карцер и т. п.) [5, с. 18].

Первая стадия изоляции личности (предизоляция), не связанная со всеми элементами изоляции, характерна для колоний-поселений. Таким образом, исправительная колония-поселение – это особая специальная мера наказания в виде лишения свободы, для которой характерен полусвободный режим и нетипичная (облегченная) изоляция осужденных от общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов О. И. Режим лишения свободы и его особенности при исполнении наказания в колониях усиленного режима. М., 1973. 39 с.
2. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительных учреждениях. Л., 1963. 186 с.
3. Брызгалов В. И., Макагон Н. Е. Режим в местах лишения свободы. Киев, 1976. 83 с.
4. Маковик Р. С. Государственно-правовой статус осужденного к лишению свободы : лекция. Рязань, 1979. 40 с.
5. Маковик Р. С. Стадийность изоляции личности : моногр. Рязань, 2009. 156 с.
6. Маликов Б. З. Лишение свободы в России (теоретико-правовые проблемы сущности и целей наказания). Саратов, 2001. 192 с.
7. Ромашов Р. А. Режим исполнения наказания как правовой масштаб пенитенциарной свободы // Проблемы организации режима в ИУ, выработка путей их решения, вопросы обучения курсантов по специальности «Организация режима в УИС» : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 14–15 мая 2014 г.). Новокузнецк, 2014. С. 126–129.
8. Уголовно-исполнительное право: Особенная часть : учеб. / под общ. ред. Г. А. Корниенко. Рязань, 2013. 822 с.
9. Цвейг С. Мария Стюарт. М., 1991. 352 с.

REFERENCES

1. Bazhanov O. I. Rezhim lisheniya svobody i ego osobennosti pri ispolnenii nakazaniya v kolonijah usilennogo rezhima [Regime of imprisonment and its peculiarities in the execution of punishment in the colonies of the strengthened regime]. Moscow, 1973. 39 p. (In Russ.).
2. Beljaev N. A. Celi nakazaniya i sredstva ih dostizheniya v ispravitel'nyh uchrezhdenijah [Objectives of punishment and means of achieving them in correctional institutions]. Leningrad, 1963. 186 p. (In Russ.).
3. Bryzgalov V. I., Makagon N. E. Rezhim v mestah lisheniya svobody [Treatment in places of imprisonment]. Kiev, 1976. 83 p. (In Russ.).
4. Makovik R. S. Gosudarstvenno-pravovoj status osuzhdenного k lisheniju svobody : lekcija [State-legal status of persons sentenced to imprisonment: lecture]. Ryazan, 1979. 40 p. (In Russ.).
5. Makovik R. S. Stadijnost' izoljacji lichnosti : monogr. [Stages of isolation of the personality : monograph]. Ryazan, 2009. 156 p. (In Russ.).
6. Malikov B. Z. Lishenie svobody v Rossii (teoretiko-pravovye problemy sushhnosti i celej nakazaniya) [Imprisonment in Russia (theoretical and legal problems of the essence and purposes of punishment)]. Saratov, 2001. 192 p. (In Russ.).
7. Romashov R. A. Rezhim ispolneniya nakazaniya kak pravovoj masshtab penitenciarnoj svobody [The regime of execution of punishment as a legal scale of penitentiary freedom]. Problemy organizacii rezhima v IU, vyrabotka putej ih resheniya, voprosy obucheniya kursantov po special'nosti «Organizacija rezhima v UIS» : materialy vsenos. nauch.-prakt. konf. (Novokuzneck, 14–15 maja 2014 g.) – Problems of the organization of the regime in the IU, the development of ways to solve them, the issues of training cadets in the specialty «Organization of the regime in UIS» : materials of the all-Russian scientific-practical conference (Novokuznetsk, 14–15 may's 2014 g.). Novokuznetsk, 2014. Pp. 126–129. (In Russ.).
8. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: Osobennaja chast' : ucheb. / pod obshh. red. G. A. Kornienko [Penal law: Special part : studies / ed. by of G. A. Kornienko]. Ryazan, 2013. 822 p. (In Russ.).
9. Cvejg S. Marija Stjuart [Mary Stuart]. Moscow, 1991. 352 p. (In Russ.).

УДК 343.8

Правовые проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ

И. В. ДВОРЯНСКОВ – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

О. С. ДОРОШЕНКО – старший инспектор отдела по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, УФСИН России по Тульской области

Реферат

Предметом исследования в данной статье стали вопросы правового регулирования признания осужденных к принудительным работам уклоняющимися от отбывания наказания. Цель работы – дать объективную характеристику соответствующих оснований, выявить недостатки и пробелы в правовом регулировании и сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства в обозначенной сфере.

В работе использовались традиционные для правового исследования методы: диалектический, индукция и дедукция, системный, сравнительно-правовой.

В статье проведен анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей наказание в виде принудительных работ, а также практики исполнения этого наказания. Выявлены пробелы в порядке его отбывания, в том числе в части необходимости приведения в кодексе ссылки на отсутствие уважительной причины при уклонении от получения предписания и неприбытии к месту отбывания наказания.

Результатами работы стали обоснованные в тексте статьи предложения по внесению изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство. В целях исключения несоответствия предлагается изложить ч. 4 ст. 60.2 УИК РФ в следующей редакции: «В случае уклонения осужденного к принудительным работам от получения предписания (в том числе в случае неявки без уважительных причин за получением предписания) или неприбытия без уважительных причин к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок осужденный объявляется в розыск территориальным органом уголовно-исполнительной системы и подлежит задержанию на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток».

Ключевые слова: принудительные работы; исправительный центр; осужденные к принудительным работам; предписание.

Legal problems of execution criminal punishment in the form of forced labor

I. V. DVORYANSKOV – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

O. S. DOROSHENKO – Senior Inspector of the Department for Control over Execution of Sentences without Isolation from Society of the Federal Penal Service in Tula Region

Abstract

The subject of the research in this paper are issues of legal regulation of the recognition of convicts to forced labor as evading punishment. The aim of this paper is to give an objective characterization of the relevant grounds, to identify shortcomings and gaps in their legal regulation and to formulate appropriate proposals for improving the penal legislation in this area.

In the work traditional for the legal research methods were used: dialectical, induction and deduction, systemic, comparative-legal.

The article analyzes the legal framework regulating the punishment in the form of forced labor, as well as the practice of executing this punishment. Gaps were identified in the order of his serving, including the need to include in the Code the reference to the absence of a valid reason for evading the order and not visiting the place of serving the sentence.

The results of the work were substantiated in the text of the paper proposals on amending the existing criminal executive legislation. In order to avoid inconsistency it is proposed to state part 4 of Art. 60.2 of the Penal Code of Russia as follows: «In case of evasion of the convict from forced labor from receiving a prescription (including in case of failure to appear without a valid reason for receiving an order) or non-arrival without valid reasons, the convict shall be put on the wanted list by the territorial authorities of the penal system and is subject to detention for up to 48 hours. This period can be prolonged by the court up to 30 days».

Key words: forced labor; correctional center; convicted to forced labor; prescription.

С 1 января 2017 г. в нашей стране исполняется новый вид наказания – принудительные работы. 23 марта 2017 г. на церемонии представления офицеров, назначенных на высшие командные должности, Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что ФСИН России предстоит к 2019 г. создать систему исправительных центров. Это позволит сократить количество отбывающих наказание в местах лишения свободы, облегчить содержание осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести. В рамках реализации указанного поручения с учетом поступивших предложений территориальных органов ФСИН России разработан и утвержден директором Федеральной службы исполнения наказаний План организационно-практиче-

ских мероприятий ФСИН России, направленных на создание системы исправительных центров к 2019 г.

Однако в настоящее время еще не сложилась практика принудительных работ, достаточная для формулирования вывода об эффективности данной уголовно-правовой меры. Вместе с тем уже сейчас возникает ряд проблем правового и организационного характера, что обуславливает актуальность изучения исполнения принудительных работ в целях как выявления и обобщения положительного опыта, так и устранения недостатков и пробелов в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации. Обратимся лишь к некоторым из них, которые выявляются в уголовно-исполнительной деятельности.

Ряд проблем связан со следованием осужденных к месту отбывания наказания. Его регулирование осуществляется Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.07.2012 № 691 (ред. от 07.03.2016) «Об утверждении Правил оплаты проезда, обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда осужденных, самостоятельно следующих к месту отбывания принудительных работ» [3].

Также процедуру следования осужденного к месту отбывания наказания регламентирует Порядок направления осужденных к месту отбывания принудительных работ (далее – Порядок), утвержденный приказом Минюста России от 28.12.2016 № 321 «Об утверждении Порядка направления осужденных к месту отбывания принудительных работ» [1].

Анализ нормативно-правовой базы исполнения принудительных работ показывает, что контингент осужденных к этому наказанию неоднороден по своему статусу, в частности объему прав и обязанностей. Можно выделить среди них две категории: первые направляются к месту отбывания наказания самостоятельно, вторые, находящиеся к моменту вынесения приговора (судебного решения) под стражей, следуют в исправительный центр (ИЦ) или участок, функционирующий как исправительный центр (УФИЦ), под конвоем.

Думается, что эта вариативность в нормативно-правовом регулировании не обусловлена потребностями в обеспечении правопорядка и нормальном осуществлении уголовно-исполнительной деятельности, не соответствует строгости и содержанию рассматриваемого наказания.

Будучи более мягким видом наказания по сравнению с лишением свободы, принудительные работы предполагают подчас более строгие условия отбывания. В частности, для осужденных к лишению свободы в колониях-поселениях выезды предоставляются на срок до семи суток, а для привлеченных к принудительным работам – только на пять.

Если выезд за пределы исправительного центра на период ежегодного оплачиваемого отпуска может быть разрешен только осужденным, не имеющим взысканий, то в колониях-поселениях такого ограничения нет [4].

Ввиду меньшей строгости принудительных работ по сравнению с лишением свободы (ст. 44 УК РФ) необходимо законодательно установить более льготные условия для осужденных, содержащихся в исправитель-

ном центре или участке, функционирующем как исправительный центр, по сравнению с колониями-поселениями, в том числе по указанным выше позициям.

Большинство практических работников ИЦ и УФИЦ территориальных органов ФСИН России в ходе проведенного нами анкетирования указали, что основные проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ связаны с трудоустройством осужденных.

Исполнение обязанности администрации исправительного центра осуществлять трудоустройство осужденных существенно затрудняется ограниченным количеством предоставляемых рабочих мест, а также частым отсутствием у осужденных соответствующего профессионального образования.

В практике исполнения принудительных работ уже имеются случаи, когда прибывший в ИЦ (УФИЦ) осужденный не имеет ряда обязательных для трудоустройства документов (паспорта, страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования, документа об образовании и др.).

Что касается иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих разрешения на трудовую деятельность на территории Российской Федерации, то исполнение принудительных работ в отношении их становится юридически невозможным.

Практические работники обращают внимание на нехватку вакансий на предприятиях либо ограниченность рынка вакансий в месте дислокации ИЦ и УФИЦ. Мониторинг вакансий, представленных центрами занятости населения, показывает, что в большинстве своем они предлагают неквалифицированные должности, такие как грузчик, уборщик производственных и служебных помещений, контролер, курьер, мойщик посуды, подсобный рабочий. Но количество и таких рабочих мест ограничено.

В случае активного применения судами наказания в виде принудительных работ может сложиться ситуация полного отсутствия рабочих мест для осужденных, так как в указанных профессиональных нишах, согласно опросу, заняты более 90 % отбывающих наказание в виде принудительных работ, причем три четверти из них обеспечивают хозяйственное обслуживание государственных предприятий и организаций.

Заметим, что ряду организаций, согласно имеющимся вакантным должностям, требуются рабочие узких специальностей. В связи с этим полагаем, что следует рассмотреть возможность самостоятельного тру-

доустройства осужденного с разрешения администрации ИЦ (УФИЦ). Необходимо нормативно установить квотирование рабочих мест для осужденных к принудительным работам, в том числе путем представления преимущественного права трудоустройства осужденным к принудительным работам в организациях, в которых предусмотрены квоты для трудоустройства иностранных граждан.

Несмотря на то что большинство опрошенных сотрудников указали, что в их практике отсутствует интересный опыт по привлечению к труду осужденных к принудительным работам, в ряде территориальных органов ФСИН России он все же есть и заслуживает отдельного внимания.

Так, например, в ФКУ ИЦ-1 УФСИН России по Ставропольскому краю проводятся встречи с главой администрации и руководителями организаций и предприятий, на которых доводятся условия заключения трудовых договоров, раскрывается порядок увольнения осужденных. Все необходимые сведения представлены в виде информационного листа, в котором в числе прочего указываются рабочие специальности осужденных к принудительным работам, содержащихся в ИЦ. Информационный лист также размещается в центре занятости населения для ознакомления организаций, имеющих вакантные должности.

Согласно ч. 5 ст. 53.1 УК РФ из заработной платы осужденного к принудительным работам производятся удержания в доход государства, перечисляемые на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы. Однако данная норма не регламентирует порядок, а также не определяет субъектов, участвующих в этом процессе, и органы, осуществляющие контроль. Эти обстоятельства создают предпосылки для возможных нарушений законодательства.

Анализ организации исполнения наказания показал, что закон не предусматривает возможности наложения взыскания на осужденных, повредивших или уничтоживших технические средства надзора и контроля при исполнении наказания в виде принудительных работ. Более того, в случае такого повреждения или уничтожения, даже при условии наложения на осужденного взыскания, остается открытым вопрос о возмещении им причиненного ущерба.

На основании ст. 60.20 УИК РФ применяются общие правила возмещения вреда. Исправительный центр должен подготовить и подать в суд исковое заявление о взыска-

нии материального ущерба. При этом бремя доказывания, согласно ст. 56 ГПК РФ, будет лежать на исправительном центре. Осужденные прекрасно осведомлены об ограниченности возможностей уголовно-исполнительной системы в ведении судебных дел, длительности судебной процедуры и ее неэффективности. Это формирует у многих из них чувство безнаказанности.

В п. «в» ч. 1 ст. 60.4 УИК РФ устанавливается обязанность осужденных проживать, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях. Вместе с тем следует отметить, что словосочетание «как правило» позволяет осужденному на вполне законных основаниях проживать и вне общежития под любым предлогом, в том числе и за вознаграждение.

В связи с этим считаем необходимым в п. «в» ч. 1 ст. 60.4 УИК РФ заменить слова «как правило» на «за исключением случаев, установленных законом».

Еще одна проблема касается розыска осужденных, уклоняющихся от принудительных работ. Как говорится в ч. 4 ст. 60.2 УИК РФ, осужденный, уклоняющийся от получения предписания (в том числе в случае неявки за получением предписания) или не прибывший к месту отбывания наказания в установленный предписанием срок, объявляется в розыск территориальным органом уголовно-исполнительной системы и подлежит задержанию на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток.

После задержания суд в соответствии со ст. 397 УПК РФ принимает решение о заключении осужденного под стражу и замене принудительных работ лишением свободы.

Таким образом, в случае неявки за получением предписания или неприбытия к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок осужденный признается уклоняющимся от отбывания наказания, и суд заменяет ему принудительные работы лишением свободы.

Однако приведенные нормы не учитывают возможности неявки осужденного по уважительной причине (болезнь, стихийное бедствие, автокатастрофа и т. п.). В данном случае замена принудительных работ лишением свободы не будет отвечать своему предназначению как меры, корректирующей противоправное поведение, и влечет нарушение прав осужденного.

К тому же применение меры ответственности в таком случае будет противоречить п. 10 Порядка, где установлено, что при невозможности выезда осужденного и прибытия его в исправительный центр в

установленный в предписании срок по уважительным причинам по постановлению территориального органа ФСИН России или учреждения, выдавшего предписание, срок, установленный осужденному для прибытия в исправительный центр, продлевается.

В УИК РФ не предусмотрено ссылки на наличие уважительной причины при рассмотрении вопроса об уклонении от получения предписания и неприбытии к месту отбывания наказания.

Таким образом, имеет место несоответствие норм УИК РФ и Порядка направления осужденных к месту отбывания принудительных работ. И если по общему правилу в случае конкуренции норм будет действовать положение федерального закона, ка-

ковым является УИК РФ, то в данном случае очевидна необходимость приведения именно его в соответствие с подзаконным актом.

Полагаем, что ввиду вышесказанного целесообразно изложить ч. 4 ст. 60.2 УИК РФ в следующей редакции: «В случае уклонения осужденного к принудительным работам от получения предписания (в том числе в случае неявки без уважительных причин за получением предписания) или неприбытия без уважительных причин к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок осужденный объявляется в розыск территориальным органом уголовно-исполнительной системы и подлежит задержанию на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Порядка направления осужденных к месту отбывания принудительных работ : приказ Минюста России от 28.12.2016 № 321. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.08.2017).
2. Об утверждении Порядка создания при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы изолированных участков, функционирующих как исправительные центры (зарегистрировано в Минюсте России 18.04.2014 № 32026) : приказ Минюста России от 08.04.2014 № 67 // Рос. газ. 2014. 30 апр.
3. Об утверждении Правил оплаты проезда, обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда осужденных, самостоятельно следующих к месту отбывания принудительных работ : постановление Правительства Рос. Федерации от 06.07.2012 № 691 (ред. от 07.03.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 29. Ст. 4119.
4. Организационно-правовые проблемы исполнения наказаний в виде принудительных работ (аналитический материал). М., 2017.
5. Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ : сб. материалов науч.-практ. конф. М., 2012. 233 с.

REFERENCES

1. Ob utverzhdenii Porjadka napravlenija osuzhdennyh k mestu otbyvaniya prinuditel'nyh rabot : prikaz Minjusta Rossii ot 28.12.2016 № 321 [About the statement of the order of the direction condemned to the place of serving of forced labor : order of the Ministry of justice of Russia dated 28.12.2016 № 321]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 08.08.2017). (In Russ.).
2. Ob utverzhdenii Porjadka sozdaniya pri ispravitel'nyh uchrezhdenijah ugodovno-ispolnitel'noj sistemy izolirovannyh uchastkov, funkcionirujushhih kak ispravitel'nye centry (zaregistrirovano v Minjuste Rossii 18.04.2014 № 32026) : prikaz Minjusta Rossii ot 08.04.2014 № 67 [About approval of the Procedure for creating correctional institutions of the penal system of isolated sites functioning as detention centers (registered in Ministry of justice of Russia 18.04.2014 № 32026) : order of the Ministry of justice of Russia from 08.04.2014 № 67]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 2014. April 30. (In Russ.).
3. Ob utverzhdenii Pravil oplaty proezda, obespechenija produktami pitaniya ili den'gami na vremja proezda osuzhdennyh, samostojatel'no sledujushhih k mestu otbyvaniya prinuditel'nyh rabot : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 06.07.2012 № 691 (red. ot 07.03.2016) [About approval of Rules of payment, provision of food or money at the time of passage of convicts, on their own following to the place serving forced labor : resolution of the Government of the Russian Federation from 06.07.2012 № 691 (edited 07.03.2016)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. Iss. 29. Art. 4119. (In Russ.).
4. Organizacionno-pravovye problemy ispolnenija nakazanij v vide prinuditel'nyh rabot (analiticheskij material) [Organizational and legal problems of execution of punishments in the form of forced labor (analytical material)]. Moscow, 2017. (In Russ.).
5. Organizacija ispolnenija ugodovnogo nakazaniya v vide prinuditel'nyh rabot : sb. materialov nauch.-prakt. konf. [Organization of execution of criminal punishment in the form of forced labor : collection of materials of scientific and practical conference]. Moscow, 2012. 233 p. (In Russ.).

Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы, уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы: исторический аспект

О. Ю. КРЮКОВА – старший научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье приводятся результаты ретроспективного исследования уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за побег из мест лишения свободы, а также уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы. Анализируются правовые основания привлечения к уголовной ответственности за побег и квалифицирующие признаки состава данного вида преступления, вопросы криминализации и декриминализации побегов с учетом проводимой государством уголовной политики.

Проведенное исследование развития уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за побег, уклонение от отбывания лишения свободы, позволяет сделать некоторые выводы: 1) первое упоминание о тюремном заключении встречается в Судебнике 1550 г., а уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы была впервые предусмотрена в Уложении 1845 г. и в процессе развития уголовного законодательства претерпевала изменения: по-разному оценивалась степень общественной опасности побега, что влекло за собой изменения его уголовно-правовой оценки (от назначения смертной казни до отмены уголовной ответственности, замена ее дисциплинарной, затем вновь возвращение к уголовной ответственности), увеличивалось число квалифицирующих признаков побега, изменялись признаки субъекта преступления; 2) норма, устанавливающая уголовную ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы, впервые появилась в 1977 г. Субъектами данного преступления являлись только осужденные, содержащиеся в исправительно-трудовых колониях общего и строгого режимов, колониях-поселениях всех видов, воспитательно-трудовых колониях (по достижении 16 лет), а также в следственных изоляторах и тюрьмах, если они были оставлены там с их согласия для работы по хозяйственному обслуживанию, не вернувшиеся из краткосрочного выезда. УК РФ 1997 г. расширяет признаки субъекта данного преступления: им является лицо, осужденное к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы либо предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания.

Ключевые слова: побег из мест лишения свободы; уклонение от отбывания наказания; субъект преступления; уголовное законодательство; лишение свободы; уголовная ответственность; квалифицирующие признаки преступления.

Criminal liability for escape from places of imprisonment, evasion from serving a punishment in correctional facilities: the historical aspect

O. YU. KRYUKOVA – Senior Researcher of the Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The article presents the results of a retrospective study of criminal legislation that establishes liability for escaping from places of imprisonment as well as for evading punishment in the form of imprisonment. Legal grounds for criminal prosecution for escape and qualifying signs of the corpus delicti of this type of crime, criminalization and decriminalization of escapes are analyzed taking into account the state's criminal policy.

A study of the development of criminal legislation that establishes responsibility for escape, evasion from serving a sentence of imprisonment, allows us to draw some conclusions: 1) the first mention of imprisonment is found in the Law Code of 1550, and the

criminal liability for escape from places of imprisonment was first provided for in the Code of 1845 and in the process of development of criminal legislation underwent changes: the degree of social danger of escape varied in a different way, which entailed changes in his criminal -law evaluation (from the awarding the death penalty for the escape up to cancel criminal responsibility for the act replacing it with the disciplinary liability, and then again return to the criminal liability), increased the number of qualifying escape signs changed signs of the perpetrator; 2) the norm establishing the criminal liability for evasion from serving the imprisonment first appeared in 1977. The subjects of this crime were only convicts held in correctional labor colonies of general and strict regimes, colonies-settlements of all kinds, educational-labor colonies (according to 16 years of age), as well as in pre-trial detention centers and prisons, if they were left there with their consent for work on maintenance, who did not return from a short-term exit. The Criminal Code of the Russian Federation in 1997 extends the signs of the subject of this crime; it is a person sentenced to imprisonment, who is allowed to travel outside the place of imprisonment or a respite of the sentence.

Key words: escape from places of imprisonment; evasion from serving punishment; subject of crime; criminal legislation; imprisonment; criminal liability; qualifying signs of crime.

Одним из основных средств уголовно-правового реагирования на преступления является уголовное наказание в виде лишения свободы. К числу наиболее распространенных и опасных преступлений в местах лишения свободы относятся побег, так как они не только дестабилизируют нормальную деятельность исправительных учреждений, но и представляют собой опасное посягательство на интересы правосудия, а также осложняют криминальную ситуацию в обществе, так как лица, бежавшие из мест лишения свободы, нередко вновь совершают преступления.

Российское уголовное законодательство в вопросах ответственности за побег из мест лишения свободы прошло долгий и сложный путь развития.

Толчком к развитию меры наказания в виде лишения свободы послужило разрастание массовой преступности, хотя порядок содержания в тюрьмах еще не был определен. В этой связи практиковалось «окование в железа» во избежание побегов. В 30–50-х гг. XVI в. в ходе земско-губных реформ появились тюрьмы, которые обслуживались населением. Имелись случаи нападений на места лишения свободы преступных группировок с целью освобождения собратьев и тюремных поджогов [7, с. 231].

Судебник 1550 г. упоминает тюремное заключение уже в 21 случае (для служащих, «лихих людей», лжесвидетелей). Тюремное заключение становится самостоятельным видом наказания, осознается его влияние на преступников, встает вопрос о сроках заключения, но они начинают разрабатываться уже после Судебника 1550 г. [8, с. 231; 5, с. 281].

Тюремное заключение в Соборном уложении 1649 г. приобретает «исправительный

характер», устанавливаются сроки лишения свободы (различается заключение до «порук» (под гарантию местных жителей), до указа, на определенный срок, до смерти). В XVI в. тюрьмы строятся во многих городах, происходит становление общегосударственной тюремной системы [8, с. 233].

Уложение 1845 г. предусматривало уголовную ответственность за различные случаи незаконного освобождения или побега заключенных, а также оказание содействия побегу (ст. 335–340) [9, с. 256–258]. Побег из мест заключения относился к преступлениям, посягающим на порядок управления. К квалифицирующим признакам совершения побега относились «взлом тюрьмы или иного места заключения», «насильственное освобождение» (ч. 1 ст. 335, ч. 1 ст. 336), «смертоубийство или зажигательство» (ч. 2 ст. 335, ч. 2 ст. 336). Уложение предусматривало ответственность и за побег без квалифицирующих признаков (ч. 3 ст. 335, ч. 3 ст. 336). Кроме того, рассматриваемый законодательный акт устанавливал ответственность за побег «арестантов во время пересылки из одного места в другое» как самими заключенными, так и с помощью третьих лиц, совершенное «с употреблением насилия» или «смертоубийства» либо «без всякого насилия» (ст. 337, 338); ответственность за «побеги из места работы или поселения каторжных и сосланных на поселение в Сибирь или за Кавказ» (ст. 340) [9, с. 256–258].

Таким образом, субъектами побега по Уложению 1845 г. могли быть не только сами осужденные, совершившие побег из места заключения, арестанты, убежавшие во время пересылки из одного места в другое, либо каторжные, сосланные на поселение в Сибирь или за Кавказ, оставившие место

работы или поселение, но и лица, оказавшие содействие при побеге.

Уголовное уложение 1903 г. различает четыре формы тюремного лишения свободы: заключение в исправительный дом, заключение в крепости, заключение в тюрьму и арест [1, с. 168]. Необходимо отметить, что составы преступлений, касающиеся побегов, содержались в главе «О противодействии правосудию» (ст. 173–176) [10, с. 312]. Из диспозиции ст. 173 следует, что субъектом рассматриваемого преступления являлось лицо, виновное в освобождении арестанта из-под стражи или из места заключения либо содействовавшее побегу; виновное в освобождении приговоренного или отбывающего каторгу; виновное в освобождении лица, совершившего тяжкое преступление.

Кроме того, данное уложение устанавливало ответственность за побег, совершенный непосредственно самими арестантами посредством насилия над личностью, учиненного в отношении стражи (ч. 1 ст. 174); по соглашению с другими арестантами (ч. 2 ст. 174); побег с поселения (ст. 175); побег с каторги (ч. 1 ст. 176); побег с каторги посредством насилия над стражей или повреждения мест заключения (ч. 2 ст. 176); побег с каторги по соглашению с другими арестантами (ч. 3 ст. 176) [4, с. 20–21].

Необходимо отметить, что по мере развития Советского государства, по данным Л. В. Перцовой, законодатель по-разному оценивал степень общественной опасности побега, что влекло за собой изменения в его уголовно-правовой оценке. В первые годы советской власти побег карался самым суровым образом – вплоть до смертной казни. Так, согласно п. 37 постановления ВЦИК от 17.05.1919 г. «О лагерях принудительных работ» за побег в первый раз заключенному увеличивался срок наказания до десятикратного размера срока первоначального заключения, а за вторичный – предусматривалось даже применение высшей меры наказания, определяемой судом революционного трибунала [6, с. 54]. Субъектом побега являлись лишь лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы.

В 1920 г. было принято «Положение об общих местах заключения РСФСР», в котором была предпринята попытка различить побег с квалифицирующими признаками и без таковых. Так, в § 214 устанавливалось, что заключенные, виновные в побеге или в покушении на побег, сопряженный с насилием или с повреждением здания, отвеча-

ют в судебном порядке, а бежавшим время, проведенное в заключении до побега, не засчитывается в срок наказания, если оно не превышает одного года. Решение о незначительности в срок наказания времени свыше одного года должен был принимать суд (§ 215). Кроме того, бежавшие по задержании и возвращении переводились в штрафной изолятор и подлежали особо тщательному наблюдению (§ 216) [6, с. 54].

Временная инструкция «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового», утвержденная Постановлением НКЮ РСФСР от 23.07.1918, предусматривала продление сроков лишения свободы в отношении осужденных, нарушавших установленный в исправительных учреждениях порядок и противодействовавших администрации мест отбывания наказания [14, с. 598]. Вопрос установления уголовной ответственности за побег в этот период также претерпевал изменения. Так, УК РСФСР 1922 г. во втором разделе «О преступлениях против порядка управления» первой главы «Государственные преступления» содержал ст. 95, в которой предусматривалась ответственность за побег арестованного из-под стражи или из места заключения, совершенный с помощью подкопа, взлома, повреждения затворов, стен и т. п. [2, с. 478] Побег, совершенный при отсутствии таких обстоятельств, рассматривался в качестве дисциплинарного проступка, за который виновные привлекались к дисциплинарной ответственности [19, с. 140]. Кроме того, кодекс предусматривал ответственность за незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из мест заключения или за содействие побегу (ст. 94) [2, с. 478].

Постановлением ВЦИК от 16.10.1924 уголовная ответственность осужденных за побег из мест заключения была отменена. В качестве основного аргумента выдвигался довод, что побег не может быть совершен там, где места заключения соответствуют своему назначению. Если же побег совершен, то это свидетельствует о плохом состоянии мест заключения, наличии существенных недостатков в организации охраны осужденных к лишению свободы. В подобном случае кара заключенного за побег является фактически наказанием его за плохое состояние места лишения свободы и за ненадлежащее выполнение обязанностей должностными лицами [6, с. 55; 11, с. 329].

ТК РСФСР 1924 г. предусматривал только дисциплинарную ответственность за совер-

шение побега. Так, в соответствии со ст. 212 за самовольное оставление места заключения, не сопряженное со взломом, подкопом или насилием, лишенный свободы подвергается дисциплинарным взысканиям, упомянутым в ст. 145 кодекса. Побег или покушение на побег, совершенные посредством насилия над стражей, подкопа, взлома или вообще повреждения затворов, стен и т. п., а равно побег из-под стражи при препровождении наказывались изменением в режиме учинивших побег или покушение на побег заключенных (ст. 213) [15].

УК РСФСР 1926 г. вновь установил уголовную ответственность за побег арестованного из-под стражи или места заключения, совершенный посредством подкопа, взлома или повреждения стен, затворов, а равно возвращение в запрещенные для проживания места, побег с места обязательного поселения или с пути следования к нему (ст. 82), а также за незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из мест заключения или содействие его побегу (ст. 81) [16].

В дальнейшем ВЦИК и СНК РСФСР постановлением от 10.06.1931 расширили норму, и ответственность стала предусматриваться не только за побег осужденного из мест заключения, но и за побег арестованного из места предварительного заключения [6, с. 56].

В соответствии с «Положением об исправительно-трудовых лагерях» от 07.04.1930 в качестве побега рассматривалась отлучка заключенного без надлежащего разрешения из района командировки или места работы и неявка его к месту постоянного нахождения по истечении шести часов после вечерней проверки (ст. 50) [13, с. 248].

В соответствии с ИТК РСФСР 1933 г. опоздание лишенного свободы из отпуска или из командировки без уважительных причин в течение не более 24 часов после вечерней проверки рассматривалось как самовольная отлучка, а сверх 24 часов – как побег. Побегом считался также самовольный уход на любой срок с внешних работ, из места лишения свободы или с участков работы за пределы колонии (ст. 91) [17]. За самовольные отлучки осужденные подвергались дисциплинарным взысканиям.

УК РСФСР 1960 г. устанавливает уголовную ответственность за побег с места ссылки (ст. 186), самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания (ст. 187), побег из места заключения или из-под стражи (ст. 188) [12, с. 497].

Субъектом побега (ст. 188) являлось лицо, отбывающее наказание или находящееся в предварительном заключении; выделялся и квалифицированный вид побега – побег, соединенный с насилием над стражей (ч. 2 ст. 188).

Впоследствии в УК РСФСР вносились изменения. Была установлена уголовная ответственность за побег из лечебно-трудового профилактория, а равно с пути следования в профилакторий (ст. 186), за побег из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи (ст. 188). В то же время самовольное оставление колонии-поселения любого вида не могло быть квалифицировано как побег (ст. 188) [3, с. 351].

К местам лишения свободы, в соответствии с УК РСФСР 1960 г., относились: исправительно-трудовые учреждения (ч. 3 ст. 24), в число которых входили исправительно-трудовые колонии различных видов, воспитательно-трудовые колонии и тюрьмы. Из текста ст. 188 следовало, что самовольное оставление колонии-поселения любого вида не могло быть квалифицировано как побег [3, с. 351]. Субъектом побега могли быть только лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, заключенные под стражу в порядке меры пресечения или находящиеся под стражей. Лица, подвергнутые аресту в качестве меры административного взыскания, ответственности по ст. 188 не несли. Квалифицирующими признаками побега являлись: повторность; предварительный сговор группы лиц; завладение оружием или его использование; применение насилия либо способа побега, создающего угрозу для жизни или здоровья других лиц; повреждение инженерно-технических средств охраны или подкоп.

Содействие побегу из мест лишения свободы, предварительного заключения или из-под стражи квалифицировалось в зависимости от субъекта такого содействия. При содействии побегу со стороны частного лица оно несло ответственность по правилам о соучастии (ст. 17); если такое содействие оказывалось должностным лицом с использованием своего служебного положения, оно несло ответственность по соответствующим статьям Особенной части УК о должностных преступлениях; при содействии побегу лицами начальствующего сержантского и рядового состава исправительно-трудовых учреждений, следственных изоляторов, а также офицерского, сержантского и рядового состава подраз-

делений внутренних войск они несли ответственность по соответствующим статьям УК о воинских преступлениях [3, с. 351].

Необходимо отметить, что уголовная ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы не предусматривалась ни в УК РСФСР 1922 г., ни в УК РСФСР 1926 г., ни в начальной редакции УК РСФСР 1960 г.

В свою очередь, в 1973–1976 гг. сотрудниками ВНИИ МВД СССР совместно с ГУЛИТУ и ГУИТУ МВД СССР был проведен эксперимент, посвященный изучению вопроса о целесообразности введения в новое законодательство института краткосрочных выездов осужденных из исправительно-трудовых колоний. Правовой основой эксперимента стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1973 «О временном введении краткосрочных выездов осужденных из некоторых исправительно-трудовых учреждений в связи с исключительными личными обстоятельствами». Министерству внутренних дел СССР было дано право временно ввести в ИТК Литовской ССР, Свердловской, Донецкой, Куйбышевской, Новосибирской, Ростовской, Витебской, Карагандинской областей порядок, предусматривающий разрешение отдельным осужденным, с учетом их личности и поведения, краткосрочных выездов из этих колоний в связи с исключительными личными обстоятельствами [18, с. 494].

Абсолютное большинство (свыше 90 %) осужденных, которым были разрешены краткосрочные выезды, своевременно возвратились в исправительно-трудовые учреждения. Поведение 99 % осужденных за пределами мест лишения свободы не вызвало нареканий со стороны органов власти и местного населения. В итоге работники исправительно-трудовых учреждений оценили институт краткосрочных выездов как дополнительный стимул к исправлению осужденных [18, с. 494].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.02.1977 Основы исправительно-трудового законодательства были дополнены ст. 24¹ «Краткосрочные выезды за пределы мест лишения свободы». Соответствующая статья (26¹) появилась и в ИТК РСФСР. Согласно данной норме краткосрочные выезды могли быть разрешены осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, исправительно-трудовых колониях общего режима, воспитательно-трудовых колониях, в связи с исключительными личными обстоятельствами: смерть или тяжелая болезнь близ-

кого родственника, угрожающая жизни больного; стихийное бедствие, причинившее значительный материальный ущерб осужденному или его семье [18, с. 495].

Продолжительность краткосрочного выезда – не более семи суток, не считая времени на проезд в оба конца (не более пяти суток). Разрешение на краткосрочный выезд давалось начальником учреждения по согласованию с прокурором с учетом личности и поведения осужденного. Время нахождения осужденного вне пределов исправительно-трудового учреждения засчитывалось в срок наказания [18, с. 495].

Приказом министра внутренних дел СССР 1 апреля 1977 г. была утверждена согласованная с Прокурором Союза ССР Инструкция о порядке предоставления осужденным краткосрочных выездов в связи с исключительными личными обстоятельствами. В соответствии с ней такое право могло быть предоставлено также осужденным, которым было назначено отбывание наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима, но которые с их согласия были оставлены в следственных изоляторах и тюрьмах для работ по хозяйственному обслуживанию [18, с. 495].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1977 УК РСФСР был дополнен ст. 188¹, которая предусматривала ответственность за уклонение от отбывания наказания осужденного, которому разрешен краткосрочный выезд из мест лишения свободы, а равно осужденного, отбывающего наказание в колонии-поселении [12, с. 497].

Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы имело место, если осужденный не возвращался к установленному сроку в исправительно-трудовое учреждение без уважительных причин. В случае несвоевременного возвращения осужденного его действия рассматривались как дисциплинарный проступок (ст. 53 ИТК РСФСР). Если возвращению осужденного в установленный срок препятствовали объективные обстоятельства, не зависящие от его воли, ответственность, как уголовная, так и дисциплинарная, исключалась [3, с. 352].

Субъектами рассматриваемого преступления являлись только осужденные, содержащиеся в исправительно-трудовых колониях общего и строгого режимов, колониях-поселениях всех видов, воспитательно-трудовых колониях (по достижении 16 лет), а также в следственных изоляторах и тюрьмах, если они были оставлены там с их согласия для работы по хозяйственно-

му обслуживанию (ст. 16 ИТК РСФСР) [3, с. 353].

Статья 188¹ в редакции закона Российской Федерации от 18.02.1993 в качестве субъекта преступления включала осужденного, отбывающего наказание в колонии-поселении [3, с. 353].

Под уклонением от отбывания наказания в колонии-поселении понималось самовольное умышленное оставление осужденным территории колонии, которое объявлялось под подписку каждому содержащемуся там лицу, или невозвращение в установленный администрацией срок на территорию колонии [3, с. 353].

Исследование развития уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за побег, уклонение от отбывания лишения свободы, позволяет сделать выводы о том, что первое упоминание о тюремном заключении встречается в Судебнике 1550 г., а уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы впервые предусмотрена в Уложении 1845 г. и в процессе развития уголовного законодательства претерпевала изменения: по-разному оценивалась степень общественной опасности побега, что влекло за собой изменения его уголовно-правовой оценки (от назначения смертной казни за побег до отмены уголовной ответственности за дан-

ное деяние, замена ее дисциплинарной, затем вновь возвращение к уголовной ответственности), увеличивалось число квалифицирующих признаков побега, изменялись признаки субъекта преступления. На наш взгляд, с положительной стороны следует отметить наличие в ст. 91 ИТК РСФСР 1933 г. понятия побега, в связи с чем считаем целесообразным дополнить ст. 313 УК РФ примечанием, дающим определение побега.

Норма, устанавливающая уголовную ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы, впервые появилась в 1977 г. Субъектами данного преступления являлись только осужденные, содержащиеся в исправительно-трудовых колониях общего и строгого режимов, колониях-поселениях всех видов, воспитательно-трудовых колониях (по достижении 16 лет), а также в следственных изоляторах и тюрьмах, если они были оставлены там с их согласия для работы по хозяйственному обслуживанию, не вернувшиеся из краткосрочного выезда. УК РФ 1997 г. расширяет признаки субъекта данного преступления: им является лицо, осужденное к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы либо предоставлена отсрочка исполнения приговора или отбывания наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есипов В. В. Уголовное уложение 1903 г., его характер и содержание. Варшава, 1903. 175 с.
2. История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен по 1930 г. Минск, 2003. 640 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР: по сост. на 15 декабря 1993 г. / отв. ред. В. М. Радченко. М., 1994. 509 с.
4. Мазур О. В. Вопросы истории ответственности за побег из мест лишения свободы // Нетрадиционные подходы к решению проблем борьбы с правонарушениями : материалы науч.-практ. конф. Омск, 1996. С. 16–21.
5. Нарышкина Н. И. Организационно-правовые меры предупреждения побегов из тюрем в России: исторический аспект // Преступность, криминология, криминологическая защита / под ред. А. И. Долговой. М., 2007. С. 281–286.
6. Перцова Л. В. Советское уголовное законодательство об ответственности за побег из мест лишения свободы // Совершенствование деятельности воспитательно-трудовых колоний и профилактика молодежной преступности : сб. науч. тр. М., 1992. С. 54–58.
7. Развитие русского права в XV – первой половине XVII века / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1986. 287 с.
8. Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX вв. М., 1995. 263 с.
9. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. 432 с.
10. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазных революций. 352 с.
11. Самойлова О. В. Развитие уголовного законодательства об ответственности за побег из мест лишения свободы // Пути повышения эффективности деятельности УИС Минюста России в современный период : материалы междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2004. С. 328–331.
12. Свод законов РСФСР : в 9 т. М., 1983–1988.
13. Свод законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 53. Ст. 598.
15. Собрание узаконений РСФСР. 1924. № 86. Ст. 870.
16. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
17. Собрание узаконений РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.
18. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учеб. для вузов / под ред. А. И. Зубкова. М., 2005. 720 с.
19. Шевелев Ю. К. Развитие законодательства о борьбе с побегами осужденных к лишению свободы // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР. М., 1971. № 17. С. 137–140.

REFERENCES

1. Esipov V. V. Ugolovnoe ulozhenie 1903 g., ego harakter i sodержanie [The criminal code of 1903, its nature and content]. Warsaw, 1903. 175 p. (In Russ.).
2. Istorija gosudarstva i prava Rossii v dokumentah i materialah. S drevnejshih vremen po 1930 g. [History of the state and law of Russia in documents and materials. From ancient times to 1930]. Minsk, 2003. 640 p. (In Russ.).
3. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RSFSR: po sost. na 15 dekabrja 1993 g. / otv. red. V. M. Radchenko [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR: as of December 15, 1993; ed. by V. M. Radchenko]. Moscow, 1994. 509 p. (In Russ.).
4. Mazur O. V. Voprosy istorii otvetstvennosti za pobeg iz mest lishenija svobody [Questions of the history of responsibility for escape from prison]. Netradicionnye podhody k resheniju problem bor'by s pravonarushenijami: materialy nauch.-prakt. konf. – Non-traditional approaches to solving problems of combating offenses: materials of the scientific-practical conference). Omsk, 1996. Pp. 16–21. (In Russ.).
5. Naryshkina N. I. Organizacionno-pravovye mery preduprezhdenija pobegov iz tjurem v Rossii: istoricheskij aspect [Organizational and legal measures to prevent escapes from prisons in Russia: the historical aspect]. Prestupnost', kriminologija, kriminologicheskaja zashhita / pod red. A. I. Dolgovoj – Crime, criminology, criminological protection; ed. by A. I. Dolgovoy. Moscow, 2007. Pp. 281–286. (In Russ.).
6. Percova L. V. Sovetskoe ugolovnoe zakonodatel'stvo ob otvetstvennosti za pobeg iz mest lishenija svobody [Soviet criminal legislation on the responsibility for escape from places of imprisonment]. Sovershenstvovanie dejatel'nosti vospitatel'no-trudovyh kolonij i profilaktika molodezhnoj prestupnosti : sb. nauch. tr. – Perfection of the activity of educational and labor colonies and prevention of youth crime: a collection of scientific papers. Moscow, 1992. Pp. 54–58. (In Russ.).
7. Razvitie russkogo prava v XV – pervoj polovine XVII veka / otv. red. V. S. Nersesjanc [The development of Russian law in the XV – first half of the XVII century; ed. by V. S. Nersesjanc]. Moscow, 1986. 287 p. (In Russ.).
8. Rogov V. A. Istorija gosudarstva i prava Rossii IX – nachala XX vv. [History of the State and Law of Russia IX – the beginning of the XX centuries]. Moscow, 1995. 263 p. (In Russ.).
9. Rossijskoe zakonodatel'stvo X – XX vekov : v 9 t. [Russian legislation of the 10th-20th centuries : in 9 vol.]. Moscow, 1988. Vol. 6. Legislation of the first half of the XX century. 432 p. (In Russ.).
10. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. [Russian legislation of the 10th-20th centuries : in 9 vol.]. Moscow, 1994. Vol. 9. Legislation of the era of bourgeois revolutions. 352 p. (In Russ.).
11. Samojlova O. V. Razvitie ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za pobeg iz mest lishenija svobody [Development of criminal legislation on responsibility for escape from places of imprisonment]. Puti povyshenija effektivnosti dejatel'nosti UIS Minjusta Rossii v sovremennyj period : materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. – Ways to increase the effectiveness of the penal system of the Ministry of Justice of Russia in the modern period : the materials of the international scientific and practical conference. Vladimir, 2004. Pp. 328–331. (In Russ.).
12. Svod zakonov RSFSR : v 9 t. [Lawbook of the RSFSR : in 9 vol.]. Moscow, 1983–1988. (In Russ.).
13. Svod zakonov i rasporjazhenij Raboche-krest'janskogo Pravitel'stva SSSR – Lawbook and regulations of the Workers 'and Peasants' Government of the USSR. 1930. Iss. 22. Art. 248. (In Russ.).
14. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij rabocheho i krest'janskogo pravitel'stva – Collection of legalization and orders of the workers 'and peasants' government. 1918. Iss. 53. Art. 598. (In Russ.).
15. Sobranie uzakonenij RSFSR – Collection of legal acts of the RSFSR. 1924. Iss. 86. Art. 870. (In Russ.).
16. Sobranie uzakonenij RSFSR – Collection of legal acts of the RSFSR. 1926. Iss. 80. Art. 600. (In Russ.).
17. Sobranie uzakonenij RSFSR – Collection of legal acts of the RSFSR. 1933. Iss. 48. Art. 208. (In Russ.).
18. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teorija, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaja praktika konca XIX – nachala XXI veka : ucheb. dlja vuzov / pod red. A. I. Zubkova [Penal law of Russia: theory, legislation, international standards, domestic practice of the late XIX – early XXI century : textbook for universities; ed. by A. I. Zubkov]. Moscow, 2005. 720 p. (In Russ.).
19. Shevelev Ju. K. Razvitie zakonodatel'stva o bor'be s pobegami osuzhdennyh k lisheniju svobody [The development of legislation to combat the escape of prisoners sentenced to imprisonment]. Trudy Vsesojuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta MVD SSSR – Proceedings of the All-Union Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Moscow, 1971. Iss. 17. Pp. 137–140. (In Russ.).

УДК 343.294

Некоторые проблемы реабилитации в российском уголовном судопроизводстве

А. М. ЛЮТЫНСКИЙ – доцент Северо-западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

Р. М. МОРОЗОВ – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Р е ф е р а т

В статье выделены и рассмотрены проблемы реализации норм института реабилитации в российском уголовном процессе. Предложены варианты решения проблем с учетом действующих принципов уголовного судопроизводства и практики Конституционного Суда Российской Федерации.

Первой проблемой указана реализация права на частичную реабилитацию лиц, обвиненных в ходе расследования в существенно более тяжком преступлении, нежели это установлено вступившим позднее в законную силу обвинительным приговором суда, и подвергнутым мерам пресечения в виде заключения под стражу. С этим связан вопрос реабилитации в случае изменения в ходе судебного разбирательства количества преступлений, в которых обвинялся реабилитируемый. В первом случае авторы предлагают презюмировать право лица на реабилитацию. Второй случай в судебной практике не вызывает серьезных противоречий, в статье предлагается внести соответствующие изменения в гл. 18 УПК РФ.

Другая проблема касается уточнения норм гражданского права, дающих право регрессных требований к должностным лицам органов следствия и дознания в случае реабилитации преследуемых в уголовно-процессуальном порядке лиц. Сформулированы предложения по уточнению норм гражданского права. Предлагается считать основанием для регрессных требований к следователю, привлекавшему реабилитированного к уголовной ответственности, вступивший в законную силу обвинительный приговор, устанавливающий факт незаконных действий должностного лица.

Ключевые слова: реабилитация; частичное прекращение уголовного преследования; заключение под стражу; компенсация вреда; требования в порядке регресса.

Some problems of rehabilitation in the Russian criminal proceeding

A. M. LYUTYNSKY – Associate Professor of the Northwest Institute (Branch) of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLU), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

R. M. MOROZOV – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

The article highlights and discusses the problems of implementing the standards of the rehabilitation institute in the Russian criminal process. Options are offered for solving problems, taking into account the current principles of criminal justice and the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The first problem is the realization of the right to partial rehabilitation of persons accused in the course of an investigation in a much more serious crime than was established by a later convicted court verdict and subjected to preventive measures in the form of detention. This raises the question of rehabilitation in case of a change in the course of the trial of the number of crimes in which the rehabilitated was accused. In the first case the authors suggest presuming the person's right to rehabilitation. The second case in the judicial practice does not cause serious contradictions, the article proposes to make appropriate changes to Chapter 18 of the of Criminal Procedure Code.

Another problem relates to the clarification of civil law norms that give the right of recourse claims to officials of investigation and inquiry authorities in case of rehabilitation of persons prosecuted in criminal procedure. Proposals on clarifying the norms of civil law are formulated. It is proposed to consider the basis for recourse claims against the investigator, who brought a person who has been rehabilitated to criminal responsibility, a guilty verdict, which entered into legal force, establishing the fact of illegal actions of an official.

Key words: rehabilitation; partial termination of criminal prosecution; detention; compensation for harm; recourse requirements.

Право на реабилитацию в уголовном судопроизводстве представляет собой право на возмещение лицу, подвергнутому незаконному и необоснованному уголовному

преследованию, имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Реабилитация напрямую связана с назначением уголовного судопроизводства и реализацией некоторых его принципов [14, с. 225]. Так, в ст. 6 УПК РФ, определяющей смысл существования самой формы судопроизводства, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения определена не менее важной задачей, чем защита потерпевших от преступлений. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве имеет своим важнейшим следствием обязательность возмещения вреда, причиненного лицу в результате нарушения его прав и свобод судом и органами, осуществлявшими уголовное преследование (ч. 4 ст. 11 УПК РФ).

Институт реабилитации лиц, подвергшихся незаконному и необоснованному уголовному преследованию, имеет исторические корни в российском праве. Некоторые общие положения уголовно-процессуальной реабилитации устанавливались еще в Уставе уголовного судопроизводства, хотя историки права отмечают, что в законодательстве XIX в. многие аспекты восстановления прав реабилитированных так и не нашли своего разрешения, получив лишь некоторое теоретическое осмысление в правовой науке [2, с. 15–19].

В советском уголовно-процессуальном законодательстве проблемам реабилитации не уделялось должного внимания. В 1993 г. с принятием Конституции Российской Федерации реабилитация получила конституционно-правовую основу, и в 2001 г. соответствующий правовой институт занял место в новом УПК РФ. Практика показывает, что в последние годы ежегодно судами рассматривается около тысячи дел о реабилитации. При этом следует отметить, что оправдывается граждан и прекращаются уголовные дела по реабилитирующим основаниям намного больше [10, с. 214].

Само по себе появление гл. 18 в УПК РФ можно оценить с положительной стороны. Впервые был создан полноценный уголовно-процессуальный механизм, закрепляющий возможность лицу, которое незаконно преследовалось органами обвинительной власти, восстановить свои права и получить материальную и моральную компенсацию ущерба. Однако наличие отдельной главы не отменяет многочисленных пробелов правового регулирования и правопримени-

тельной практики восстановления прав преследовавшихся в уголовно-процессуальном порядке лиц. Тема вызывает практический и теоретический интерес у граждан, работников правоохранительных органов, адвокатов и судей. Публикуются статьи об отдельных аспектах реабилитации в уголовном процессе. Не претендуя на всеохватность такой сложной темы, выделим лишь некоторые проблемы правового регулирования реабилитации в уголовном судопроизводстве.

Одним из значимых представляется вопрос частичной реабилитации лица, совершившего преступление.

В ч. 3 ст. 133 УПК РФ предусматривается возможность права на реабилитацию для любого лица, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 4 своего постановления, разъясняющего правила применения норм гл. 18 УПК РФ, указал, что решения, уменьшающие объем обвинения, но не исключающие его (например, осужденный при переквалификации содеянного со ст. 105 на ч. 4 ст. 111 УК РФ), не дают лицу права на реабилитацию [6].

В данном контексте важно уточнить значение понятия «объем обвинения». Если понимать под ним «совокупность инкриминируемых преступлений (основных составов), отягчающих, особо отягчающих либо смягчающих обстоятельств, с которыми закон связывает уголовную ответственность, в том числе и количество вмененных преступлений» [5, с. 118], то можно, на наш взгляд, констатировать наличие противоречия с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, который еще в 2005 г. в одном из так называемых «отказных» определений обращался к этому вопросу в связи с жалобой Н. Н. Рысовой. Заявитель столкнулась с ситуацией, когда в суде в отношении нее было прекращено уголовное преследование по нескольким эпизодам обвинения в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, а по одному из эпизодов – в связи с истечением сроков давности. В своем решении суд общей юрисдикции не признал за Н. Н. Рысовой право на реабилитацию, включая право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

Конституционный Суд Российской Федерации, определив, что жалоба заявительницы в целом не соответствует требованиям закона и не будет рассмотрена, указал, что УПК РФ не содержит положений, исклю-

чающих возможность возмещения вреда лицу, в отношении которого было прекращено уголовное преследование по реабилитирующему основанию, по той лишь причине, что одновременно в другой части обвинения это лицо было признано виновным в совершении преступления либо уголовное преследование в отношении него было прекращено по нереабилитирующему основанию. В таких ситуациях с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела и в соответствии с принципами справедливости и приоритета прав и свобод человека суд вправе принять решение о частичном возмещении реабилитированному лицу вреда, если таковой был причинен в результате уголовного преследования по обвинению, не нашедшему подтверждения в ходе судебного разбирательства [9].

С этим очень близко связана другая проблема. В решении Пленума указано, что, например, при отмене меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с переквалификацией содеянного с ч. 1 ст. 111 УК РФ на ст. 115 УК РФ вопросы, связанные с возмещением вреда *в случае его причинения* (здесь и далее выделено авт.), разрешаются в порядке, предусмотренном гл. 18 УПК РФ [6].

Действительно, не так редки ситуации, когда преследуемое лицо было заключено под стражу по обвинению в тяжком преступлении, за которое предусматривается санкция свыше трех лет лишения свободы. В ходе судебного разбирательства объем обвинения уменьшается, и в результате обвиняемый фактически осуждается за преступление, которое предусматривает более мягкие санкции. Следуя логике указанного постановления, лицам лишь в случае наличия вреда можно получать компенсацию в порядке, предусмотренном гл. 18 УПК РФ.

На наш взгляд, привлечение в качестве обвиняемого по обвинению в более тяжком преступлении – результат действий должностного лица государственного органа, органа уголовного преследования. Государство делегировало этому лицу право обоснованного преследования гражданина. Преследование может оказаться незаконным и необоснованным в связи с ошибкой следователя, его умышленными действиями и т. п. Эти решения, не подтвержденные приговором суда, послужили основой для применения к обвиняемому мер процессуального принуждения в виде заключения под стражу. Пребывание под стражей в связи с обвинением в преступлении, кото-

рого фактически не совершал обвиняемый (осужденный за значительно менее тяжкое преступление), в большинстве случаев само по себе должно расцениваться как причинившее вред преследуемому лицу.

Фактически лицо, заключенное под стражу в связи с обвинением в преступлении, которого оно не совершало, подвергается необоснованному уголовно-процессуальному принуждению. Вред от такого преследования очевиден, должен предполагаться и служить основанием права на реабилитацию, о чем уже не раз указывалось в научной литературе [15, с. 116].

На наш взгляд, эта правовая ситуация и механизм ее разрешения должны быть иным образом регламентированы в процессуальном законе. Во-первых, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации и в УПК РФ необходимо более четко предусмотреть частичную реабилитацию лица, подвергнутого уголовному преследованию в случае изменения объема обвинения: уменьшения количества эпизодов и существенного изменения квалификации. Причина изменения квалификации действий осужденного в приговоре не должна иметь при этом значения. Как справедливо указывается правоведом, даже ошибка должностных лиц органов уголовного преследования и суда не препятствует возникновению права на реабилитацию [10, с. 215]. В этих случаях осужденный, находившийся под стражей, должен получать право на частичную реабилитацию. Также требуют уточнения ч. 2 и 3 ст. 133 УПК РФ. Например, можно переформулировать ее следующим образом: «Право на возмещение вреда в порядке, установленном настоящей главой, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, *в том числе в случае частичного прекращения уголовного преследования или изменения тяжести обвинения*». При этом в ч. 2 ст. 133 УПК РФ необходимо уточнить, что право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют: 1) подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, в том числе оправданный по одному из эпизодов предъявленного обвинения; 2) подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, в том числе в связи с отказом по одному из эпизодов предъявленного обвинения; 3) по-

дозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям, предусмотренным УПК РФ, в том числе в части предъявленного обвинения.

Также в нормах, посвященных применению и отмене мер пресечения, законодатель может предусмотреть описанную ситуацию и сделать отсылку к праву на реабилитацию и нормам гл. 18 УПК РФ.

Следующей актуальной проблемой представляется вопрос ответственности должностных лиц государственных органов, в результате действий которых лицо было незаконно подвергнуто уголовному преследованию. Государственный бюджет компенсирует реабилитированному вред, причиненный действиями указанных лиц. При этом вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме, независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда [9].

Очевидно, что должностные лица привлекаются к дисциплинарной ответственности за допущенные нарушения закона, однако остается открытым вопрос о материальных аспектах ответственности.

Исходной правовой основой для предъявления требований в порядке регресса служат несколько норм ГК РФ. В 2011 г. в ст. 1081 кодекса были внесены изменения, исходя из них и с учетом содержания ст. 1069 и 1070 ГК РФ важно выделить следующее:

- вред от незаконных действий должностных лиц в сфере уголовного судопроизводства возмещается гражданину за счет средств федерального бюджета, в силу компетенции государственных органов в сфере уголовной юстиции;

- возмещение вреда в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде в результате незаконных действий должностных лиц производится независимо от их вины;

- возмещение *иного вреда, причиненного в ходе осуществления правосудия*, возможно лишь при наличии вступившего в законную силу обвинительного приговора в отношении судьи по этому факту;

- при этом ГК РФ не предусматривает обвинительный приговор в отношении иных должностных лиц (кроме судей) как условие возмещения иного вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства [3, с. 51].

Российская Федерация в случае возмещения вреда, причиненного судьей при осуществлении им правосудия, имеет право регресса к этому лицу, если его вина установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

Помимо ГК РФ, российское законодательство содержит и иные нормы, устанавливающие материальную ответственность должностных лиц правоохранительных органов перед государством.

Однако анализ практики и сравнение количества фактов и размеров выплаченных компенсаций гражданам, пострадавшим от действий органов расследования, прокуратуры и суда, с данными об обращении в судебном порядке о взыскании с должностных лиц в порядке регресса этих сумм позволяют говорить о практическом отсутствии реальной практики применения данных правовых норм.

Практика показывает неудачные попытки взыскать от имени государства в регрессном порядке со следователей суммы компенсаций реабилитированным без установления виновных действий должностного лица, повлекших незаконное уголовное преследование.

Управление МВД в одном из регионов России после выплаты компенсации оправданной по уголовному делу, которое расследовал следователь следственного подразделения органа внутренних дел, обратилось в суд. Представители органа в своих требованиях сослались на положения ч. 5 ст. 15 федерального закона № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которая предусматривает, что в случае возмещения Российской Федерации вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника органа внутренних дел, федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения, для чего этот орган вправе обратиться в суд от имени Российской Федерации с соответствующим исковым заявлением [12].

Ответчик (следователь следственного подразделения органа внутренних дел) отвергла искивые требования, пояснив, что каких-либо умышленных действий, направленных на незаконное привлечение реабилитированной к уголовной ответственности, она не совершала. В решении суда упоми-

нается служебная проверка, которая установила невыполнение следователем в ходе расследования по уголовному делу требований УПК РФ в отношении реабилитированной.

Это пример очень интересного для теории права конфликта правовых принципов. Важнейшим положением уголовного процесса является право следователя на уголовное преследование лица, основанное на законной правовой позиции о предполагаемой виновности обвиняемого. Исходя из своего независимого внутреннего убеждения, следователь направляет дело в суд. В данном случае его позиция была поддержана прокурором, утвердившим обвинительное заключение, то есть процедура привлечения к ответственности была соблюдена.

Следователь, должностное лицо органа обвинительной власти, важнейший участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения, должен иметь право на внутреннее убеждение и законное уголовное преследование. Можно поддержать позицию суда, который в рассматриваемом примере посчитал вину должностного лица не установленной и отказал в удовлетворении исковых требований в полном объеме [12].

Полагаем, что необходимо внести изменения в ГК РФ, установив, что возмещение государству в порядке регресса выплат возможно лишь при наличии вступившего в законную силу приговора либо иного процессуального решения, устанавливающего виновность должностных лиц органов следствия, дознания, прокуратуры. Это позволит более четко закрепить баланс правовых принципов гражданско-правовой ответственности и процессуально закрепленного принципа внутреннего убеждения при принятии решений. Для остальных случаев необходимо сформулировать в гражданском праве норму, по которой ответственность за законное, но не подтвержденное в суде мнение органов обвинительной власти должно нести государство.

Еще одной проблемой института реабилитации можно считать сложности в определении сумм компенсации реабилитированным лицам.

Проблема давно стала актуальной для общественного мнения, о чем свидетельствуют публикации не только в юридической периодике, но и в более массовых изданиях.

Размер компенсации определяется индивидуально судом с учетом обстоятельств дела, требований разумности и справедливости. Однако в средствах массовой ин-

формации нередко поднимается вопрос оценки ущерба, особенно это актуально для компенсации реабилитированным, содержащимся под стражей в ходе уголовного преследования. Как полно, объективно и справедливо оценить сумму за день, проведенный в следственном изоляторе?

Все еще действует положение 1981 г. о порядке возмещения ущерба в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации и УПК РФ. В соответствии с ним возмещению при реабилитации подлежат утраченные в результате незаконного преследования заработок и пенсия, имущество, расходы на юридическую помощь и взысканные судебные издержки [6]. На наш взгляд, необходимо расширить перечень наиболее часто на практике встречающихся вариантов возмещения имущественного вреда с учетом изменившейся правовой ситуации. Это можно сделать, дополнив решения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Одновременно необходимо максимально полно и широко сформулировать общие критерии компенсации материального ущерба реабилитируемым по уголовным делам.

В связи с этим следует отметить и проблему компенсации морального вреда реабилитированному лицу. Приведем типичный пример из судебной практики: реабилитированный длительное время имел статус подозреваемого по уголовному делу без избрания меры пресечения; суд применил разъяснения уже упомянутого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в частности, необходимость учета при определении размера денежной компенсации морального вреда реабилитированному степени и характера физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, иных заслуживающих внимания обстоятельств, в том числе продолжительности судопроизводства [7, п. 21]. Истец оценил моральный вред в 500 тыс. руб., ответчики (УМВД по Вологодской области и Управление Министерства финансов Российской Федерации) полностью отказались признавать требования истца. Суд разрешил дело, оценив моральный вред от многомесячного уголовного преследования в 5 тыс. руб. [11].

Таким образом, можно резюмировать следующее:

1. Необходимо решить проблему частичной реабилитации лиц, в отношении которых объем обвинения был уменьшен, в том

числе и путем переквалификации на менее тяжкое преступление с изменением категории тяжести. Внесение соответствующих изменений в гл. 18 УПК РФ позволит привести нормы права в соответствие с Конституцией Российской Федерации, обеспечить единообразие правоприменительной практики.

2. Уточнения требуют нормы гражданского права о регрессной ответственности должностных лиц правоохранительных органов. Взыскание уплаченных реабили-

тированным сумм с этих лиц практически возможно лишь в случае совершения ими умышленных преступных действий в ходе расследования, установленных приговором суда.

3. Критерии оценки причиненного незаконным уголовным преследованием ущерба, в том числе морального вреда, требуют более точного описания в целях единообразия судебной практики определения сумм материальной компенсации реабилитированным в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсегян Э. Грехи следствия замаливает казна. URL: <http://ppt.ru/news/52410> (<http://ppt.ru/news/52410>) (дата обращения: 01.11.2017).
2. Виноцкий Л. В., Мельник С. Л. Об истоках зарождения института реабилитации в России // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 15–19.
3. Виноцкий Л. В., Муллахметова Н. Е. О регрессной ответственности должностных лиц, виновных в незаконном уголовном преследовании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». 2015. Т. 15. № 2. С. 49–52.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Макаров С. Д. Изменение квалификации преступлений в судебном разбирательстве // Уголовное право. 2003. № 2. С. 118–120.
6. О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей : указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 : утв. Законом СССР от 24.06.1981 : вместе с «Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» // Свод законов СССР. М., 1984. Т. 2. С. 60.
7. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17 // Рос. газ. 2011. № 273.
8. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты : федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Рос. газ. 2011. № 275.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рысевой Нины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2006 № 279-О. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12050379/> (дата обращения: 01.11.2017).
10. Просвирина Д. С. Понятие и основания реабилитации по уголовно-процессуальному законодательству России // Вестник Таганрогского института им. А. П. Чехова. 2016. № 1. С. 214–218.
11. Решение Вологодского городского суда по гражданскому делу № 2-2807/2017. URL: https://vologodskygor--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76398620&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.12.2017).
12. Решение Железнодорожного районного суда г. Ульяновска по гражданскому делу № 2-315/2013. URL: <https://rospravosudie.com/court-zheleznodorozhnyj-rajonnyj-sud-g-ulyanovska-ulyanovskaya-oblast-s/act-400791009/> (дата обращения: 01.11.2017).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Рос. газ. 2001. № 249.
14. Хузина Н. А. Роль института реабилитации в уголовном судопроизводстве // Территория науки. 2014. № 1. С. 221–226.
15. Чурсин А. А. Современное положение института реабилитации в российском уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 115–119.

REFERENCES

1. Barsegian Je. Grehi sledstvija zamalivaet kazna [The treasury pays for sins of the investigation]. Available at: <http://ppt.ru/news/52410> (<http://ppt.ru/news/52410>) (accessed 01.11.2017). (In Russ.).
2. Vinickij L. V., Mel'nik S. L. Ob istokah zarozhdenija instituta rehabilitacii v Rossii [On the origins of the institute of rehabilitation in Russia]. Juridicheskaja nauka – Legal science. 2014. Iss. 2. Pp. 15–19. (In Russ.).
3. Vinickij L. V., Mullahmetova N. E. O regressnoj otvetstvennosti dolzhnostnyh lic, vinovnyh v nezakonnom ugovolnom presledovanii [About recourse liability of the officials guilty of illegal criminal prosecution]. Vestnik JuUrGU. Ser. «Pravo» – Bulletin of The South Ural state university. Series «Law». 2015. Vol. 15. Iss. 2. Pp. 49–52. (In Russ.).
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' vtoraja ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 05.12.2017) [The civil code of the Russian Federation. Part second from 26.01.1996 № 14-FL (ed. from 05.12.2017)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. Iss. 5. Art. 410. (In Russ.).
5. Makarov S. D. Izmenenie kvalifikacii prestuplenij v sudebnom razbiratel'stve [The change in the qualification of crimes in the proceedings]. Ugolovnoe pravo – Criminal law. 2003. Iss. 2. Pp. 118–120. (In Russ.).
6. O vozmeshhenii ushherba, prichinennogo grazhdaninu nezakonnymi dejstvijami gosudarstvennyh i obshhestvennyh organizacij, a takzhe dolzhnostnyh lic pri ispolnenii imi sluzhebnnyh objazannostej: ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 18.05.1981 : utv. Zakonom SSSR ot 24.06.1981 : vmeste s «Polozheniem o porjadke vozmeshhenija ushherba, prichinennogo grazhdaninu nezakonnymi dejstvijami organov doznaniya, predvaritel'nogo sledstvija, prokuratury i suda».

- [About compensation of the damage caused to the citizen by illegal actions of the state and public organizations, and also officials at execution of official duties by them: decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from 18.05.1981 : it is approved by the law of the USSR of 24.06.1981 : together with «Regulations on the order of compensation of the damage caused to the citizen by illegal actions of bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court»]. Svod zakonov SSSR – The Lawbook of the USSR. Vol. 2. Moscow, 1984. P. 60. (In Russ.).
7. O praktike primeneniya sudami norm glavy 18 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, reglamentirujushih reabilitaciju v ugolovnom sudoproizvodstve : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29.11.2011 № 17 [About practice of application by courts regulations of Chapter 18 of the Criminal procedure code of the Russian Federation regulating rehabilitation in criminal proceedings : the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 29.11.2011 № 17]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 2011. Iss. 273. (In Russ.).
8. O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otдел'nye zakonodatel'nye akty : feder. zakon ot 30.11.2011 № 342-FZ (red. ot 01.07.2017) [On service in agencies of internal affairs of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts : federal law from 30.11.2011 № 342-FL (ed. from 01.07.2017)]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 2011. Iss. 275. (In Russ.).
9. Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanki Rysevoj Niny Nikolaevny na narushenie ee konstitucionnyh prav stat'ej 133 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 18.07.2006 № 279-O [About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Ryseva Nina Nikolaevna of violation of her constitutional rights by article 133 of the of Criminal procedure code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation from 18.07.2006 № 279-O]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12050379/> (accessed 01.11.2017). (In Russ.).
10. Prosvirina D. S. Ponjatие i osnovaniya reabilitacii po ugolovno-processual'nomu zakonodatel'stvu Rossii [The concept and grounds of rehabilitation under the criminal procedure legislation of Russia]. Vestnik Taganrogskogo instituta im. A. P. Chehova – Bulletin of The Taganrog Institute named after A. P. Chekhov. 2016. Iss. 1. Pp. 214–218. (In Russ.).
11. Reshenie Vologodskogo gorodskogo suda po grazhdanskomu delu № 2-2807/2017 [The decision of the Vologda city court in the civil case № 2-2807/2017]. Available at: https://vologodskygor--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=doc&number=76398620&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed 15.12.2017). (In Russ.).
12. Reshenie Zheleznodorozhnogo rajonnogo suda g. Ul'janovska po grazhdanskomu delu № 2-315/2013 [The decision of the railway district court of Ulyanovsk in civil case № 2-315/2013]. Available at: <https://rospravosudie.com/court-zheleznodorozhnyj-rajonnyj-sud-g-ulyanovska-ulyanovskaya-oblast-s/act-400791009/> (accessed 01.11.2017). (In Russ.).
13. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.12.2017) [Criminal procedure code of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FL]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 2001. Iss. 249. (In Russ.).
14. Huzina N. A. Rol' instituta reabilitacii v ugolovnom sudoproizvodstve [The role of the institute of rehabilitation in criminal proceedings]. Territorija nauki – Area of science. 2014. Iss. 1. Pp. 221–226. (In Russ.).
15. Chursin A. A. Sovremennoe polozhenie instituta reabilitacii v rossijskom ugolovnom processe [The current situation of the institute of rehabilitation in the Russian criminal process]. Sudebnaja vlast' i ugolovnyj process – The judiciary and the criminal process. 2016. Iss. 1. Pp. 115–119. (In Russ.).

УДК 343.21

Классификация преступлений в области инновационной деятельности (по критерию «область применения инновации»)

В. Н. НЕКРАСОВ – начальник организационно-научного отдела, доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

Инновационная деятельность и ее результаты представляют повышенный интерес для любого государства, так как именно инновации определяют научно-техническое лидерство страны. Вместе с тем в России удельный вес прибыли от инноваций в общем объеме доходов является незначительным. Причинами этого выступают как непонимание сущности и значения инноваций, так и слабая организация охраны указанных общественных отношений. В статье на основе анализа сущности инноваций и инновационной деятельности исследуются отдельные аспекты организации их уголовно-правовой охраны, исходя из области применения инновации выделяются группы составов преступлений, включенных в УК РФ, что направлено на повышение эффективности уголовного закона в сфере инновационной деятельности, поскольку позволяет разграничить сходные по своим признакам посяательства между собой и разработать рекомендации по совершенствованию норм, связанных со злоупотреблениями в области инноваций.

Ключевые слова: инновации; инновационная деятельность; преступление; уголовно-правовая охрана.

Classification of crimes in the field of innovation (by the criterion «the application scope of innovation»)

V. N. NEKRASOV – Head of the Research Department, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

Abstract

Innovation activity and its results are of great interest for any state as it is innovations that determine the scientific and technical leadership today, not to mention in the future. However in Russia very seldom innovations find application in the production, with the result that the proportion of profit from innovation to total revenues is negligible. The reason for this is not understanding the essence and significance of innovations as well as the weak organization of protection of the analyzed public relations category. In this paper the author has tried on the basis of the analysis of essence of innovations and innovative activity to investigate separate aspects of the organization of criminal and legal protection of this specified activity. In this paper on the basis of classification of innovations according to such criterion as area of application of innovation are formed groups of corpus delicti included in the current Criminal code of the Russian Federation. The division is generally aimed at improving the effectiveness of the criminal law in the field of innovation, as it allows to distinguish similar violations among themselves and to develop recommendations to improve the norms related to abuses in the field of innovation.

Key words: innovations; innovative activity; crime; criminal-legal protection

Последние несколько десятилетий характеризуются невероятно быстрыми темпами научно-технического и инновационного развития человеческого общества. Инновационная деятельность обеспечивает экономический рост как отдельных регионов, так и государств в целом. В этой связи важнейшим вопросом становится проблема обеспечения безопасности инновационной деятельности и ее результатов. Преступления в сфере инновационной деятельности причиняют вред экономике страны в целом, а также негативно отражаются на правах, свободах и потребностях участников экономических отношений. Нарушается нормальное функционирование экономического механизма, что влечет причинение ущерба социальным ценностям и благам. Следует заметить, что правовым вопросам организации неприкосновенности инновационной деятельности, особенно в области уголовного законодательства, уделяется незначительное внимание. У правоприменителя отсутствует четкое понимание содержания и сущности инноваций, а также особенностей отдельных преступлений в области инновационной деятельности.

Впервые термин «инновация» в экономике начал использовать австрийский ученый Йозеф Шумпетер, который под ней понимал изменение с целью внедрения и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации

в промышленности [9, с. 169–172]. В понимании Б. Твисса инновация – это процесс приобретения интеллектуальным товаром (изобретением, информацией, ноу-хау) экономического содержания при помощи достижения положительного результата при реализации на рынке [8].

Можно выделить три основных значения рассматриваемого термина. Во-первых, инновация понимается как процесс. Так, например, Б. Е. Лужанский определяет инновацию как «выпуск и реализацию конкурентоспособной продукции (работ, услуг)» [2]. С. Н. Мазуренко считает, что «инновации – это трехэтапный процесс...» [3]. В Руководстве Осло можно встретить следующее определение: «осуществление инноваций – непрерывный процесс», «инновация есть введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях» [7]. Во-вторых, инновация толкуется как результат. Так, в соответствии с Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» инновация – это введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях [5].

В-третьих, анализируемый термин может рассматриваться и как процесс, и как результат. Так, например, Г. Г. Азгальдов и А. В. Костин под инновацией понимают нововведения в любой сфере человеческой деятельности, представляющие собой процесс или результат процесса [1].

По нашему мнению, целесообразнее использовать второй подход и под инновацией понимать введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта, технологии или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях. Исходя из изложенного, характерными признаками инноваций являются:

- это новый или улучшенный, в том числе посредством трансформации, продукт, услуга, технология, метод;
- внедренность (продукт должен использоваться);
- направленность на удовлетворение определенных потребностей (например, использование новой технологии при производстве);
- направленность на положительный результат и повышение эффективности.

В то же время следует отметить, что понимание инновации как процесса является в том числе следствием распространеного в научной литературе смешивания таких понятий, как «инновация», «инновационный процесс», «инновационная деятельность», «инновационный продукт». Попытаемся раскрыть сущность указанных понятий.

Отрезки времени между появлением инновационной идеи и ее практической реализацией представляют собой жизненный цикл инновации, или инновационный процесс. Под последним целесообразно понимать ход развития инновации, состоящий из поступательных, целенаправленных этапов, различающихся между собой по характеру совершаемых действий, но объединенных общей целью – созданием инновации. Понятие «инновационный процесс» стоит отличать от инновационной деятельности. Инновационная деятельность – это различные действия, направленные на создание инновации. Такие действия могут реализовываться на одном или нескольких этапах инновационного процесса. Кроме того, как верно отмечено в Руководстве Осло, инновационная деятельность включает также исследования и разработки, не связанные напрямую с подготовкой какой-либо конкретной инновации, и может быть направ-

лена на создание не только инновационного продукта, инновации, но и инфраструктуры. Итак, инновационная деятельность – это различные действия, направленные на создание инновационного продукта, а также инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. К сожалению, в федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» не содержится термина «инновационный продукт», а говорится только об инновационном проекте. Как правило, под инновационным продуктом понимается результат инновационной деятельности (нововведение, инновация), получивший практическую реализацию в виде нового товара, услуги, способа производства (технологии) или иного общественно полезного результата [4]. Из данного понятия сложно провести различие между инновационным продуктом и инновацией. Оба термина характеризуются как новшество, получившее практическую реализацию. Более того, в самом определении инновационного продукта сказано, что это результат инновационной деятельности (нововведение, инновация). Во-первых, непонятно, на основании чего авторы Модельного закона об инновационной деятельности ставят в один ряд такие понятия, как «нововведение» и «инновация». Очевидно, что это два различных по своему содержанию термина. По нашему мнению, новшество – это один из признаков инновации, который характеризует ее как новое, ранее не использовавшееся решение (метод, технология, продукт). Вместе с тем новшество – это еще не инновация, так как инновационная деятельность еще не завершена, не получен положительный результат от ее практического использования. Во-вторых, почему при раскрытии сущности инновационного продукта авторы кодекса используют в качестве синонимов такие понятия, как «инновационный продукт» и «инновация», по сути раскрывая содержание первого через второе? На наш взгляд, термины «инновация» и «инновационный продукт» имеют существенные различия. Так, инновация – это уже внедренный в употребление какой-либо новый или значительно улучшенный продукт, технология или процесс, новый метод маркетинга или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях. На инновацию распространяются нормы о гарантиях на интеллектуальную собственность.

Инновационный продукт представляет собой готовый к внедрению и использова-

нию новый или значительно улучшенный продукт, технологию или процесс, новый метод маркетинга или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях. Причем на указанный продукт могут быть не оформлены или оформлены не полностью все юридические права в виде, например, патента или авторского свидетельства. В результате на него не в полной мере распространяются все гарантии, характерные для объекта интеллектуальной собственности. Главное, что инновационный продукт – это готовое, но еще не внедренное и не приносящее на практике от его использования положительного эффекта новшество, технология, продукт или метод.

Обратимся к вопросу о злоупотреблениях результатами инновационной деятельности. Необходимо отметить тот факт, что результаты инновационной деятельности по своей сути способны приносить существенный доход от их использования, в ряде же случаев использование их облегчает совершение преступления. На это, безусловно, реагирует и преступная среда. В результате чего инновации нередко становятся объектами преступлений, предметами преступных деяний, а также орудиями и средствами их совершения. В этой связи очень важно разделять между собой инновации как объект состава преступления и как предмет преступления. В юридической литературе традиционно под объектом преступления понимается совокупность взятых под охрану уголовным правом общественных отношений, против которых направлено посягательство [6]. В свою очередь, под предметом преступления имеются в виду вещи материального мира или интеллектуальные ценности, воздействуя на которые преступник нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом. Предмет преступления есть материальное выражение объекта преступления. В преступлениях, связанных с неправомерным использованием результатов инновационной деятельности, инновации могут выступать как объектом, так и предметом преступления. Кроме того, часть инноваций являются орудиями и средствами совершения преступления.

По состоянию на сегодняшний день выделить группу отношений в сфере инновационной деятельности, которые рассматривались бы в качестве предмета правового регулирования соответствующей отрасли права, не представляется возможным. Также в действующей системе российского права от-

сутствует кодифицированный нормативный акт, именуемый инновационным кодексом. По этим причинам из всего многообразия существующих правоотношений необходимо выделить именно те, которые относятся к инновационной деятельности и охраняются действующим уголовным законом.

Задачей любого государства является охрана наиболее важных общественных отношений. Это распространяется и на инновационную деятельность. Одним из способов охраны является уголовно-правая. Попытаемся сформировать круг преступлений в сфере инновационной деятельности. Важнейшее значение в понимании этого вопроса играет выделение видов инноваций, поскольку это позволяет определить как характерные черты отдельных групп инноваций, так и уникальные особенности конкретных нововведений и процесса их создания, а также особенности отношений в указанной сфере.

Для того чтобы систематизировать возможные преступления, связанные с неправомерным использованием результатов инновационной деятельности, необходимо обратиться к классификации инноваций. В научной литературе предлагается подразделять инновации в зависимости от разных критериев (по степени распространенности, месту в производственном цикле, преемственности, ожидаемому охвату доли рынка, степени новизны и инновационному потенциалу, уровню воздействия на экономику и др.). По нашему мнению, следует использовать такой критерий, как область применения инноваций, и выделить следующие виды инноваций: технологические, организационно-управленческие, экономические, маркетинговые, социальные, экологические, информационные. Целесообразно все имеющиеся составы конкретных преступлений, связанных с использованием результатов инновационной деятельности, систематизировать в зависимости от вида инноваций. Основными критериями являются общий объект (инновация выступает объектом преступления), предмет (преступление совершается в отношении результата инновационной деятельности), орудие или средство совершения преступления (преступление совершается при помощи результатов инновационной деятельности). Так, например, к группе технологических видов преступлений в сфере инновационной деятельности относятся неправомерные деяния, связанные с созданием новых видов продуктов, производ-

ственных операций по разработке новых процессов, технологий, оборудования, материалов. В УК РФ к таким составам можно отнести, например, ст. 138.1 «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации», ст. 171.1 «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации», ст. 171.3 «Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», ст. 228.1 «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества», ст. 235.1 «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий» и др. В категорию организационных преступлений в сфере инновационной деятельности следует отнести такие составы, которые связаны с нарушениями в сфере использования новых методов, технологий управления организацией, предприятием, органами государственной власти и т. п. (например, ст. 201 «Злоупотребление полномочиями»). Группу экономических преступлений в сфере инновационной деятельности составляют неправомерные деяния с использованием неприменяемых ранее способов обогащения. Спектр подобных преступлений очень широк, и большая часть из них содержится в разд. VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики». К группе инновационных маркетинговых противоправных деяний относятся преступления, совершаемые с использованием новых методов освоения рынков, способов продвижения результатов инновационной деятельности (например, деяния, предусмотренные ст. 185.3 «Манипулирование рынком»). В категорию социальных преступлений в сфере инновационной деятельности следует отнести злоупотребления с использовани-

ем результатов инновационной деятельности в области различных социальных процессов. К указанным деяниям относится значительное число преступлений против избирательных прав граждан, семьи и несовершеннолетних. Отдельный блок данной группы преступлений составляют нарушения, посягающие на нормальный процесс жизни человека и связанные в том числе с развитием биотехнологий. К сожалению, в настоящее время таких преступлений в УК РФ не так много (например, ст. 120 «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации»). Сущность группы экологических преступлений в сфере инновационной деятельности заключается в том, что противоправные деяния совершаются с использованием инновационных результатов, из-за чего наносится вред окружающей среде. Большая часть таких преступлений расположена в гл. 23 УК РФ «Экологические преступления». Последняя группа преступлений в сфере инновационной деятельности – это нарушения в области информационных технологий (например, гл. 28, в которой объединены преступления в сфере компьютерной информации).

Дифференциация результатов инновационной деятельности и соответственно общественных отношений в указанной сфере по такому критерию, как область применения инновации, это одна из возможных классификаций анализируемого явления. Вместе с тем проведенное деление позволяет выявить из всей массы преступлений те, которые относятся к инновационной деятельности и ее результатам. Это в свою очередь позволяет определить как общие характерные черты данных составов преступлений, так и их особенности в зависимости от вида инновации. Указанное деление в целом направлено на повышение эффективности уголовного закона в области инновационной деятельности, поскольку позволяет разграничить сходные по своим признакам посяательства между собой и разработать рекомендации по совершенствованию норм, связанных со злоупотреблениями в области инноваций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азгальдов Г. Г., Костин А. В. Инновации: почему количество сказанного не перерастает в качество? URL: <https://refdb.ru/look/1793910.html> (дата обращения: 15.01.2018).
2. Лужанский Б. Е. Оценка стоимости научно-технической продукции и инновационного бизнес-процесса для целей управления инновациями // Становление, развитие и перспективы оценочной деятельности в России : тез. докл. I-й Международ. конф. (Москва, 25–26 ноября 2008 г.). М., 2008.
3. Мазуренко С. Инновации – это симбиоз государственной политики и рыночных отношений // Известия. 2008. 3 дек.
4. Модельный закон об инновационной деятельности (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27–16 на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информа-

онный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39. Ч. 2. С. 371–427.

5. О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Российское уголовное право. Общая часть : учеб. / под. ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комисарова, А. И. Рарога. М., 2017. Т. 1.

7. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. М., 2010.

8. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. М., 1989. 456 с.

9. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1982.

REFERENCES

1. Azgal'dov G. G., Kostin A. V. Innovacii: pochemu kolichestvo skazannogo ne pererastaet v kachestvo? [Innovations: why quantity of words does not transform to quality?]. Available at: <https://refdb.ru/look/1793910.html> (accessed 15.01.2018). (In Russ.).

2. Luzhanskij B. E. Ocenka stoimosti nauchno-tehnicheskoy produkcii i innovacionnogo biznes-processa dlja celej upravleniya innovacijami [Valuation of scientific and technical products and innovative business process for innovation management purposes]. Stanovlenie, razvitie i perspektivy ocenочноj dejatel'nosti v Rossii : tez. dokl. I-j Mezhdunarod. konf. (Moskva, 25–26 nojabrja 2008 g.) – Formation, development and prospects of appraisal activity in Russia : abstracts of the I-st International Conference (Moscow, November 25–26, 2008). Moscow, 2008. (In Russ.).

3. Mazurenko S. Innovacii – jeto simbioz gosudarstvennoj politiki i rynochnyh otnoshenij [Innovation is a symbiosis of state policy and market relations]. Izvestija – News. 2008. December, 3th. (In Russ.).

4. Model'nyj zakon ob innovacionnoj dejatel'nosti (prinjat v g. Sankt-Peterburge 16.11.2006 Postanovleniem 27–16 na 27-m plenarnom zasedanii Mezhparyamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG) [Model law on innovation (Adopted in Saint Petersburg on 16.11.2006 by Resolution 27–16 at the 27th plenary session of the inter-parliamentary Assembly of the CIS member States)]. Informacionnyj bjulleten'. Mezhparyamentskaja Assambleja gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv – News bulletin. The Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States. 2007. Iss. 39. Pt. 2. Pp. 371–427. (In Russ.).

5. O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike : Feder. Zakon ot 23.08.1996 № 127-FZ [[On Science and State Science and Technology Policy : Federal Law from 23.08.1996 № 127-FL]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» – Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).

6. Rossijskoe ugodnoe pravo. Obshhaja chast' : ucheb. / pod. red. L. V. Inogamovoj-Hegaj, V. S. Komisarova, A. I. Raroga. [Russian criminal law. General part: study ; ed by L. V. Inogamova-Hegaj, V. S. Komisarov, A. I. Rarog]. Moscow, 2017. Vol. 1. (In Russ.).

7. Rukovodstvo Oslo. Rekomendacii po sboru i analizu dannyh po innovacijam [The Oslo Manual. Recommendations for data collection and analysis on innovation]. Moscow, 2010. (In Russ.).

8. Tvis B. Upravlenie nauchno-tehnicheskimi novovvedenijami [Management of scientific and technical innovations]. Moscow, 1989. 456 p. (In Russ.).

9. Shumpeter J. Teorija jekonomicheskogo razvitija [The theory of economic development]. Moscow, 1982. (In Russ.).

УДК 343.1

Некоторые гарантии принятия законных и обоснованных решений в стадии возбуждения уголовного дела

Н. В. ПАЛЬЧИКОВА – доцент кафедры государственного права Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук

Реферат

Статья посвящена анализу контрольно-надзорного механизма деятельности системы органов уголовной юстиции в контексте изменений уголовно-процессуального закона.

Реформирование надзорных полномочий прокурора на начальном этапе уголовного процесса ставило своей целью укрепление процессуальной независимости следователя с одновременным упразднением функциональной двойственности процессуального положения прокурора. Проведенный анализ изменений и дополнений уголовно-процессуального закона позволил прийти к выводу, что результат реформирования не вполне соответствует поставленным целям. Круг надзорных полномочий прокурора был значительно сужен, наметился очевидный дисбаланс между полномочиями прокурора и руководителя следственного органа с некоторым их дублированием, что, по нашему мнению, не позволяет прокурору эффективно реагировать на нарушения законности в стадии возбуждения уголовного дела.

В создавшихся условиях повышается роль судебного контроля над деятельностью должностных лиц, проводящих проверку заявления (сообщения) о преступлении. Анализируются стороны судебного контроля с учетом специфики первоначального этапа уголовного судопроизводства, а именно вопросы, касающиеся круга лиц, обладающих правом на подачу жалобы в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, и предмета судебного контроля.

Ключевые слова: уголовный процесс; законность; обоснованность; возбуждение уголовного дела; прокурорский надзор; судебный контроль.

Some guarantees of taking legal and informed decisions in the stage of initiating a criminal case

N. V. PALCHIKOVA – Associate Professor of the Department of State Law of the Vologda State University, PhD. in Law

Abstract

The scientific article is devoted to the analysis of the control and supervisory mechanism of the activity of the system of criminal justice authorities in the context of changes in the criminal procedural law.

Reforming the supervisory authority of the prosecutor at the initial stage of the criminal process was aimed at strengthening the procedural independence of the investigator while simultaneously abolishing the functional duality of the prosecutor's procedural position. The analysis of changes and additions to the criminal procedure law allowed to come to the conclusion that the result of the reform is not quite adequate to the goals set. The list of supervisory powers of the prosecutor was significantly narrowed, there was an obvious imbalance between the authority of the prosecutor and the head of the investigative agency with some of their duplication, what in our opinion does not allow the prosecutor to respond effectively to violations of law in the stage of initiating criminal proceedings. Under the existing conditions the role of judicial control over the activities of officials carrying out the verification of the statement (message) about the crime is increasing. In this article the parties to judicial review are analyzed taking into account the specifics of the initial phase of criminal proceedings, namely, questions relating to the range of persons who have the right to file a complaint in the manner provided for in Art. 125 CPC RF, as well as the subject of judicial control.

Keywords: criminal procedure; lawfulness; validity; initiation of criminal proceedings; prosecutor's supervision; judicial control.

Правовая конструкция процедуры возбуждения уголовного дела, закрепленная в УПК РФ, вызывает обоснованную критику большинства ученых-процессуалистов и практических работников [4] ввиду отсутствия реальных гарантий защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, при проверке заявления (сообщения) о преступлении.

В соответствии с действующим законодательством (ст. 37 УПК РФ, ст. 29 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации») предметом прокурорского надзора в стадии возбуждения уголовного дела является соблюдение прав и свобод человека и гражданина при приеме и регистрации сообщений о преступлениях, выполнении оперативно-розыскных мероприятий, осуществлении процес-

суальной деятельности и принятии решений на первом этапе производства по делу.

Полномочия прокурора, составляющие содержание функции надзора за органами дознания и предварительного следствия, с момента принятия УПК РФ находятся в состоянии реформирования. Законодатель в 2001 г. существенно ограничил функцию надзора, распространив ее только на досудебное производство, одновременно возложив на прокурора функцию уголовного преследования (ч. 1 ст. 37, п. 55 ст. 5 УПК РФ). Подобная функциональная двойственность вызвала критику специалистов, поскольку основные направления деятельности того или иного участника уголовного процесса должны быть тесно взаимосвязаны, но не совпадать и не поглощаться друг другом [6, с. 157; 5]. Анализ названных выше положений уголовно-процессуального зако-

на в их первой редакции позволял утверждать, что функции прокурорского надзора и уголовного преследования «дополняют друг друга и даже, в зависимости от конкретных обстоятельств их осуществления, переплощаются друг в друга» [3, с. 35]. В остальном характер соответствующих полномочий прокурора не вызывал особых споров, их спектр был достаточно широк и позволял, на наш взгляд, вполне эффективно реагировать на нарушения законности в стадии возбуждения уголовного дела. Так, в частности, прокурор, реализуя рассматриваемую функцию, имел право: давать следователю, дознавателю, органу дознания обязательные для исполнения указания по вопросам проверки сообщения о преступлении и возбуждению уголовного дела; проверять исполнение федеральных законов при приеме и регистрации сообщения о преступлении; давать согласие на возбуждение уголовного дела; отменять незаконные и необоснованные постановления указанных должностных лиц, принятые по итогам проверки сообщений о преступлениях; продлевать сроки такой проверки; рассматривать жалобы на действия и решения дознавателя, следователя, разрешать отводы, заявленные указанным лицам.

После принятия законов о внесении изменений в УПК РФ от 05.06.2007 № 87-ФЗ и 06.06.2007 № 90-ФЗ положение существенно изменилось. Нововведения были связаны с образованием Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, однако несли в себе не столько организационные, сколько содержательные аспекты, фактически упразднив реализацию прокурором функции уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела, изъяв из его компетенции полномочия по приему и разрешению сообщений о преступлениях, а также по возбуждению уголовных дел. Вместе с тем и оставшаяся единственной функция надзора была кардинальным образом сокращена. Это проявилось в следующем:

Во-первых, был упразднен необходимость получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела. Альтернативой стало изменение ч. 4 ст. 146 УПК РФ, которая предусмотрела уведомительную процедуру участия прокурора при вынесении решения о возбуждении уголовного дела с его правом отменить соответствующее процессуальное решение дознавателя и следователя. Во-вторых, прокурор, согласно изменениям, внесенным в ч. 6 ст. 148 УПК РФ,

был лишен права отмены постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. Прокурорское реагирование на нарушение прав граждан незаконным и необоснованным отказом в возбуждении уголовного дела в приведенной трактовке законодателя могло быть лишь опосредованным, поскольку соответствующее постановление направлялось руководителю следственного органа для решения вопроса о его отмене. Как указывает С. Л. Каменобродский, подобная регламентация надзорной деятельности прокурора выявила серьезное законодательное противоречие. Так, если прокурору поступает жалоба на незаконное действие (бездействие), решение следователя или руководителя следственного органа в порядке, предусмотренном гл. 19 УПК РФ, то он вправе по результатам ее рассмотрения вынести постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо отказе в ее удовлетворении. Соответственно, в силу предписаний ч. 6 ст. 146 УПК РФ он не может удовлетворить жалобу в незаконном отказе в возбуждении уголовного дела, поскольку не наделен правом отмены соответствующего постановления следователя [5, с. 183–187].

Пересмотр надзорных полномочий прокурора федеральным законом от 28.12.2010 существенных изменений не внес. Так, прокурор по-прежнему не наделен правом возбуждения уголовных дел, что идет в разрез с международными стандартами. Так, в частности, п. 21 Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия» от 06.10.2000 гласит, что прокуроры должны тщательно проверять законность и обоснованность полицейских расследований самое позднее, когда решается вопрос о возбуждении уголовного преследования [13]. Согласно изменениям уголовно-процессуального закона прокурор реагирует на выявленные нарушения лишь опосредованно – вынося мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании, что относится законодателем к числу поводов к возбуждению уголовного дела (ч. 1 ст. 140 УПК РФ) и, следовательно, подлежит рассмотрению в общем порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Кроме того, санкционирование решения об отказе в возбуждении уголовного дела, ставшее результатом проверки указанного выше акта прокурорского реагирования,

осуществляется руководителем следственного органа (ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ).

В соответствии с п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе истребовать у следователя или руководителя следственного органа постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с целью проверки его законности и обоснованности. Однако указанная новелла мало что изменила в порядке реализации рассматриваемого полномочия, поскольку так и не появилось права истребовать у органа предварительного следствия материалы проверки заявления (сообщения) о преступлении, прокурор по-прежнему вправе по мотивированному письменному запросу лишь знакомиться с такими материалами (ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ), а где и когда он будет это делать, решает руководитель следственного органа.

Процедура отказа в возбуждении уголовного дела и положения, ее регламентирующие, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. Федеральный закон от 28.12.2010 наделяет прокурора правом отмены постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, однако этого, в соответствии с ч. 6 ст. 148 УПК РФ, еще не достаточно для инициирования процедуры дополнительной проверки, поскольку соответствующее решение принимается руководителем следственного органа.

В связи с изложенным обостряется еще одна проблема, связанная с перераспределением контрольно-надзорных функций, – проблема взаимоотношений прокурора и руководителя следственного органа. Формально оставив прокурору надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия в стадии возбуждения уголовного дела, законодатель противопоставил ему контроль, осуществляемый руководителем следственного органа. Все указанные выше акты прокурорского реагирования нуждаются в последующем утверждении либо неутверждении названного должностного лица. Данное обстоятельство выступает негативным моментом, дискредитирующим прокурора в глазах следователя. В соответствии с действующим законодательством руководитель следственного органа вправе продлить срок проверки сообщения о преступлении (ч. 3 ст. 144 УПК РФ), возбудить уголовное дело (ч. 1 ст. 146 УПК РФ), проверять материалы проверки сообщения о преступлении, а также отменять незаконные или необоснованные постановления следователя о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уго-

ловного дела (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), давать согласие на принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с мотивированным постановлением прокурора, вынесенным на основании п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ (ч. 1.1 ст. 148 УПК РФ), давать указания о производстве дополнительной проверки сообщения о преступлении и устанавливать срок ее производства (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Таким образом, у прокурора отсутствует реальная возможность напрямую воздействовать на должностных лиц, проводящих проверку сообщения о преступлении, с целью устранения допущенных нарушений закона. Возникает вопрос о целесообразности сохранения такой функции у прокурора вообще. Думается, что в досудебном производстве в целом и в стадии возбуждения уголовного дела в частности существует достаточно острая проблема, связанная с тем, что все внесенные в УПК РФ изменения, нацеленные на обретение следователем процессуальной независимости, не достигли своей цели, поскольку произошла не вполне адекватная замена вневедомственного прокурорского надзора ведомственным контролем, который, бесспорно, учитывает корпоративные интересы. Нельзя не согласиться с мнением Л. Г. Татьяниной о том, что прокурор должен обладать большими властными полномочиями по отношению к руководителю следственного органа, поскольку решения, принимаемые следователем, фактически принимаются под контролем руководителя [14, с. 22].

Вместе с тем следует отметить расширение полномочий прокурора в части определения органа предварительного расследования, которому следует осуществлять досудебное производство по факту совершения преступления либо в отношении конкретного лица. Ранее прокурор мог определять подследственность лишь уголовного дела (ст. 151 УПК РФ), теперь же это право законодатель распространил и на материалы проверки заявления (сообщения) о преступлении. Аналогичным образом решается вопрос и относительно права прокурора изымать любое уголовное дело у органа предварительного расследования и передавать его следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи. По действующему закону прокурор вправе на тех же условиях изъять у органа предварительного расследования и материалы проверки заявления (сообщения) о преступлении и передать их следователю

(п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Однако полагаем, что указанная новелла не компенсирует сокращения процессуальных средств реализации надзорной функции прокурора в стадии возбуждения уголовного дела и, соответственно, не изменит существующего дисбаланса полномочий.

Думается, что уголовно-процессуальный закон должен содержать единый, четкий и эффективный порядок реагирования прокурора на незаконные и необоснованные решения, принимаемые в стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи считаем неизбежным дальнейшее изменение законодательной регламентации названной стадии уголовного судопроизводства, в том числе и посредством закрепления в УПК РФ полномочия прокурора по отмене незаконного решения об отказе в возбуждении уголовного дела и направлению материалов для дополнительной проверки либо, при наличии повода и основания, по возбуждению уголовного дела.

Наиболее действенным средством реагирования на нарушения законности в стадии возбуждения уголовного дела является, на наш взгляд, судебный контроль. Отдельные стороны судебного контроля нуждаются в дополнительном анализе с учетом специфики первоначального этапа уголовного судопроизводства. К числу таковых могут быть отнесены вопросы, касающиеся круга лиц, обладающих правом на подачу жалобы в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, и предмета судебного контроля.

Согласно ст. 123 УПК РФ, распространяющейся и на судебный порядок рассмотрения жалоб, право инициировать процедуру судебного контроля принадлежит участникам уголовного судопроизводства, а также иным лицам в той части, в которой обжалуемые процессуальные действия и решения затрагивают их интересы. Конструируя рассматриваемую норму, законодатель не уточняет содержание категории «интерес», что порождает теоретические споры относительно возможности реализации права на обжалование теми лицами, которые не обладают статусом участника уголовного судопроизводства.

Предмет судебного контроля на первом этапе уголовного судопроизводства законодателем установлен лишь в общих чертах. Так, в ч. 1 ст. 125 и ч. 5 ст. 144 УПК РФ прямо указаны только два вида решений, обжалуемых в судебном порядке: отказ в возбуждении уголовного дела и отказ в приеме сообщения о преступлении. Думается, что

причиной, по которой законодатель прямо указал на возможность обжалования именно этих решений, является тот факт, что они не только препятствуют началу уголовного судопроизводства, но и являются юридическими фактами, исключающими его возобновление в дальнейшем без отмены соответствующих процессуальных документов (п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Помимо двух названных решений к предмету судебного контроля относятся иные решения, действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам граждан и затруднить доступ к правосудию. Такая формулировка оставляет значительную долю дискреции суду при принятии жалобы к рассмотрению, поскольку само понятие «конституционные права» в силу своей абстрактности довольно неопределенно, что является предпосылкой для широкого усмотрения судей. Некоторый вклад в конкретизацию предмета судебного обжалования в стадии возбуждения уголовного дела внес Конституционный Суд Российской Федерации, указавший, что практика применения ст. 125 УПК РФ распространяется на такие процессуальные решения, как отказ в возбуждении уголовного дела [7] и возбуждение уголовного дела [9]. Данная позиция суда поддерживается не всеми процессуалистами на том основании, что она противоречит принципу состязательности сторон, позволяя суду брать на себя несвойственную ему функцию уголовного преследования [8, с. 76]. Так, например, Б. Т. Безлепкин, категорически отрицая возможность судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, указывает, что это является вмешательством судебной власти в осуществление прерогативы органов уголовного преследования, нарушением закрепленного в ст. 15 УПК РФ принципа разделения процессуальных функций [1, с. 193]. Как справедливо отмечает К. В. Пронин, различие в подходах к разрешению поставленной проблемы носит не только доктринальный характер. Сравнительный анализ правовых позиций, которые изложены в решениях Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, позволяет сделать вывод о наличии в них принципиальных противоречий, которые не дают сформировать единообразную судебную практику [12, с. 71–77]. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 27.12.2002 № 300-О отно-

сительно возможности обжалования постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица в порядке ст. 125 УПК РФ указывает следующее:

- если уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица, это лицо приобретает статус подозреваемого, в связи с чем может быть причинен ущерб его конституционным правам и свободам;

- судебный контроль на последующих стадиях судопроизводства не является достаточным и эффективным средством восстановления основных прав и свобод, нарушенных при возбуждении уголовного дела;

- при проверке законности постановления о возбуждении уголовного дела суд, прежде всего, уполномочен выяснить, соблюден ли порядок вынесения данного решения, имеются ли поводы к возбуждению уголовного дела, отсутствуют ли обстоятельства, исключающие производство по делу. Если формальная сторона вопроса не вызывает сомнений, поскольку суды при рассмотрении жалобы лица на незаконность и необоснованность вынесенного в отношении него постановления о возбуждении уголовного дела ограничиваются лишь проверкой соблюдения требований уголовно-процессуального закона к порядку вынесения и оформления соответствующего решения, то содержательная сторона проблемы далеко не так однозначна. В том случае если в обоснование доводов жалобы лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела, указывает на отсутствие в его деянии признаков преступления либо на наличие обстоятельств, препятствующих производству по делу, то суд, рассматривающий жалобу, вынужден разрешать указанные вопросы по существу. Это, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 73 и п. 3 ч. 1 ст. 299 УПК РФ является составной частью предмета доказывания и входит в компетенцию суда при постановлении приговора. Налицо противоречие с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, который в п. 16 постановления № 1 указал, что судья не вправе давать правовую оценку действиям подозреваемого или обвиняемого, а также собранным материалам относительно их полноты и содержания сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, поскольку эти вопросы разрешаются в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Полагаем, что к предмету судебного контроля в рассматриваемом случае относится не только формальная составляющая решения о возбуждении уголовного дела, но и его содержательная часть. Иной подход искажает суть правосудия, поскольку, как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, «суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от проверки фактической обоснованности обжалуемого решения органа предварительного расследования» [11]. Кроме того, на наш взгляд, констатацию факта о достаточности данных для возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица нельзя расценивать как предрешение вопроса о его виновности. В случае если суд, изучив доводы, изложенные в жалобе, и сопоставив их с материалами проверки сообщения о преступлении, принимает решение отказать в удовлетворении жалобы, он устанавливает лишь достаточность фактических данных для возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, что не может расцениваться как признание его виновным в совершении преступления. Если же суд удовлетворяет жалобу, это также не является констатацией невиновности лица, а свидетельствует лишь о том, что на первом этапе уголовного судопроизводства сторона обвинения не располагает достаточными основаниями для принятия соответствующего решения.

Системный анализ предписаний, содержащихся в разд. 7 УПК РФ, позволяет выделить еще несколько ситуаций, когда заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с жалобой на действия (бездействие) должностного лица, проводящего проверку заявления (сообщения) о преступлении. Во-первых, нарушение установленных ст. 144 УПК РФ сроков проверки сообщения дает заявителю право непосредственно обжаловать в суд действия должностного лица, ее проводящего. Как отмечает В. В. Волинский, несоблюдение сроков предварительной проверки носит массовый характер, кроме того, практике известны случаи, когда такой срок растягивается не только на месяцы, но и на годы [2, с. 5]. В течение всего срока проверки сообщения о преступлении пострадавший, по сути, лишен возможности получить информацию о характере проводимых мероприятий, лицах, проводящих проверку, и ее результатах, что, на наш взгляд, позволяет относить нарушение сроков, предусмотренных ст. 144 УПК РФ, к действиям, фак-

тически затрудняющим заявителю доступ к правосудию.

Во-вторых, специфика средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела практически полностью исключает применение принуждения к лицам, вовлеченным в уголовно-процессуальные отношения. Соответственно, если в рамках проверки сообщения (заявления) о преступлении имело место принудительное доставление в орган внутренних дел для получения объяснений либо удержание в течение длительного времени в помещении органа внутренних дел, можно утверждать, что нарушено конституционное право гражданина на неприкосновенность личности, следовательно, как справедливо отмечает К. С. Коневец, такие действия могут оспариваться в суде на основании ст. 125 УПК РФ [7, с. 10–11].

Подводя итог, сформулируем некоторые выводы:

1. Гарантиями соблюдения процессуальной формы доказывания и принятия решений в стадии возбуждения уголовного дела являются прокурорский надзор и судебный контроль. В результате пересмотра надзорных полномочий прокурора на начальном этапе уголовного процесса круг его надзорных полномочий был сужен. Намечился очевидный дисбаланс между полномочиями прокурора и руководителя следственного органа с некоторым их дублированием, что, по нашему мнению, не позволяет прокурору эффективно реагировать на нарушения законности в стадии возбуждения уголовного дела. В создавшихся условиях повышается

роль судебного контроля над деятельностью должностных лиц, проводящих проверку заявления (сообщения) о преступлении.

2. В силу специфики субъектного состава стадии возбуждения уголовного дела, которая проявляется в отсутствии лиц, обладающих статусом участника уголовного судопроизводства, право на обжалование действий (бездействия) и решений компетентных должностных лиц в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, имеют иные лица, чьи конституционные права и свободы нарушены либо чье право на доступ к правосудию каким-либо образом ограничено. К числу таких лиц могут быть отнесены: заявитель, которому отказано в возбуждении уголовного дела, лицо, в отношении которого проводится проверка на предмет его причастности к совершению преступления, а также любое иное лицо, вовлеченное в орбиту уголовного судопроизводства в связи с проводимой проверкой.

Предмет судебного контроля в стадии возбуждения уголовного дела включает в себя: 1) решения, принимаемые по поступившему заявлению (сообщению) о преступлении (отказ в приеме сообщения о преступлении, отказ в возбуждении уголовного дела, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица); 2) действия (бездействие) должностного лица, проводящего проверку (нарушение сроков производства проверки, установленных ст. 144 УПК РФ; ограничение конституционных прав граждан в ходе осуществления процессуальных действий, направленных на проверку сообщения о преступлении).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (постатейный). М., 2008. 752 с.
2. Волинский В. В. Судебный контроль в стадии возбуждения уголовного дела (предмет, процессуальная форма) // Российский следователь. 2009. № 11. С. 4–6.
3. Гаврилов Б. Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 35.
4. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 28 апреля 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Каменобродский С. Л. О функциях прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2009. № 2. С. 183–187.
6. Ковалева М. Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 157 с.
7. Коневец К. С. Способы собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 25 с.
8. Лебедев В. М. Становление и развитие судебной власти в РФ. М., 2000. 368 с.
9. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом президиума Верховного Суда Российской Федерации и жалобами ряда граждан : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 300-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. По делу о проверке конституционности части пятой статьи 209 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи жалобами граждан Р. Н. Самигуллиной и А. А. Апанасенко : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.11.1995 № 13-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. По жалобе гражданина Воржева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями статей 29 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 151-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Пронин К. В. О регламентации судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 71–77.
13. Рекомендации R (2000) 19 Комитета Министров государств – членов Совета Европы. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Татьяна Л. Г. Уголовно-процессуальные правоотношения прокурора и руководителя следственного органа: проблемы и пути их решения // Уголовное судопроизводство. 2010. № 1. С. 21–23.
15. Шадрин В. С. Прокурор как представитель прокуратуры в уголовном судопроизводстве. М., 2004.

REFERENCES

1. Bezlepkina B. T. Kommentarij k Uголовno-processual'nomu kodeksu RF (postatejnyj) [Comment to the Criminal procedure code of the Russian Federation (articles)]. Moscow, 2008. 752 p. (In Russ.).
2. Volynskij V. V. Sudebnyj kontrol' v stadii vzbuzhdenija uголовnogo dela (predmet, processual'naja forma) [Judicial control at the stage of initiation of criminal proceedings (subject, procedural form)]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2009. Iss. 11. Pp. 4–6. (In Russ.).
3. Gavrilov B. Ja. Pereraspredelenie processual'nyh i nadzornyh polnomochij mezhdu prokurorom i rukovoditelem sledstvennogo organa: ob#ektivnaja neobhodimost' ili voljuntarizm v prave? [Redistribution of procedural and supervisory powers between the Prosecutor and the head of the investigative body: an objective need or voluntarism in law?]. Uголовnoe sudoproizvodstvo – Criminal proceedings. 2009. Iss. 4. P. 35. (In Russ.).
4. Doklad General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii na zasedanii Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii 28 aprlja 2010 g. [Report of the Prosecutor General of the Russian Federation at the meeting of the Federation Council of the Russian Federation on April 28, 2010]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» – Available at reference and legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
5. Kamenobrodskij S. L. O funkcijah prokurora v stadii vzbuzhdenija uголовnogo dela [About functions of the Prosecutor at the stage of initiation of legal proceedings]. Obshhestvo i pravo – Society and law. 2009. Iss. 2. Pp. 183–187. (In Russ.).
6. Kovaleva M. G. Vzbuzhdenie uголовnogo dela i obespechenie ego zakonnosti i obosnovannosti : dis. ... kand. jurid. nauk [The initiation of criminal proceedings and ensure its legality and validity : dis. ... PhD. in Law]. St. Petersburg, 2005. 157 p.
7. Konevec K. S. Sposoby sobiraniya dokazatel'stv na stadii vzbuzhdenija uголовnogo dela v rossijskom uголовnom processe : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Methods of gathering evidence at the stage of initiation of criminal proceedings in the Russian criminal process : abstract of dissertation ... PhD. in Law]. Krasnodar, 2008. 25 p. (In Russ.).
8. Lebedev V. M. Stanovlenie i razvitie sudebnoj vlasti v RF [The establishment and development of judicial power in the Russian Federation]. Moscow, 2000. 368 p. (In Russ.).
9. Po delu o proverke konstitucionnosti otdel'nyh položenij statej 116, 211, 218, 219 i 220 uголовno-processual'nogo kodeksa RSFSR v svjazi s zaprosom prezidiuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii i zhalobami rjada grazhdan : opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.12.2002 № 300-O [In the case of check of constitutionality of some provisions of articles 116, 211, 218, 219 and 220 of the criminal procedure code of the RSFSR in connection with inquiry of Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and complaints of a number of citizens : the ruling of the constitutional Court of the Russian Federation from December, 27th, 2002 n 300-O]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» – Available at reference and legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
10. Po delu o proverke konstitucionnosti chasti pjatoj stat'i 209 Uголовno-processual'nogo kodeksa RSFSR v svjazi zhalobami grazhdan R. N. Samigullinoj i A. A. Apanasenko : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 13.11.1995 № 13-P [In the case of checking the constitutionality of part five of article 209 of The criminal procedure code of the RSFSR in connection with complaints of Citizens Rn. Samigullina and A. A. Apanasenko : statement of the constitutional Court of the Russian Federation dated 13.11.1995 № 13-P]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» – Available at reference and legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
11. Po zhalobe grazhdanina Vorzheva Aleksandra Ivanovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav položenijami statej 29 i 161 Uголовno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24.03.2005 № 151-O [On the complaint of the citizen Vorzhev Alexander Ivanovich on infringement of his constitutional rights by provisions of articles 29 and 161 of the Criminal procedure code of the Russian Federation : definition of the constitutional Court of the Russian Federation dated 24.03.2005 № 151-O]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» – Available at reference and legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
12. Pronin K. V. O reglamentacii sudebnogo kontrolja v porjadke st. 125 UПК RF [Regulating judicial review in accordance with article 125 of the criminal procedure code of the Russian Federation]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian law. 2011. Iss. 6. Pp. 71–77. (In Russ.).
13. Rekomendacii R (2000) 19 Komiteta Ministrov gosudarstv – chlenov Soveta Evropy [Recommendation R (2000) 19 of the Committee of Ministers of States members of the Council of Europe]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» – Available at reference and legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
14. Tat'janina L. G. Uголовno-processual'nye pravootnoshenija prokurora i rukovoditelja sledstvennogo organa: problemy i puti ih reshenija [Criminal procedural legal relations of the Prosecutor and the head of the investigative body: problems and ways to solve them]. Uголовnoe sudoproizvodstvo – Criminal proceedings. 2010. Iss. 1. Pp. 21–23. (In Russ.).
15. Shadrin V. S. Prokuror kak predstavitel' prokuratury v uголовnom sudoproizvodstve [The Prosecutor as a representative of the prosecutor's office in criminal proceedings]. Moscow, 2004. (In Russ.).

Режим особых условий в исправительных учреждениях Содружества Независимых Государств

А. Н. СИРЯКОВ – доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук

Р е ф е р а т

Правовым ориентиром при установлении режима особых условий в исправительных учреждениях десяти участников Содружества Независимых Государств стал Модельный уголовно-исполнительный кодекс. В национальных уголовно-исполнительных законах всех стран Содружества содержатся правовые нормы о режиме особых условий, основаниях введения, сроках действия, содержании. Существуют три группы оснований введения режима особых условий: а) известные и неизвестные Модельному кодексу, б) общие и в) конкретные. Особенности процедуры введения режима особых условий почти во всех государствах совпадают: в одних кодексах называется конкретное должностное лицо, полномочное вводить режим особых условий, в других требуется обращение к иным правовым актам. Устанавливается определенный либо неопределенный срок действия режима особых условий. Имеется специфика при определении объема ограничиваемых (приостанавливаемых) прав: отсылка к правам, предусмотренным кодексом, ссылка на отдельные статьи, указание в статье на конкретные права. В ряде стран рассматриваемые правоотношения находят свое развитие в подзаконных актах. При этом на законодательном уровне не сформулированы понятие режима особых условий, его цель и задачи, требуются уточнение перечня ограничиваемых прав осужденных, конкретизация порядка действий заинтересованных органов и должностных лиц в этот период, формулирование норм о режиме особых условий для осужденных без изоляции от общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовно-исполнительное законодательство; режим особых условий; функционирование исправительного учреждения; приостановление и ограничение прав осужденных.

Regime of special conditions in the penal institutions of the Commonwealth of Independent States

A. N. SIRYAKOV – Associate professor of the Department of Executive Penal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

A b s t r a c t

A Model penal code became the legal reference point in establishing the special conditions regime in the penal institutions of ten participants of the Commonwealth of Independent States. The national penal laws of all countries of the Commonwealth contain legal norms on the regime of special conditions, the grounds for its introduction, the terms of validity, and the conditions. There are three groups of grounds for introducing a regime of special conditions: a) known and unknown to the Model Code b) general and c) specific grounds. The peculiarities of the procedure for the introduction of the special conditions regime in almost all states coincide: in some codes there is a specific official authorized to enter the regime of special conditions, in others reference to other legal acts is required. A definite or indefinite period of the special conditions regime is established. There is a specificity in determining the scope of restricted (suspended) rights: reference to the rights provided by the code, a reference to individual articles, an indication in the article of specific rights. In a number of countries these legal relations find their continuation and development in the by-laws. At the same time, the concept of a special conditions regime is not formulated at the legislative level, its purpose and tasks, it is required to clarify the list of restricted rights of convicts, specify the procedure for the actions of interested authorities and officials during this period, formulate norms on the regime of special conditions for convicts without isolation from society.

Key words: penal legislation; regime of special conditions; penal institution functioning; suspension and restriction of convicts' rights.

Уголовно-исполнительное законодательство всех государств, входящих в Содружество Независимых Государств (СНГ), обладает значительным сходством. Это связано не только с общим правовым полем, длительное время действовавшим на территории СССР и союзных республик, но и с принятием в Санкт-Петербурге 2 ноября 1996 г. на восьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ рекомендательного законодательного акта – Модельного уголовно-исполнительного кодекса для государств – участников стран СНГ. Данный документ был положен в основу национальных уголовно-исполнительных кодексов.

В настоящее время, спустя более чем двадцать лет, в уголовно-исполнительных кодексах Узбекистана [8], Азербайджана [2], Беларуси [6], Таджикистана [3], Молдавии [1], Украины [10], Армении [5], Туркменистана [9], Казахстана [7], Киргизии [4] в части режима особых условий формулировки Модельного кодекса в основном повторяются и являются близкими по тексту. Вместе с тем правовое регулирование отношений, касающихся режима особых условий в исправительных учреждениях, находит свое выражение, продолжение и развитие в подзаконных актах. Например, при установлении срока введения режима особых условий (Азербайджан), определении конкретных должностных лиц, полномочных вводить режим особых условий (Азербайджан, Армения, Казахстан), закреплении прав, подлежащих ограничению (Армения, Беларусь), регулировании порядка ввода режима особых условий (Казахстан). Названные положения закрепляются в документах, регламентирующих внутренний распорядок, либо специально принятым в этой области актом.

В ст. 81 «Режим особых условий в исправительных учреждениях» Модельного кодекса закреплены четыре важных положения: основания введения данного режима, его содержание, срок действия, круг должностных лиц, полномочных вводить режим особых условий.

Все без исключения уголовно-исполнительные кодексы государств – участников СНГ содержат в качестве самостоятельной статьи нормы о режиме особых условий, однако называются по-разному: режим особых условий (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Украина), особый режим (Молдавия), режим особого положения (Беларусь), особое положение (Узбекистан), особые условия содержания (Азербайджан),

чрезвычайная ситуация (Армения). Дополнительная статья – режим особых условий в дисциплинарной воинской части (ст. 171) – содержится в УИК Республики Таджикистан. Указанные статьи кодексов имеют общую структуру и примерно одинаковый объем.

Ни в одном кодексе не дается понятие режима особых условий, но указывается, что он может быть введен (Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), объявлен (Армения), могут быть применены специальные условия (Азербайджан). Вместе с тем в Приказе МВД Республики Казахстан от 14.08.2014 № 510 (с изм. от 05.06.2017) «Об утверждении Правил ввода режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы» уточнена цель введения режима особых условий – стабилизация оперативной обстановки, пресечение противоправных действий осужденных, восстановление законности и порядка, а также создание условий, необходимых для проведения неотложных спасательных и аварийных работ. Также определены основные задачи режима особых условий: возвращение учреждения к нормальной жизнедеятельности, пресечение противоправных действий со стороны осужденных, обеспечение безопасности персонала учреждения, осужденных, лиц, проживающих на прилегающей к учреждению территории, а также ликвидация последствий стихийных бедствий, катастроф, аварий и пожаров.

Первая часть статьи всех без исключения рассматриваемых кодексов содержит различные основания введения режима особых условий. Представляется возможным разбить их на три группы: 1) конкретные основания, известные Модельному кодексу; 2) конкретные основания, позволяющие вводить режим особых условий, неизвестные Модельному кодексу; 3) общие основания, также неизвестные Модельному кодексу.

К закрепленным в ст. 81 Модельного кодекса основаниям (первая группа) относятся:

- стихийное бедствие (все государства);
- введение в районе дислокации (нахождения) учреждения чрезвычайного положения или военного положения (все государства, кроме Азербайджана и Молдавии);
- массовые беспорядки (все государства), групповые действия, нарушающие внутренний порядок (Беларусь);
- групповые неповиновения осужденных (все государства), групповые отказы осужденных от работы, приема пищи и иных не-

повиновений (Беларусь), массовое неподчинение (Армения).

К иным конкретным основаниям, позволяющим вводить режим особых условий (вторая группа), можно отнести: введение особого положения (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан), реальную угрозу вооруженного нападения на учреждение (Армения, Таджикистан, Украина), эпидемии, аварии (Украина, Молдавия), войну, внешнюю конъюнктуру, захват заложников (Молдавия).

В некоторых странах законодатели также пошли по пути конструирования расширительных формулировок уголовно-исполнительного закона (третья группа), а именно: другие чрезвычайные случаи (Азербайджан), другие форс-мажорные обстоятельства, ставящие под угрозу жизнь и здоровье людей (Молдавия). Данные основания возможно применить к широкому кругу случаев и ситуаций, охватываемых не только ст. 81 Модельного кодекса.

Процедура введения режима особых условий почти во всех государствах совпадает с рекомендациями Модельного кодекса. Как указывается в ч. 3 данного документа, режим особых условий вводится по решению руководителя соответствующего министерства или ведомства государства или административно-территориального образования, согласованному с генеральным прокурором государства либо соответствующим прокурором.

Особенность правового закрепления названного положения в государствах СНГ состоит в том, что в одних кодексах называется конкретное должностное лицо, полномочное вводить режим особых условий, в других – нет, что требует обращения к иным правовым актам. Так, например, данное должностное лицо определяется п. 45 Внутренних дисциплинарных правил в учреждениях по отбыванию наказаний, утвержденных Постановлением Минюста Азербайджана от 29.12.2011 № 7-П (министр юстиции по представлению начальника пенитенциарной службы), п. 6 Приказа МВД Республики Казахстан от 14.08.2014 № 510 (с изм. от 05.06.2017) «Об утверждении Правил ввода режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (министр внутренних дел) и т. д.

В целом анализ законодательства показывает, что решение принимается министром юстиции (Азербайджан, Молдова, Таджикистан), министром внутренних дел (Казахстан, Туркмения, Узбекистан), руководителем Государственной службы испол-

нения наказания при правительстве (Киргизия), председателем Государственной пенитенциарной службы (Украина). Исключением из данного правила является законодательство Беларуси, в котором указанный режим вводится и отменяется постановлением начальника исправительного учреждения с немедленным уведомлением прокурора. Особенности есть и в украинском законодательстве, позволяющем вводить режим особых условий в учреждении начальнику колонии (до трех суток), начальнику территориального органа (до десяти суток).

В силу сложного порядка введения режима особых условий, как правило руководителем ведомства (кроме Беларуси, Узбекистана, Украины), и наличия процедуры согласования данного решения законодательство многих стран СНГ восприняло положения Модельного кодекса о возможности введения мер, предусмотренных для режима особых условий, начальником учреждения в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью осужденных, персонала или иных лиц (Армения, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения) либо начальником территориального органа уголовно-исполнительной системы (Казахстан) с незамедлительным уведомлением соответствующего органа.

Законодательством стран СНГ в соответствии с Модельным кодексом устанавливается срок действия режима особых условий – 30 суток (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина), 30 дней (Армения, Азербайджан, Молдавия), прекращением событий (Беларусь), явившихся основанием для введения режима особых условий. Предусматривается возможность продления режима особых условий дополнительно на 30 суток (дней).

Государства – участники СНГ в своем уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрели содержание режима особых условий. При этом рекомендации Модельного кодекса в этой части были учтены. Введение режима особых условий означает, что в учреждении осуществляется комплекс следующих мероприятий:

- вводится усиленный вариант несения службы, предполагающий усиление охраны, надзора, установления особого допуска на объекты;
- изменяется распорядок дня;
- ограничивается деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных, медико-санитарных и иных служб;

– приостанавливается, ограничивается осуществление прав осужденных.

Сопоставляя указанные формулировки, полагаем возможным заявить о разном подходе законодателей в странах СНГ к определению объема ограничиваемых (приостанавливаемых) прав. В одних случаях это приостановка (ограничение) осуществления осужденным прав, предусмотренных кодексом (Азербайджан, Молдавия, Узбекистан – ограничиваемые права не называются, а лишь дается отсылка к законодательству), в других – приостановка (ограничение) некоторых прав со ссылками на статьи кодекса (Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения) либо указание на приостановку реализации конкретных прав, перечисленных в статье (Беларусь). УИК Украины обходит практически полным молчанием данный вопрос. При определении круга прав, подлежащих ограничению или приостановлению, законодатели учли положения Модельного кодекса, определившего перечень прав, реализация которых может быть приостановлена.

Речь идет:

а) о правах, позволяющих осужденным взаимодействовать со свободой (свидания, получение и отправление передач, денежных переводов, почтовой корреспонденции: писем, пакетов, бандеролей, посылок, осуществление телефонных разговоров);

б) правах, касающихся повседневной жизни внутри учреждения (приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, прогулки, приобретение и хранение литературы, письменных принадлежностей);

в) дополнительных правах (выезды за пределы учреждения, передвижение без конвоя, проживание вне учреждения).

Уголовно-исполнительными кодексами государств – участников СНГ дополнительно устанавливаются и иные ограничения. Например, просмотр телепередач и прослушивание радио (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения), посещение исправительных учреждений членами общественных объединений (Беларусь, Казахстан), религиозных организаций (Беларусь), представителями средств массовой информации (Беларусь, Украина).

Отдельными подзаконными актами также устанавливаются дополнительные ограничения реализации прав осужденных в период особых условий. Например, в соответствии с п. 241 Внутреннего регламента мест содержания заключенных исправительных

учреждений, утвержденного Правительством Армении 03.08.2006 № 1543-н, осужденные не могут участвовать в религиозных обрядах, гражданско-правовых сделках, получении образования, заниматься работой, получать дополнительные платные услуги. Одновременно в данном документе прописаны ограничения прав, рекомендованные Модельным кодексом и не вошедшие в УИК Армении: приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, ограничение тайны переписки, прогулок, телефонных переговоров, краткосрочных выездов, передвижение без конвоя или за пределами исправительного учреждения.

Пунктом 271 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Постановлением МВД Республики Беларусь от 20.10.2000 № 174, ограничивается или прекращается деятельность радио- и телестудий.

Осуществление иных мероприятий наиболее подробно прописано в п. 5 Приказа МВД Республики Казахстан от 14.08.2014 № 510 (с изм. от 05.06.2017) «Об утверждении Правил ввода режима особых условий в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Например, предусматривается:

– выведение гражданских служащих и лиц женского пола, работающих в учреждении, за его пределы;

– выставление постов возле магазина, пищеблока и в других местах хранения материальных ценностей, в том числе вынесенных из места бедствия;

– при стихийных бедствиях отключение электроэнергии (за исключением освещения периметра охраняемого объекта);

– подготовка автотракторной, бронетанковой, пожарно-водометной и иной техники для использования в действиях при чрезвычайных обстоятельствах;

– проведение оперативными службами кино-, фото-, видеосъемки противоправных действий осужденных, а также опрос свидетелей и потерпевших;

– привлечение территориальных противопожарных, газоаварийных, медицинских и других служб, обеспечение их беспрепятственного проезда и сопровождения;

– проведение проверки обеспеченности личного состава оружием, спецсредствами, наличия средств связи и служебно-розыскных собак;

– совместные тренировки с личным составом учреждений уголовно-исполнительной системы, органов внутренних дел и Национальной гвардии;

– силами администрации учреждения принятие мер по локализации очага конфликта, изъятие организаторов и активных участников противоправных действий;

– проведение специальной операции в случае, если пресечь действия осужденных силами администрации не удалось. Специальная операция по пресечению противоправных действий проводится с привлечением сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, подразделений специального реагирования, а также других сил и средств органов внутренних дел. Перед началом операции осужденным предлагается прекратить противоправные действия, они предупреждаются о применении чрезвычайных мер с вводом личного состава. Возможность применения сил специального назначения для подавления массовых беспорядков прямо закреплена в Исполнительном кодексе Республики Молдова, УИК Украины.

Таким образом, регламентация режима особых условий в исправительных учреждениях государств – участников СНГ, вне зависимости от времени принятия уголовно-исполнительного закона (1997–2017 гг.),

в целом соответствует рекомендациям Модельного кодекса. Помимо кодексов в некоторых странах отдельные положения, связанные с введением режима особых условий, особенно в части ограничения прав осужденных, содержатся в подзаконных актах. С одной стороны, это нельзя считать удачным способом правового решения, с другой – их наличие знаменует значительный шаг в детализации правовых предписаний режима особых условий исправительных учреждений. В любом случае опыт правовой регламентации режима особых условий данных стран необходимо учитывать при обновлении отечественного законодательства. Следует сформулировать понятие режима особых условий, его целей и задач, уточнить перечень ограничиваемых прав осужденных, конкретизировать порядок действий заинтересованных органов и должностных лиц в этот период, сформулировать нормы, касающиеся уголовно-исполнительной деятельности в чрезвычайное или военное время, в том числе предусмотрев особенности реализации режима особых условий для осужденных без изоляции от общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исполнительный кодекс Республики Молдова от 24.12.2004 (с изм. от 20.07.2017). URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=336538> (дата обращения: 15.11.2017).
2. Кодекс Азербайджанской Республики об исполнении наказаний от 14.07.2000 (с изм. от 31.05.2017). URL: <http://e-qanun.az/code/15> (дата обращения: 15.11.2017).
3. Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан от 06.08.2001 (с изм. от 18.07.2017). URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=1878 (дата обращения: 15.11.2017).
4. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской республики от 31.01.2017. URL: https://online.toktom.kg/Toktom/140342-1?documentFtsExpr=уголовно-исполнительный%20кодекс#st_85 (дата обращения: 15.11.2017).
5. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Армения от 18.01.2005 (с изм. от 01.03.2017). URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2256&lang=rus> (дата обращения: 15.11.2017).
6. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11.01.2000 (с изм. от 09.01.2017). URL: http://etalonline.by/?type=text®num=HK0000365#load_text_none_1_10 (дата обращения: 15.11.2017).
7. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 05.07.2014 (с изм. от 11.07.2017). URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 15.11.2017).
8. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан от 25.04.1997 (с изм. от 10.09.2012). URL: <http://online.toktom.kg/Toktom/100909-10> (дата обращения: 15.11.2017).
9. Уголовно-исполнительный кодекс Туркменистана от 25.03.2011 (с изм. от 04.02.2017). URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=33065 (дата обращения: 15.11.2017).
10. Уголовно-исполнительный кодекс Украины от 11.07.2003 (с изм. от 07.04.2017). URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1129-15?test=4/UMfPEGznhh2nb.ZiND82IWHI4pQs80msh8le6> (дата обращения: 15.11.2017).

REFERENCES

1. Ispolnitel'nyj kodeks Respubliki Moldova ot 24.12.2004 (s izm. ot 20.07.2017) [Penal code of the Republic of Moldova dated 24.12.2004 (with changes from 20.07.2017)]. Available at: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=336538> (accessed 15.11.2017). (In Russ.).
2. Kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki ob ispolnenii nakazaniy ot 14.07.2000 (s izm. ot 31.05.2017) [Code of the Republic of Azerbaijan on execution of punishments dated 14.07.2000 (with changes from 31.05.2017)]. Available at: <http://e-qanun.az/code/15> (accessed 15.11.2017). (In Russ.).
3. Kodeks ispolnenija ugovolnyh nakazaniy Respubliki Tadjikistan ot 06.08.2001 (s izm. ot 18.07.2017) [Penal code of the Republic of Tajikistan dated 06.08.2001 (with changes from 18.07.2017)]. Available at: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=1878 (accessed 15.11.2017). (In Russ.).
4. Ugolovno-ispolnitel'noj kodeks Respubliki Armenija ot 18.01.2005 (s izm. ot 01.03.2017) [Penal code of the Republic of Armenia dated 18.01.2005 (with changes from 01.03.2017)]. Available at: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2256&lang=rus> (accessed 15.11.2017). (In Russ.).
5. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Kyrgyzskoj respubliki ot 31.01.2017 [Penal code of the Kyrgyz Republic dated 31.01.2017]. Available at: https://online.toktom.kg/Toktom/140342-1?documentFtsExpr=ugolovno-ispolnitel'nyj%20kodeks#st_85 (accessed 15.11.2017). (In Russ.).

6. Uголовno-исполnitel'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 11.01.2000 (s izm. ot 09.01.2017) [Penal code of the Republic of Belarus from 11.01.2000 (with changes from 09.01.2017)]. Available at: http://etalonline.by/?type=text®num=HK0000365#load_text_none_1_10 (accessed 15.11.2017). (In Russ.).
7. Uголовno-исполnitel'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 05.07.2014 (s izm. ot 11.07.2017) [Penal code of the Republic of Kazakhstan dated 05.07.2014 (with changes from 11.07.2017)]. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (accessed 15.11.2017). (In Russ.).
8. Uголовno-исполnitel'nyj kodeks Respubliki Uzbekistan ot 25.04.1997. (s izm. ot 10.09.2012) [Penal code of the Republic of Uzbekistan dated 25.04.1997 (with changes from 10.09.2012)]. Available at: <http://online.toktom.kg/Toktom/100909-10> (accessed 15.11.2017). (In Russ.).
9. Uголовno-исполnitel'nyj kodeks Turkmenistana ot 25.03.2011 (s izm. ot 04.02.2017) [Penal code of Turkmenistan dated 25.03.2011 (with changes from 04.02.2017)]. Available at: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=33065 (accessed 15.11.2017). (In Russ.).
10. Uголовno-исполnitel'nyj kodeks Ukrainy ot 11.07.2003 (s izm. ot 07.04.2017) [Penal code of Ukraine dated 11.07.2003 (with changes from 07.04.2017)]. Available at: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1129-15?test=4/UMfPEGznhh2nb.ZiND82IWHI4pQs80msh8le6> (accessed 15.11.2017). (In Russ.).

УДК 343.9

Противодействие угрозам экономической безопасности в банковской сфере

И. А. МОИСЕЕВА – заместитель декана юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Актуальность проблемы противодействия угрозам экономической безопасности обусловлена возрастанием потребности в защите экономических интересов личности, общества и государства в современных условиях. Очевидно, что в первую очередь необходимо бороться с наиболее опасными формами посягательства на экономическую безопасность. Одна из таких форм – преступные посягательства в банковском секторе, который является ключевым механизмом функционирования всей экономики государства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, которые складываются в сфере противодействия угрозам экономической безопасности в банковской сфере, предметом – угрозы; причины и условия, способствующие посягательствам на экономическую безопасность банковской сферы; меры противодействия преступлениям, посягающим на экономическую безопасность банковского сектора экономики.

В статье анализируются состояние экономической безопасности в банках, причины совершения преступлений в этой сфере и меры профилактики.

Практическая значимость выполненного исследования заключается в том, что сделанные выводы и рекомендации могут быть непосредственно использованы в правоприменительной деятельности, а также службами информационной безопасности в банковских учреждениях.

Ключевые слова: экономическая безопасность; банк; банковская сфера; противодействие преступности; преступность; банковская безопасность; мошенничество; хищение.

Counteraction to threats of economic security in the bank sphere

I. A. MOISEEVA – Deputy dean of the Law Faculty of Yanka Kupala State University of Grodno, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The urgency of the problem of investigating the countering threats to economic security is caused by an increase in the need to protect the economic interests of the

individual, society and the state in modern conditions. Obviously first of all it is necessary to deal with the most dangerous forms of encroachment on economic security. One such form is the criminal encroachment in banking sector, which in fact is the key mechanism for the functioning of the entire economy of the state.

The object of the study are public relations, which are formed in the sphere of counteraction to threats to economic security in the banking sector.

The subject of the study are threats; reasons and conditions that contribute to encroachments on the economic security of banking sector; measures to counteract crimes that encroach on the economic security of banking sector of the economy.

The article analyzes the state of economic security in banks, the causes of crimes in this sphere and prevention measures for their prevention, as well as regulatory legal acts on the organization of combating money laundering in banks; methods and tools for managing the risks associated with the legalization of the proceeds of crime through banks are defined.

The practical significance of the research is that the conclusions and recommendations can be directly used in law enforcement activities, as well as information security services in banking institutions. In addition the author substantiated proposals to improve the system of internal banking control to counteract the legalization of proceeds from crime.

Key words: economic security; bank; bank sphere; crime prevention; criminality; banking security; cheating; plunder.

Одним из главных условий перехода Республики Беларусь к устойчивому развитию является гарантирование экономической безопасности государства и его способность противостоять внешним и внутренним угрозам. Для этого первостепенное значение приобретают выявление, оценка и нейтрализация угроз экономической безопасности ключевого механизма функционирования экономики – банковского сектора, в том числе и со стороны преступного мира. Более того, в последнее время преступления в кредитно-денежной сфере все чаще выходят на уровень транснациональных операций, которые представляют собой наибольшую опасность экономическим интересам страны, ее международному авторитету и партнерской надежности.

Несмотря на значительную объемность действующего законодательства Республики Беларусь в области регулирования экономических процессов и кредитно-денежных отношений, остались без внимания некоторые вопросы, что породило благоприятную почву для преступлений экономического характера. В данной связи нельзя не согласиться с мнением В. Сидорова, который считает, что одно из основных направлений обеспечения защиты банковской системы – это осуществление комплекса мер по объединению усилий всех заинтересованных структур и подразделений по созданию системы заблаговременного уведомления банков о появлении криминальных угроз их ресурсам [12].

Одним из наиболее распространенных преступлений, совершенных в 2016 г. в Республике Беларусь на объектах банковской сферы, является хищение с использовани-

ем компьютерной техники (ст. 212 УК Республики Беларусь) – около 38,7 % от общего числа.

В настоящее время белорусская правоприменительная практика пошла по пути квалификации всех хищений, совершаемых с использованием банковских пластиковых карт (независимо от того, поддельные они или нет), а также их реквизитов, по ст. 212 УК Республики Беларусь, хотя некоторые авторы считают данную практику неверной [15; 13, с. 67].

Видами преступного использования банковской пластиковой карты (под которыми нами подразумевается как банковская платежная пластиковая карта, так и банковская кредитная карта) являются:

- незаконное использование банковской карты, которая была утеряна владельцем либо была похищена у него;
- использование банковской карты, которая не была получена законным владельцем (например, по причине смены места жительства);
- использование частично переделанной банковской карты;
- изготовление и использование поддельной банковской карты [7, с. 109].

С целью минимизации возможных злоупотреблений работникам банка необходимо еще на стадии заключения договора карт-счета проводить профилактическую беседу с владельцами банковских карт о том, как сохранить свои денежные средства от преступных посягательств, а именно: установить лимиты на снятие наличности и на безналичные расчеты; подключить оповещение, не хранить PIN-код вместе с картой, по возможности выучить его наизусть.

В настоящее время из-за расширения сферы дистанционного банковского обслуживания остро стоит проблема возможности похищения денежных средств с карточного клиента путем незаконного доступа в банковскую систему и подтверждения транзакций от его имени. В итоге когда клиент обнаруживает недостаток средств на счетах и транзакцию, которую он не выполнял, банк снимает с себя ответственность на том основании, что были использованы все необходимые для проведения транзакции атрибуты подтверждения клиента.

В большинстве случаев клиенты действительно пренебрегают требованиями информационной безопасности. Например, держат постоянно подключенными к компьютеру ключевые носители, не оснащают свои устройства антивирусными средствами. Однако и соблюдение требований информационной безопасности не гарантирует стопроцентную защиту от хищений. Поэтому банку необходимо выявлять «аномалии» в потоке информации, поступающей от клиентов; выбирать подозрительные операции; связываться с клиентами для их предварительной проверки и только после получения обратной связи от них принимать решение по транзакциям.

Для этого банки начали широко использовать антифрод-системы. На первых этапах это давало видимый эффект в борьбе с хищениями: обнаруживались практически все платежи, созданные не на устройстве клиента. Однако со временем все больше платежей, посредством которых похищались денежные средства, стало приходиться непосредственно с устройств клиентов (производились либо удаленное подключение к устройству клиента, либо автозамена реквизитов платежа, создаваемого непосредственно клиентом). Задача по выявлению подобных платежей потребовала реализовать в системе антифрода более глубокий и полный анализ всей поступающей информации от клиента на сторону банка. А. Луцкович считает, что следует отказаться от попытки персонально защитить только клиента или рассматривать в качестве объекта только банк [5]. Следует защищать всех участников процесса, своевременно обнаруживая подозрительные действия и адаптируя защитные меры в процессе возрастания рисков. С этой целью следует, во-первых, информировать клиента о существующих рисках при работе в системе дистанционного банковского обслуживания (наличие такой информации может резко повысить со-

знательность клиента). Во-вторых, система противодействия должна постоянно модернизироваться и быть адекватной существующим способам совершения преступлений в банковской сфере. В случае обнаружения IT-специалистами банка (по косвенным признакам) на устройстве клиента воздействия на типичный процесс работы в системе дистанционного банковского обслуживания (вирусного программного обеспечения или удаленного управления устройством) банк должен проверить подозрения и предложить клиенту персональную защиту.

Еще одной угрозой экономической безопасности в банковской сфере является возможность легализовать денежные средства, полученные преступным путем, в том числе и через созданные лжепредпринимательские структуры, посредством банковских операций. В этой связи государство должно создать систему защиты финансовой системы от ввоза криминальных денег, которые будут представлять угрозу национальной и международной экономике и влиять на надежность финансовой системы [20, с. 453]. Республика Беларусь входит в Евразийскую группу по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Эта группа является ассоциированным членом ФАТФ (группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег). Ее деятельность направлена на оказание содействия в создании основ ПОД/ФТ (противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, соответствующих стандартам ФАТФ) государствам, входящим в состав группы [4].

В 1990-х гг. в бывших республиках СССР, в том числе и Беларуси, финансовое законодательство только формировалось и было противоречивым, строилось на подзаконных нормативно-правовых актах. Деятельность, напрямую не противоречащая закону, не считалась криминальной. В это же время были сформированы полулегальные схемы ведения бизнеса. Одна из таких схем – создание фирмы с номинальным (фиктивным) директором, подставным лицом. Подставное лицо (примечание к ст. 234 УК Республики Беларусь):

1) это лицо, на имя которого без его ведома и согласия зарегистрирован индивидуальный предприниматель либо создано (приобретено) юридическое лицо (доли в уставном фонде юридического лица);

2) лицо, введенное в заблуждение относительно действительных целей государ-

ственной регистрации субъекта хозяйствования, которое зарегистрировалось в качестве индивидуального предпринимателя либо создало (приобрело) юридическое лицо (долю в уставном фонде юридического лица).

С. Гаврилова и Д. Липатов выделяют причины, по которым руководители (владельцы) компаний создают юридическое лицо с номинальным руководителем (учредителем) и регистрируют номинальных индивидуальных предпринимателей:

1) если необходимо скрыть, что учредитель (директор) одного субъекта хозяйствования одновременно владеет другой компанией, или если реальным руководителем другой компании является его родственник (для того чтобы два субъекта хозяйствования не были признаны взаимозависимыми по налогообложению);

2) если реальный руководитель выводит все ликвидное имущество на другую организацию, собираясь оставить свою компанию из-за угрозы рейдерства или долгов, и ставит вместо себя номинального учредителя (директора);

3) когда реальный владелец не имеет права заниматься предпринимательской деятельностью;

4) когда для получения лицензии на ведение определенного вида деятельности установлены требования. Например, чтобы руководитель соответствовал образовательному (имел высшее образование соответствующего профиля) или иному цензу (оседлости, гражданства и т. п.);

5) чтобы нести ответственность за сомнительные или незаконные операции, проводимые в действительности реальными руководителями (обналичивание денег, создание фиктивных расходов для основной организации, выплата «серой» зарплаты, уклонение от уплаты налогов, таможенных платежей, легализация денежных средств, добытых преступным путем, и т. п.) [3, с. 21].

Что касается классификации незаконных предприятий, Ж. МакЭлви, Р. Смит и П. Сомервилл выделяют следующие их типы:

1. Юридическое предприятие с маргинальной нелегальной деятельностью. Это предприятие официально зарегистрировано как субъект предпринимательской деятельности, но будет осуществлять и нелегальные трансакции и (или) сделки, когда это возможно.

2. Юридическое предприятие как сфера незаконной деятельности (предприятие, которое используется для отмыывания денег).

Например, торговец наркотиками запускает бизнес, используя его как средство отмыывания денег на фиктивных сделках. В таком случае нелегальная деятельность предпринимателя «скрыта» законным бизнесом.

3. Незаконное предприятие. Возможно, это предприятие будет структурно эффективным иметь доступ к поставкам сетей, знать своих клиентов и рынков. Примеры таких предприятий могут включать торговлю наркотиками, контрабанду, проституцию и браконьерство.

4. Незаконное предприятие оппортунистов. Данный тип характеризуется уклонением субъекта хозяйствования или индивидуального предпринимателя от соблюдения условий сделки для получения прибыли за счет партнеров. Когда становится очевидной роль тех участников команды, которых нельзя заменить другими, уклонение может принять форму вымогательства или шантажа. Такие члены команды могут требовать для себя особых условий работы или оплаты, шантажируя других угрозой выхода из команды [19].

Национальным банком Республики Беларусь разработан примерный перечень критериев отнесения субъектов предпринимательской деятельности к лжепредпринимательским структурам:

- субъект хозяйствования регистрируется по утерянным или похищенным документам, удостоверяющим личность учредителя;

- учредитель и (или) руководитель субъекта хозяйствования моложе 25 либо старше 60 лет; студент; нерезидент Республики Беларусь; имеет (имел) судимость либо был связан с организациями, имеющими плохую деловую репутацию (ликвидированными по решению контролирующего органа, обанкротившимися и т. п.);

- учредитель, руководитель и (или) главный бухгалтер одного субъекта хозяйствования является одновременно руководителем и бухгалтером в других организациях; занимает одновременно несколько руководящих должностей и (или) является учредителем в различных организациях;

- субъект хозяйствования или физическое лицо действует по поручению третьих лиц при совершении финансовой операции;
- относительно низкая налоговая нагрузка субъекта хозяйствования;

- систематическое представление субъектом хозяйствования платежных инструкций на выплату больших сумм штрафных санкций, пени, неустойки другим субъектам хозяйствования;

- платежи по приходно-расходным операциям не соответствуют виду деятельности субъекта хозяйствования;

- осуществление финансово-хозяйственной деятельности через договоры подряда и комиссии;

- платежи по внешнеэкономическим контрактам проводятся без открытия текущего (расчетного) счета в иностранной валюте;

- товарно-сопроводительные документы оформляются с минимальной оптовой надбавкой;

- потенциальный клиент (представитель клиента) не ориентируется в сведениях, указываемых в документах; консультируется с третьими лицами; не может объяснить цели открытия банковского счета; не владеет или плохо владеет информацией о видах деятельности субъекта хозяйствования; имеет асоциальный внешний вид (бомж, неопрятно (грязно) одет, ощутимый запах алкоголя и т. п.);

- представитель клиента ранее представлял интересы других клиентов при открытии банковского счета;

- излишняя озабоченность конфиденциальностью представляемых документов, сведений и информации;

- представитель клиента неоправданно задерживает запрашиваемые документы, сведения и информацию; при себе имеет большое количество печатей, в том числе не относящихся к клиенту (юридическому лицу), которому открывается банковский счет;

- генеральный директор, директор, председатель правления моложе 23 либо старше 65 лет; не может указать почтовый индекс возглавляемой им организации и (или) ее географическое местонахождение [9].

Чаще всего лжепредпринимательские структуры используются для обналичивания денежных средств. В этом случае подставная организация может быть использована либо как транзитный объект, либо как владелец расчетного счета, с которого непосредственно снимаются наличные денежные средства.

Обобщенная модель легализации средств, полученных преступным путем, состоит из трех стадий: размещение, расслоение и интеграция:

- 1) на стадии размещения (placement) изменяется форма денежных средств и таким образом скрывается нелегальность их происхождения [11, с. 30–31];

- 2) на стадии расслоения (layering) осуществляется ряд финансовых операций (обратные ссуды, двойное выставление счетов-

фактур), которые в итоге «растворяются» в массиве совершаемых каждый день законных сделок, с целью еще лучше скрыть следы совершенного преступления [6, с. 6];

- 3) на стадии интеграции (integration) нелегальные денежные доходы трансформируются в имеющие внешне легальное происхождение средства [21].

В. В. Белоус подробно описывает широко распространенное использование фиктивной компании для легализации контрабандных товаров: предприятие, получив контрабандным путем определенные товары от иностранного партнера, заключает с фиктивным предприятием «бестоварный» договор купли-продажи (поставки), на основании которого производит расчеты и приходит у себя контрабандные товары [1, с. 202]. В дальнейшем такие товары реализуются законно действующим субъектам хозяйствования или конечным потребителям. Аналогично производится легализация неучтенной продукции и похищенного имущества.

Как верно отмечает А. Г. Варчук, предоставление незаконных услуг по переводу денежных средств из безналичной формы в наличную и наоборот является делом, которое позволяет получать огромную прибыль [2, с. 153]. Вероятность привлечения к уголовной ответственности за лжепредпринимательство по законодательству Республики Беларусь, к сожалению, невысока из-за того, что данный состав преступления относится к высоколатентным. Автор согласен с В. В. Хилюттой, что диспозиция ст. 234 Уголовного кодекса Республики Беларусь сформулирована таким образом, что расследование каждый раз будет сводиться к установлению и доказыванию умысла на совершение конкретного преступного деяния с использованием лжепредприятия. Это сложно и малопродуктивно, так как отсутствие дальнейшей деятельности после регистрации предприятия будет объяснено причинами о наличии у предпринимателей действительных намерений по отношению к клиентам и принятым обязательствам [14, с. 109].

Д. Маскиандаро рассматривает роль отмывания денег как множителя криминальных финансовых видов деятельности, подчеркивая, что такой «загрязняющий» элемент экономики становится более значительным:

- 1) чем ниже совокупные транзакционные издержки, связанные с отмыванием денег;

- 2) чем больше доля реинвестирования в незаконной деятельности;

3) чем больше давление на необходимость финансирования такого реинвестирования с чистой ликвидностью;

4) чем шире различия в ожидаемых реальных доходах между незаконной и юридической деятельностью;

5) чем больше первоначальный объем незаконных доходов, которые необходимо «очистить» [18, с. 225].

В соответствии с требованиями международного права и национального законодательства в банках Республики Беларусь создана система внутреннего контроля по предотвращению и выявлению финансовых операций, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем. Она включает в себя проведение полной идентификации клиентов и банков-корреспондентов. Если клиент не представляет сведения и документы, необходимые для проведения идентификации, банк отказывает клиенту в осуществлении финансовой операции.

В соответствии с риск-ориентированным подходом [10] на основании досье присваивается итоговая степень риска работы с клиентом (учитывается вид деятельности клиента и степень риска совершаемой клиентом операции).

Департамент внутреннего аудита банка осуществляет регулярный контроль за выполнением процедур внутреннего контроля структурными подразделениями банка.

Сведения о финансовых операциях, подлежащих особому контролю, направляются в Департамент финансового мониторинга Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Банк может отказать клиенту в осуществлении финансовой операции, если финансовая операция отвечает критериям выявления и признакам подозрительных финансовых операций, имеется информация о причастности банка (в том числе банка-нерезидента), в котором открыт счет получателя денежных средств, к незаконным финансовым операциям или применению к ним санкций. Финансовая операция (за исключением поступления денежных средств) может быть приостановлена. Банк вправе отказать от исполнения договора на осуществление финансовых операций, если в течение шести месяцев как минимум два раза им принималось решение об отказе в осуществлении финансовых операций клиента. Клиенту может быть отказано в подключении к системе дистанционного банковского обслуживания, в одностороннем порядке прекращено или приостановлено

оказание услуг посредством такой системы, если осуществляемые им финансовые операции отвечают критериям отказа в подключении (прекращения, приостановления). Банки не могут открывать и вести банковские счета на анонимных владельцев, а также открывать и вести такие счета на владельцев, использующих вымышленные имена (псевдонимы), а также открывать банковские счета физическим лицам без личного присутствия лица, открывающего счет, либо его представителя [8].

Оценка деятельности банка по уровням рисков легализации преступных доходов включает риск работы с клиентом (риск совершения клиентом операций в целях легализации доходов, полученных преступным путем) и риск банковской услуги (продукта) – риск вовлечения банка и его работников в легализацию доходов, полученных преступным путем.

Для оценки риска банковской услуги (продукта) анализируются основные условия и порядок предоставления услуги (продукта), а также выявленные факты использования услуги (продукта) в целях легализации доходов, полученных преступным путем.

Риск работы с клиентом оценивается банком по трехуровневой шкале степени рисков (низкая, средняя и высокая), риск банковской услуги (продукта) – по двухуровневой (низкая и высокая).

Шкале рисков соответствуют уровни реагирования системы внутреннего контроля. При низкой либо средней степени риска применяются упрощенные (стандартные) процедуры внутреннего контроля, а при высокой – расширенные. При высокой степени риска банк может принять меры, связанные с замораживанием средств и (или) блокированием финансовых операций; отказать клиенту в заключении договора на осуществление финансовых операций.

В результате проведенного исследования нами сделаны следующие выводы:

1. Современная банковская система Республики Беларусь является как неотъемлемой частью цивилизованного общества, так и сферой, которая постоянно подвергается повышенной угрозе со стороны преступников из-за имеющейся возможности быстрого оборота денежных средств и получения высокой прибыли. Она способна выполнять возложенные на нее задачи лишь при создании надлежащих условий для ее успешного функционирования и защиты от противоправных посягательств. Банковская безопасность – это базис для существования и

последующего развития банковского сектора, который является наиболее уязвимой частью финансовой системы государства, что таит прямую угрозу национальной безопасности.

2. Проблема обеспечения банковской безопасности носит комплексный, междисциплинарный характер. Для ее решения требуются совместные усилия не только юристов в создании законодательной базы, отвечающей требованиям государства и общества, но и специалистов в области экономики, менеджмента, IT-технологий и представителей других областей научных знаний.

3. Для поддержания рисков на уровне, не угрожающем интересам клиентов и акционеров (учредителей) банка и государственным интересам, в банках создана система внутреннего банковского контроля. Казалось бы, она тщательнейшим образом детализирована. Соответственно, приняты меры по предотвращению угроз экономической безопасности, в том числе и легализации доходов, полученных преступным путем. Однако существуют проблемы, на которые хотелось бы обратить внимание:

1) за банками сохраняется право на самостоятельность определения критериев степени риска банковской услуги (продукта) и риска работы с клиентом, соответственно, эти критерии в настоящее время в разных банках отличаются друг от друга. Полагаем, что данное право позволяет должностным лицам банков толковать указанные понятия по своему усмотрению, не исключено, что в корыстных целях. Критерии должны быть едиными и закреплены законодательно;

2) в Республике Беларусь, как и в других государствах, в кредитно-денежной сфере приоритет отдается развитию системы безналичных расчетов и поступательной замене расчетов в наличной форме безналичной. Несмотря на очевидные преимуще-

ства данного вида расчетов (при большом удельном весе в общей денежной массе наличных денежных средств экономика страны становится более уязвимой; экономия на издержках обращения; прозрачность денежных потоков внутри страны и эффективность в борьбе с коррупцией; снижение доли теневой экономики и предотвращение легализации доходов, полученных преступным путем), безналичные расчеты – это быстрая возможность конвертировать свои незаконные доходы, перемещая их практически в любую точку мира моментально посредством банковских переводов, писем с авторизацией или других средств передачи финансовой информации [17];

3) из-за возможности отслеживания персональных данных плательщиков электронные деньги не имеют абсолютного иммунитета от преступных посягательств. Так как преступные способы завладения электронными денежными средствами могут быть организованы на транснациональном уровне, остро стоит вопрос международного сотрудничества в области обнаружения, пресечения и расследования преступлений правоохранительными органами разных государств и международными организациями (Интерполом, Европолом); согласования уголовного и уголовно-процессуального законодательств стран для привлечения виновных лиц к ответственности;

4) в условиях применения электронного банкинга меняются задачи и формы осуществления внутреннего контроля по управлению банковскими рисками. Для этого руководству банков целесообразно для адаптации процессов управления банковскими рисками тестировать программно-информационное обеспечение финансового мониторинга на предмет его адекватности способам противоправной деятельности, а также актуализировать и обновлять его по мере внедрения новых технологий электронного банкинга [16, с. 169].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоус В. В. Использование фиктивных предприятий при совершении экономических преступлений. URL: <http://dspace.nlu.edu.ua/handle/123456789/10498> (дата обращения: 01.08.2017).
2. Варчук А. Г. Тактическая операция «конвертационный центр» при расследовании экономических преступлений // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. 2014. № 6. С. 153–155.
3. Гаврилова С. При использовании номинальных учредителей и директоров рискуют обе стороны. URL: http://www.nalogovik.ru/files/2011/01/rnp01_20_29_ne_gitem1.pdf (дата обращения: 01.08.2017).
4. Информация о ЕАГ. URL: http://www.eurasiangroup.org/ru/eag_detail.php (дата обращения: 01.08.2017).
5. Луцкович А. Современная система антифрода: выявлять и защищать! URL: <http://www.bdm.ru/antifrod/> (дата обращения: 01.11.2017).
6. Макдауэл Дж. Последствия отмывания денег и других финансовых преступлений // Экономические перспективы : электронный журнал Государственного департамента США. 2001. № 2. С. 6–9.
7. Моисеева И. А. Криминалистический анализ и методы раскрытия преступлений в банковской сфере : моногр. / под ред. Г. А. Зорина. Гродно, 2000. 136 с.
8. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения : закон Республики Беларусь от 30.06.2014 № 165-З (в ред. от 13.06.2016). Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН».

9. О надлежащей проверке клиентов банков, открывающих и (или) имеющих банковские счета : письмо Национального банка Республики Беларусь от 28.11.2012 № 21-17/147 : в ред. писем от 03.03.2015 № 21-19/92, от 18.05.2015 № 21-19/157. URL: <http://bii.by/tx.dll?d=250063&a=3#a3> (дата обращения: 01.08.2017).
10. Об утверждении Рекомендаций для банков, небанковских кредитно-финансовых организаций, открытого акционерного общества «Банк развития Республики Беларусь», лизинговых организаций по управлению рисками, связанными с легализацией доходов, полученных преступным путем, финансированием террористической деятельности и финансированием распространения оружия массового поражения : постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 17.12.2014 № 783. URL: https://www.nbrb.by/Legislation/documents/P_783.pdf (дата обращения: 01.08.2017).
11. Ревенков П. В. Отмывание незаконных доходов: анализ проблемы и некоторые рекомендации // Деньги и кредит. 2011. № 4. С. 30–35.
12. Сидоров В. Банковская безопасность и преступность // Банковское дело в Москве. 1998. № 9 (45). С. 54–56.
13. Хиллута В. В. Охрана кредитно-банковских отношений от преступных посягательств. Гродно, 2005. 160 с.
14. Хиллута В. В. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: проблемы правоприменения (региональный аспект) // Регионалистика : сб. науч. тр. / редкол.: Н. И. Богдан [и др.]. Гродно, 2012. С. 102–121.
15. Хомич П. А. Вопросы квалификации хищений с использованием банковских платежных карт, их реквизитов, а также сопутствующих им преступлений. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Шамин В. П. Риски и система интернет-банкинга // Бизнес в законе. 2012. № 1. С. 267–270.
17. Boles J. R. Financial Sector Executives as Targets for Money Laundering Liability // American Business Law Journal. 2015. Vol. 52. Iss. 3 (Fall). Pp. 365–433.
18. Masciandaro D. Money Laundering: the Economics of Regulation // European Journal of Law and Economics. 1999. Vol. 7. Issue 3 (May). Pp. 225–240.
19. McElwee G. Theorising Illegal Rural Enterprise: Is everyone at it? // International Journal of Rural Criminology. 2011. Vol. 1. Issue 1 (December). Pp. 40–62.
20. Nikolosk S. Role of banks as entity in the system for prevention of money laundering in the Macedonia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 44. Pp. 453–459.
21. Schneider F. Money laundering: some facts // European Journal of Law and Economics. 2008. Vol. 26. Issue 3 (December). Pp. 387–404.

REFERENCES

1. Belous V. V. Ispol'zovanie fiktivnyh predpriyatij pri sovershenii jekonomicheskikh prestuplenij [Use of fictitious enterprises in the commission of economic crimes]. Available at: <http://dspace.nlu.edu.ua/handle/123456789/10498> (accessed 01.08.2017). (In Russ.).
2. Varchuk A. G. Takticheskaja operacija «konvertacionnyj centr» pri rassledovanii jekonomicheskikh prestuplenij [Tactical operation «conversion center» in the investigation of economic crimes]. Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D – Bulletin of Polotsk State University. The D-Series. 2014. Iss. 6. Pp. 153–155. (In Russ.).
3. Gavrilova S. Pri ispol'zovanii nominal'nyh uchreditelej i direktorov riskujut obe storony. Available at: http://www.nalogovik.ru/files/2011/01/pnp01_20_29_ne_gitem1.pdf (accessed 01.08.2017). (In Russ.).
4. Informacija o EAG [Information about EAG]. Available at: http://www.eurasiangroup.org/ru/eag_detail.php (accessed 01.08.2017). (In Russ.).
5. Luckovich A. Sovremennaja sistema antifroda: vyjavljat' i zashhishhat'! [The modern system of antiphrode: to identify and protect!]. Available at: <http://www.bdm.ru/antifrod/> (accessed 01.11.2017). (In Russ.).
6. Makdaujel Dzh. Posledstvija otmывanija deneg i drugih finansovyh prestuplenij [Effects of money-laundering and other financial crimes]. Jekonomicheskie perspektivy : elektronnyj zhurnal Gosudarstvennogo departamenta SSHA. – Economic Perspectives : e-journal of the State Department of the USA. 2001. Iss. 2. Pp. 6–9. (In Russ.).
7. Moiseeva I. A. Kriminalisticheskij analiz i metody raskrytija prestuplenij v bankovskoj sfere : monogr. [Forensic analysis, and methods of crime detection in the banking industry: monogr. ; ed. by G. A. Zorin]. Grodno, 2000. 136 p. (In Russ.).
8. O merah po predotvrashheniju legalizacii dohodov, poluchennyh prestupnym putem, finansirovanija terroristicheskoy dejatel'nosti i finansirovanija rasprostraneniya oruzhija massovogo porazhenija : zakon Respubliki Belarus' ot 30.06.2014 № 165-Z (v red. ot 13.06.2016) [On Measures to Prevent the Legalization of Proceeds from Crime, Financing of Terrorist Activities and Financing the Distribution of Weapons of Mass Destruction : Law of the Republic of Belarus of 30.06.2014 № 165-3 (in red. on 13.06.2016)]. Available at the information retrieval system «ETALON». (In Russ.).
9. O nadlezhashhej proverke klientov bankov, otkryvajushhih i (ili) imejushhih bankovskie scheta : pis'mo Nacional'nogo banka Respubliki Belarus' ot 28.11.2012 № 21-17/147 : v red. pisem ot 03.03.2015 № 21-19/92, ot 18.05.2015 № 21-19/157 [On due diligence of clients of banks opening and (or) having bank accounts: letter of the National Bank of the Republic of Belarus of 28.11.2012 № 21-17/147 : in red. letters of 03.03.2015 № 21-19/92, of 18.05.2015 № 21-19/157]. Available at: <http://bii.by/tx.dll?d=250063&a=3#a3> (accessed 01.08.2017). (In Russ.).
10. Ob utverzhdenii Rekomendacij dlja bankov, nebankovskih kreditno-finansovyh organizacij, otkrytogo akcionernogo obshhestva «Bank razvitiya Respubliki Belarus'», lizingovyh organizacij po upravleniju riskami, svjazannymi s legalizaciej dohodov, poluchennyh prestupnym putem, finansirovaniem terroristicheskoy dejatel'nosti i finansirovaniem rasprostraneniya oruzhija massovogo porazhenija : postanovlenie Pravljenija Nacional'nogo banka Respubliki Belarus' ot 17.12.2014 № 783 [On approval of Recommendations for banks, non-bank financial institutions, open joint stock company «Development Bank of the Republic of Belarus», leasing organizations for risk management related to the legalization of proceeds from crime, financing of terrorist activities and financing the proliferation of weapons of mass destruction: Bank of the Republic of Belarus of 17.12.2014 № 783]. Available at: https://www.nbrb.by/Legislation/documents/P_783.pdf (accessed 01.08.2017). (In Russ.).
11. Revenkov P. V. Otmывanie nezakonnyh dohodov: analiz problemy i nekotorye rekomendacii [Laundering of illicit proceeds: analysis of the problem and some recommendations]. Den'gi i kredit – Money and credit. 2011. Iss. 4. Pp. 30–35. (In Russ.).
12. Sidorov V. Bankovskaja bezopasnost' i prestupnost' [Banking security and crime]. Bankovskoe delo v Moskve – Banking in Moscow. 1998. Iss. 9 (45). Pp. 54–56. (In Russ.).
13. Hiljuta V. V. Ohrana kreditno-bankovskih otnoshenij ot prestupnyh posjagatel'stv [Protection of credit and banking relations from criminal encroachments]. Grodno, 2005. 160 p. (In Russ.).
14. Hiljuta V. V. Prestuplenija protiv porjadka osushhestvlenija jekonomicheskoy dejatel'nosti: problemy pravoprimerenija (regional'nyj aspekt) [Crimes against public order of economic activity: problems of enforcement (regional aspect)].

Regionalistika : sb. nauch. tr. – Regional studies : collection of scientific papers ; editorial team: N. I. Bogdan [et al]. Grodno, 2012. Pp. 102–121. (In Russ.).

15. Homich P. A. Voprosy kvalifikacii hishhenij s ispol'zovaniem bankovskih platezhnyh kart, ih rekvizitov, a takzhe soputstvujushhih im prestuplenij [Issues of qualification of theft using bank payment cards, their details, as well as related crimes]. Available at reference and legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).

16. Shamin V. P. Riski i sistema internet-bankinga [Risks and the system of Internet banking]. Biznes v zakone – Business in law. 2012. Iss. 1. Pp. 267–270. (In Russ.).

17. Boles J. R. Financial Sector Executives as Targets for Money Laundering Liability // American Business Law Journal. 2015. Vol. 52. Iss. 3 (Fall). Pp. 365–433. (In Eng.).

18. Masciandaro D. Money Laundering: the Economics of Regulation // European Journal of Law and Economics. 1999. Vol. 7. Iss. 3 (May). Pp. 225–240. (In Eng.).

19. McElwee G. Theorising Illegal Rural Enterprise: Is everyone at it? // International Journal of Rural Criminology. 2011. Vol. 1. Iss. 1 (December). Pp. 40–62. (In Eng.).

20. Nikolosk S. Role of banks as entity in the system for prevention of money laundering in the Macedonia // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 44. Pp. 453–459. (In Eng.).

21. Schneider F. Money laundering: some facts // European Journal of Law and Economics. 2008. Vol. 26. Iss. 3 (December). Pp. 387–404. (In Eng.).

УДК 343.811-055.2(470+1-87)

Особенности содержания и ресоциализации женщин, имеющих малолетних детей, в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран

Л. А. ЛАТЫШЕВА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье анализируются проблемы материнства и детства применительно к исправительным учреждениям России и зарубежных стран. Правовое положение осужденных женщин и их детей не имеет четкого закрепления в законе. Осужденные в полной мере не могут воспользоваться правом на общение с ребенком, участие в его воспитании, уходе за ним. Условия исправительных учреждений в данной сфере в ряде случаев не соответствуют международным стандартам. Это касается создания благоприятных условий для воспитания ребенка, обеспечения его здоровья и здоровья матери. В большинстве учреждений отсутствует возможность для пребывания осужденной вместе с ребенком, что неблагоприятно сказывается как на женщине, так и на физическом, интеллектуальном и нравственном развитии ребенка. При этом Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. устанавливает необходимость разработки механизма правовой защиты женщин, имеющих при себе детей. В соответствии с ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации государством обеспечивается поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, а в ст. 38 указано, что материнство и детство находятся под защитой государства. Согласно ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации родители, не проживающие со своими детьми, имеют право на общение с ребенком, участие в его воспитании и образовании.

Особое внимание в статье акцентируется на проблеме совместного пребывания осужденной матери с ребенком в местах лишения свободы с условием грудного вскармливания. На основе изучения зарубежного опыта содержания осужденных женщин с детьми в условиях пенитенциарного учреждения предложен ряд рекомендаций по совершенствованию российского уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения.

Результаты статьи могут быть использованы для дальнейших исследований в сфере содержания и ресоциализации осужденных женщин, имеющих малолетних детей в условиях исправительного учреждения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : исправительное учреждение; уголовное наказание; осужденные женщины; ресоциализация осужденных женщин; дом ребенка при исправительном учреждении.

Features of the maintenance and resocialization of women with young children in the penal institutions of foreign countries

L. A. LATYSHEVA – Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia», PhD. in Law

Abstract

The article analyzes the problems of motherhood and childhood in the conditions of correctional institutions of both Russia and foreign countries. The legal status of convicted women and their children is not clearly defined in the law. Convicts can not fully enjoy the right to communicate with the child, participate in its upbringing, and care for it. The conditions of correctional institutions in this area in some cases do not meet international standards. This concerns the creation of favorable conditions for the upbringing of the child, ensuring its health and the health of the mother. In most institutions there is no possibility for the convict to stay with the child, what adversely affects the woman, the physical, intellectual and moral development of children. In accordance with Part 2 of Art. 7 of the Constitution of the Russian Federation the state provides support for the family, motherhood, paternity and childhood. In Art. 38 of the Constitution of the Russian Federation states that motherhood and childhood are protected by the state. In accordance with Art. 66 of the Family Code of the Russian Federation parents who do not live with their children have the right to communicate with the child, participate in its upbringing and education.

Particular attention in the article is focused on the problem of joint stay of a convicted mother with a child in prisons with the condition of breastfeeding. Based on the study of foreign experience of holding convicted women with children in prison, a number of recommendations were proposed to improve the current Russian criminal enforcement legislation and practice of its application.

The results of the article can be used for further research in the field of content and resocialization of convicted women with young children in the penal institution.

Key words: penal institutions; criminal punishment; convicted women; resocialization of convicted women; a child's home in the penal institution.

Одним из распространенных видов наказаний, применяемых к женщинам, является лишение свободы. По состоянию на 1 февраля 2018 г. численность женщин, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, составила 47 521 чел. [5].

Женщины отличаются от других осужденных наличием специфических особенностей, потребностей и проблем. Так, большая часть из них принадлежит к категории матерей, имеет малолетних детей. В последнее время увеличивается количество беременных женщин, ежегодно поступающих в исправительные учреждения [6, с. 46].

При этом должным образом не регламентировано правовое положение осужденных женщин и детей, находящихся вместе с матерью в исправительном учреждении, не указан механизм реализации права женщины на совместное проживание с ребенком, законодательно не определены ее обязанности по отношению к детям, находящимся в местах лишения свободы. При этом в Правиле 23 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными указано, что женские заведения должны распо-

лагать особыми помещениями для ухода за беременными женщинами и роженицами. Там, где заключенным матерям разрешается оставлять младенцев при себе, нужно предусматривать создание ясель, располагающих квалифицированным персоналом. В Рекомендации 1469 (2000) Парламентской ассамблеи Совета Европы «Матери и дети младшего возраста в пенитенциарных учреждениях» указывается на необходимость выделять в исправительных учреждениях малые блоки общего и облегченного режима, имеющие социальную службу, для содержания в них небольшого числа матерей. В этих блоках можно было бы организовывать уход за детьми в подходящих для них условиях. В ст. 9 (3) Конвенции о правах ребенка устанавливается, что государства-участники уважают право ребенка, который разлучается с одним из родителей, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случаев, когда это противоречит наилучшим интересам ребенка. В ст. 30 Африканской Хартии о правах и благополучии ребенка (1999 г.) предусмотрена органи-

зация специализированных альтернативных учреждений для пребывания женщин, имеющих малолетних детей. Основные нормы, в соответствии с которыми в России осуществляется отбывание наказания женщинами, имеющими малолетних детей, содержатся в ст. 100 УИК РФ. В ней указывается на возможность совместного проживания осужденной с ребенком в доме ребенка при исправительном учреждении. В правиле 29 Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правил Манделы), принятых 21.05.2015, указано, что решение разрешить ребенку оставаться с одним из его родителей в тюрьме должно основываться на наилучших интересах ребенка. Если детям разрешено оставаться в тюрьме с одним из родителей, необходимо:

- обеспечить наличие внутренних и внешних служб по уходу за детьми, располагающих квалифицированным персоналом, куда детей следует помещать в периоды, когда они не пользуются заботой со стороны своих родителей;

- обеспечить специальное детское медико-санитарное обслуживание, включая обследование состояния здоровья при поступлении и постоянный контроль специалистов за их развитием.

Во многих зарубежных пенитенциарных системах предусмотрено совместное проживание осужденной матери с детьми. В Дании, Греции возможно совместное проживание даже в тех случаях, когда женщина приговорена к одиночному заключению [7, с. 50].

В учреждении Хиндельбанк (Швейцария) функционирует отделение подготовки к освобождению, представленное шестью жилыми группами, в том числе группой матери и ребенка, рассчитанной на шесть мест. В данном отделении женщины воспитывают своих детей до трех лет. Большинство сотрудников Хиндельбанк в профессиональном плане являются педагогами, социальными педагогами, социальными работниками, имеют медицинское образование. В жилой группе матери и ребенка под профессиональным руководством воспитателей женщины воспитывают детей [9, с. 88].

В тюремном учреждении в Грудзендзе (Польша) предусмотрен дом матери и ребенка с условием совместного содержания. Женщины с детьми проживают в комнатах, состоящих из стекла от потолка до середины стены, в каждой из которых размещено

по пять детских и материнских кроватей. В Зеленых Гурах построены удобные коттеджи для содержания осужденных с детьми с условиями, приближенными к домашним [1].

В Канаде также строятся специальные дома для содержания осужденных женщин, имеющих детей. Например, в провинции Британская Колумбия осужденные проживают вместе с детьми в шестнадцати одноместных номерах в коттеджах, территория которых не имеет ограды и вышек с часовыми. Женщинам разрешается совершать покупки в соседнем городе [8].

Остановимся подробнее на опыте тюрьмы для женщин Фехта (Нижняя Саксония, Германия), на территории которой располагается дом матери и ребенка. Подобные учреждения можно найти в землях Бавария, Баден-Вюртемберг, Берлин, Гессен, Северный Рейн-Вестфалия и Саксония, всего в Германии семь таких учреждений. В первую очередь в данное учреждение принимаются пары (мать и ребенок) из Нижней Саксонии, по согласованию с соответствующими министерствами федеральных земель – из других земель.

Цель деятельности учреждения – избежать разделения матерей и детей в период отбывания наказания и не допустить нарушений в развитии ребенка. Особое внимание обращено на содействие укреплению взаимоотношений матери и ребенка, повышение компетентности осужденной по воспитанию детей с учетом их возраста и уровня развития.

Дом матери и ребенка служит для приема детей дошкольного возраста и их матерей, осужденных к лишению свободы (в исключительных случаях – находящихся под стражей), и состоит из двух частей:

- закрытое отделение (5 мест), в котором совместно содержатся осужденные с детьми, возраст которых не должен превышать трех лет;

- открытое отделение (до 13 мест, из которых два – односпальные для содержания матерей с младенцами). В открытом отделении могут находиться матери с детьми дошкольного возраста (до шести лет).

Закрытая жилая зона расположена в главном здании тюрьмы и включает в себя гостиную, спальню, кухню, столовую, три санитарно-гигиенических помещения (в частности для сушки белья), кладовую, игровую комнату, террасу на крыше с площадкой. Открытое отделение встроено в жилой дом, имеет участок площадью 5 га без высокой ограды, на котором находятся три строения.

Отделение включает: 11 двухместных комнат (по 19,5 кв. м), две отдельные комнаты (по 9,75 кв. м), большую кухню, две гостиные, две игровые комнаты, два складских помещения, детскую комнату, санитарную зону для женщин, подсобное помещение, большой и малый конференц-зал, ремесленную мастерскую, детскую площадку и террасу. Отделения находятся в центре, поэтому магазины и медицинские центры доступны.

Женщинам разрешается иметь при себе детские коляски, достаточное количество детской одежды, постельное белье и полотенце для рук, небольшие коврики, занавески, скатерти, игрушки.

В доме матери и ребенка предусмотрен следующий распорядок дня: подъем, завтрак с детьми, работа осужденных и нахождение детей в яслях, обед детей, тихий час, свободное время, ужин, укладывание детей в кровать (ночной сон).

В период нахождения осужденной на работе дети направляются в детские игровые группы под контроль опытных воспитателей, которые организуют для них ролевые, подвижные, пальчиковые игры, уроки пения. Через подобные занятия ребенком приобретаются социальные, языковые и сенсомоторные компетенции. Некоторые игры и занятия подбираются с учетом интересов и потребностей ребенка. Следует отметить, что каждую пару (мать–ребенок) курирует воспитатель на протяжении всего срока отбывания наказания. Уход осуществляется круглосуточно. Воспитатели также оказывают осужденным матерям помощь в организации игр и упражнений для детей, проводят лекции и семинары на педагогические темы, в том числе по вопросам ведения домашнего хозяйства, семейного бюджета. Регулярно проводятся беседы между матерью, воспитателем и психологом по вопросам взаимоотношений с ребенком. Детям предоставлено право посещения различных кружков (музыкальная школа, бассейн, спортивные секции) за пределами учреждения. Дети старшего возраста по согласованию с управлением по делам молодежи могут посещать государственные детские сады. Помещение ребенка в местный или государственный детский сад связано с профессиональной деятельностью матери или возрастом ребенка. Матери принимают участие в курсах «Сильные родители – сильные дети», в рамках которых обучаются оказанию первой помощи детям, приготовлению им пищи. Каждая мать должна пройти вместе с ребенком внешние курсы

(по выбору) и научиться организовывать совместный досуг с ребенком, оказывать необходимую ему помощь. Курсы проводятся по следующим направлениям: детский массаж, купание детей, гимнастика для детей, музыкальная школа, уроки плавания, групповые игры с мячом, изготовление поделок для малышей и др. Кроме того, женщины могут принять участие в платных курсах. В ряде случаев им оказывается дополнительная психологическая или терапевтическая помощь.

Персонал учреждения предполагает наличие как гражданских (воспитатель, детская няня, дипломированные социальный работник и психолог, врач, детская медсестра, педагогический работник, административный персонал, экономка (хозяйка)), так и пенитенциарных служащих, имеющих педагогическое или медицинское образование. Кроме этого, могут привлекаться внешние специалисты [10].

Опыт посещения детьми осужденных государственных детских садов существует в исправительных учреждениях индийского штата Карнатака, в которых обустроены ясли и детские сады, предназначенные для пребывания в них детей заключенных вместе со своими родителями, а также детей сотрудников исправительных учреждений и живущих поблизости детей. Эта схема позволяет не затрачивать средства на организацию отдельных заведений и позволяет смягчить остроту проблемы социальной изоляции детей, живущих в исправительном учреждении. Таким образом, они могут общаться с другими детьми. На наш взгляд, целесообразно устраивать детей осужденных в государственные детские сады на время, пока мать находится на работе. Для таких категорий детей в каждом регионе должны быть предусмотрены квоты. Посещение детского сада позволит ребенку общаться с внешним миром, сверстниками, получать необходимую медицинскую, педагогическую помощь, всесторонне развиваться. Данное положение должно найти отражение в законе.

Таким образом, в зарубежных пенитенциарных учреждениях предусмотрено совместное проживание матери и ребенка путем создания домов матери и ребенка, материнских блоков, небольших отделений, групп матери и ребенка, отдельных комнат. В настоящее время в России из 63 колоний, предназначенных для отбывания наказания женщинами, только в 13 функционируют дома ребенка. Лишь в восьми предусмотре-

но совместное пребывание [5]. В колониях-поселениях они вообще отсутствуют. Желательно, чтобы дом ребенка функционировал при каждом исправительном учреждении. Конечно, это сопряжено с рядом трудностей организационного и финансового плана. Дома ребенка должны размещаться изолированно от жилой зоны учреждения. Занимаемые ими земельные участки огораживаются, оборудуются изолированными друг от друга площадками (по количеству групп) для проведения прогулок и сна детей на свежем воздухе в течение всего года. Для прохождения карантина организуется специальное помещение, количество коек в котором составляет не менее 10 % от штатного числа мест в доме ребенка. Карантинное помещение должно иметь приемную с 2–3 полубоксами, комнаты для содержания детей вместе с матерями, ванную, туалет, веранду и отдельную площадку для прогулок детей. Изолятор должен размещаться в отдельном от групп помещении и иметь отдельный вход.

Однако психологи и педиатры полагают, что совместное проживание матери и ребенка способствует оптимизации естественного вскармливания (обеспечение младенца всеми необходимыми питательными веществами), гармоничному росту, физическому, нервно-психическому развитию ребенка, снижению общей заболеваемости, смертности, а также развитию чувства материнства у осужденной [2, с. 8].

Обратимся к примеру. Совместное проживание осужденных женщин со своими детьми реализуется в доме ребенка УФСИН России по Республике Мордовия. В настоящее время в этом учреждении 80 % детей раннего возраста находятся на естественном вскармливании, что позитивно сказывается на здоровье новорожденных, регистрируется снижение показателей заболеваемости детей острыми респираторными заболеваниями, с 2002 г. не зафиксированы отказы осужденных женщин от своих детей, наблюдается снижение в 2,8 раза количества случаев дисциплинарных нарушений [3, с. 21–22].

В этой связи предлагается:

1. По возможности назначать женщинам наказания, не связанные с лишением свободы. Разрабатывать и популяризировать альтернативные отбыванию наказания меры воздействия. Суд при вынесении приговора должен также учитывать интересы ребенка. Данные положения закреплены в Рекомендации 1469 (2000) Парламентской

ассамблеи Совета Европы «Матери и дети младшего возраста в пенитенциарных учреждениях», принятой 30.06.2000. Кроме того, лишение свободы к данной категории осужденных следует применять в качестве крайней меры за наиболее тяжкие преступления, а также в случае, если они представляют опасность для окружающих (правило 5). Некоторые ученые указывают на необходимость расширения практики назначения кратких сроков наказания [4, с. 25].

2. Предусмотреть специальную главу в УИК РФ, регламентирующую исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин. В отдельном разделе главы закрепить особое положение женщин и их детей в местах лишения свободы. Затрагивая права ребенка, законодатель должен акцентировать внимание на преимуществах кормления грудью, соответствующем медицинском уходе. Целесообразно определить порядок оказания помощи и поддержки беременным и осужденным, имеющим детей, в момент и после освобождения.

3. Обеспечить совместное содержание осужденных женщин с детьми по возможности в каждом исправительном учреждении. В этой связи рекомендуется увеличить количество домов ребенка. Целесообразно использовать зарубежный опыт, в частности немецкий, касающийся организации в колонии дома матери и ребенка. В перспективе данные учреждения можно создавать на базе колоний-поселений. Предусмотреть закрытое и открытое отделение, условия пребывания в которых должны быть приближены к домашним. В зависимости от этого оборудовать помещения отделений всем необходимым для матери и ребенка, в частности предусмотреть места для игр и физических занятий на свежем воздухе. Вместе с тем дети должны иметь право выхода за пределы учреждения под контролем опытных воспитательниц, по возможности вместе с мамой. Для оказания помощи матери по вопросам ухода и воспитания детей увеличить количество специалистов социально-педагогического профиля: воспитатель, няня, социальный педагог, психолог, специалист по социальной работе. Возможно привлечение для работы сотрудников из числа вольнонаемных. Следует разрабатывать и применять учебные программы по основам материнства. Для этого привлекать опытных специалистов из центров помощи семье и детям, медицинских центров.

Если в регионе отсутствуют ресурсы для создания дома ребенка (дома матери и ребенка), целесообразно оборудовать в исправительных учреждениях отделения совместного пребывания матери и ребенка (группы) по 3–5 чел. в одной комнате.

4. Необходимо увеличить возраст нахождения ребенка с матерью в исправительном учреждении до шести лет (включительно), как в Германии. В ч. 3 ст. 100 УИК РФ указано, если ребенку, содержащемуся в доме ребенка исправительного учреждения, исполнилось три года, а матери до окончания срока отбывания наказания осталось не более года, администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до дня окончания срока отбывания наказания матерью, то есть до четырех лет. В соответствии со ст. 46 ИТК РСФСР 1933 г. дети проживали совместно с матерью до достижения 4 лет. В ИТК РСФСР 1970 г. данное положение также было закреплено. Отметим, что международные нормативные правовые акты в сфере исполнения наказания не предусматривают верхнего предела возраста, по достижении которого ребенок будет вынужден оставить родителя в тюрьме, в частности

об этом указано в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, Европейских пенитенциарных правилах и Бангкокских правилах.

Кроме этого, целесообразно детей старшего возраста помещать в государственный детский сад, что будет способствовать успешной социализации и адаптации ребенка в обществе, позволит уменьшить нагрузку на сотрудников дома матери и ребенка.

5. Необходимо законодательно регламентировать механизм совместного содержания матери и ребенка в исправительном учреждении, в котором должны быть отражены: формы совместного пребывания, целевая аудитория, критерии приема и исключения, специальные помещения, необходимое оборудование, психолого-педагогические и жилищно-бытовые условия, виды услуг, особенности посещения детьми образовательных, воспитательных организаций, находящихся вне исправительного учреждения, перечень институтов гражданского общества, с которыми осуществляется сотрудничество (права, обязанности, ответственность), медицинское обслуживание, образовательные и воспитательные программы для матерей и детей; персонал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альперн Л. Тюрьма с человеческим лицом. О посещении женских пенитенциарных учреждений в Польше. URL: <http://l.index.org.ru/journal/18/18-alpern-2.html> (дата обращения: 15.05.2017).
2. Бурт А. А., Давыдова Н. В. Оценка эффективности совместного содержания матери и ребенка в домах ребенка, организованных при исправительных учреждениях ФСИН России // Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы: сб. межрегион. науч.-практ. конф. (Вологда, 22–23 июня 2016 г.). Вологда, 2016. С. 8–12.
3. Ветрова И. В., Воробей С. В., Спасенников Б. А. Проблемы медицинской охраны материнства и детства в уголовно-исполнительной системе России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3 (27). С. 21–22.
4. Ветрова И. В., Спасенников Б. А. Проблемы исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26). С. 22–25.
5. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 19.06.2017).
6. Подзигун А. В. Правовое регулирование отбывания наказания осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации // Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы : сб. межрегион. науч.-практ. конф. (Вологда, 22–23 июня 2016 г.). Вологда, 2016. С. 46–50.
7. Стеничкин Г. Социально-правовое значение отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2003. № 4. С. 50.
8. Тюрьма и жизнь за решеткой. Тюрьма в Канаде. URL: <http://www.tyurma.com/tyurma-za-rubezhom/tyurma-v-kanade> (дата обращения: 26.06.2017).
9. Шмид М., Огрохина Е. А. Об особенностях исполнения наказания в виде лишения свободы и принудительных мер уголовно-правового характера в отношении женщин в Швейцарии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 87–91.
10. Justizvollzugsanstalt für Frauen in Vechta. Mutter-Kind-Haus der JVA für Frauen in Vechta. URL: http://www.jva-fuer-frauen.niedersachsen.de/wir_ueber_uns/mutterkindhaus/das-mutter-kind-haus-der-jva-fuer-frauen-in-vechta-89798.html (дата обращения: 19.06.2017).

REFERENCES

1. Al'pern L. Tjur'ma s chelovecheskim licom. O poseshhenii zhenskih penitenciarnyh uchrezhdenij v Pol'she [A prison with a human face. About visiting women's penal institutions in Poland]. Available at: <http://l.index.org.ru/journal/18/18-alpern-2.html> (accessed 15.05.2017). (In Russ.).
2. Burt A. A., Davydova N. V. Ocenka jeffektivnosti sovmestnogo soderzhanija materi i rebenka v domah rebenka, organizovannyh pri ispravitel'nyh uchrezhdenijah FSIN Rossii [Evaluation of the effectiveness of cohabitation of the mother and the child in children's homes organized by correctional institutions of the Federal Penal Service of Russia]. Problemy

- ispolnenija nakazaniya i resocializacii zhenshhin, osuzhdennyh k lisheniju svobody: sb. mezhregion. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 22–23 iyunja 2016 g.) – Problems of execution of punishment and resocialization of women sentenced to imprisonment: collected interregional science-practice conf. (Vologda, 22–23 June 2016). Vologda, 2016. Pp. 8–12. (In Russ.).
3. Vetrova I. V., Vorobej S. V., Spasennikov B. A. Problemy medicinskoj ohrany materinstva i detstva v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme Rossii [The problems of health protection of motherhood and childhood in the Penal system of Russia]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2014. Iss. 3 (27). Pp. 21–22. (In Russ.).
4. Vetrova I. V., Spasennikov B. A. Problemy ispolnenija nakazaniya v otnoshenii zhenshhin, osuzhdennyh k lisheniju svobody [Problems of execution of punishment of women sentenced to imprisonment]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2014. Iss. 2 (26). Pp. 22–25. (In Russ.).
5. Kratkaja karakteristika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Brief description of the penal system]. Available at: <http://fsin.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed 19.06.2017). (In Russ.).
6. Podzignun A. V. Pravovoe regulirovanie otbyvaniya nakazaniya osuzhdennymi beremennymi zhenshhinami i zhenshhinami, imejushimi maloletnih detej, v ispravitel'nyh uchrezhdenijah na territorii Rossijskoj Federacii [Legal regulation of the serving sentences of convicted pregnant women and women with young children in correctional institutions on the territory of the Russian Federation]. Problemy ispolnenija nakazaniya i resocializacii zhenshhin, osuzhdennyh k lisheniju svobody: sb. mezhregion. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 22–23 iyunja 2016 g.) – Problems of execution of punishment and resocialization of women sentenced to imprisonment: collected interregional science-practice conf. (Vologda, 22–23 June 2016). Vologda, 2016. Pp. 46–50. (In Russ.).
7. Stenichkin G. Social'no-pravovoe znachenie otsrochki otbyvaniya nakazaniya beremennymi zhenshhinami i zhenshhinami, imejushimi maloletnih detej [Social and legal significance of postponement of punishment for pregnant women and women with young children]. Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy – Statements of the penal system. 2003. Iss. 4. P. 50. (In Russ.).
8. Tjur'ma i zhizn' za reshetkoj. Tjur'ma v Kanade [Prison and life behind bars. Prison in Canada]. Available at: <http://www.tyurma.com/tyurma-za-rubezhom/tyurma-v-kanade> (accessed 26.06.2017). (In Russ.).
9. Schmid M., Ogrohin E. A. Ob osobennostjah ispolnenija nakazaniya v vide lishenija svobody i prinuditel'nyh mer ugovolno-pravovogo haraktera v otnoshenii zhenshhin v Shvejcarii [About features of execution of punishment in the form of imprisonment and coercive measures of criminal and legal character concerning women in Switzerland]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2015. Iss. 1 (29). P. 87–91. (In Russ.).
10. Justizvollzugsanstalt für Frauen in Vechta. Mutter-Kind-Haus der JVA für Frauen in Vechta [Penitentiary for women in Vechta. Mother-child house of the JVA for women in Vechta]. Available at: http://www.jva-fuer-frauen.niedersachsen.de/wir_ueber_uns/mutterkindhaus/das-mutter-kind-haus-der-jva-fuer-frauen-in-vechta-89798.html (accessed 19.06.2017). (In Germ.).

УДК 343.3

Противоправное влияние на результаты соревнований и конкурсов как посягательство на свободу конкуренции: ошибки криминализации и законодательной техники

С. В. ДРУЖИНИН – директор филиала Учебно-методического центра Федеральной антимонопольной службы

Р е ф е р а т

Российское уголовное законодательство содержит ряд специфических норм о преступлениях в сфере экономической деятельности. Особенность этих посягательств заключается в том, что они представляют собой различные варианты нарушения свободы конкуренции хозяйствующих субъектов. Одним из таких преступлений предусмотрено ст. 184 УК РФ оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса.

Юридический анализ содержания указанной нормы позволяет утверждать, что предусмотренный ею вид посягательства не может нарушить те экономические отношения, которые официально заявлены в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Организация, проведение и участие в официальном спортивном соревновании или зрелищном коммерческом конкурсе являются деятельностью, регулируемой в первую очередь нормами трудового законодательства. Она принципиально отличается от предпринимательской деятельности, которая исключает возможность получения хозяйствующим субъектом денежного вознаграждения вне зависимости от достигнутых результатов. Кроме того, диспозиция ст. 184 УК РФ содержит значительное количество нарушений правил законодательной техники,

вследствие чего привлечение лица к уголовной ответственности за совершение соответствующих действий становится невозможным.

По названным причинам целесообразно исключить ст. 184 из кодекса. Это позволит уточнить перечень видов преступлений, действительно нарушающих отношения в области охраны свободы конкуренции, и выработать комплекс мер, направленных на их эффективное предупреждение. Отсутствие указанной нормы не создаст пробела в уголовном законодательстве. Оказание противоправного влияния на результаты различных соревнований и конкурсов при определенных условиях может признаваться коммерческим подкупом или посредничеством в его совершении. Ответственность за данные преступления успешно реализуется в соответствии со ст. 204 и 204.1 УК РФ.

Ключевые слова: экономическое преступление; свобода конкуренции; объект преступления; хозяйствующий субъект; официальное спортивное соревнование; зрелищный коммерческий конкурс; коррупционное преступление.

The illegal influence on the results of contests and tenders as an offence against freedom of competition: errors of criminalization and legislative technology

S. V. DRUZHININ – Director of the Branch of the Educational and Methodological Center of the Federal Antimonopoly Service

Abstract

Russian criminal legislation provides for a number of specific rules on crimes in the sphere of economic activity. The peculiarity of these encroachments lies in the fact that they represent various variants of violation of the freedom of competition of economic entities. One of such crimes is the provision of unlawful influence on the result of an official sports competition or a spectacular commercial tender provided for in Art. 184 of the Criminal Code of Russia.

The legal analysis of the content of this law rule allows us to state that the type of encroachment it provides can not violate those economic relations that are officially declared as an object of criminal legal protection. Organization, holding and participating in an official sports competition or entertainment commercial tender is an activity regulated primarily by labor law standards. It is fundamentally different from the entrepreneurial activity, which excludes the possibility of receiving monetary compensation by an economic entity, regardless of the results achieved. In addition the disposition of Article 184 of the Russian Criminal Code contains a significant number of violations of the rules of legislative technology, as a result of which it is impossible to bring a person to criminal responsibility for the commission of appropriate actions.

For these reasons it is wise to exclude Article 184 from the Criminal Code. This will make it possible to clarify the list of crimes types that truly violate relations in the field of protecting freedom of competition and to develop a set of measures aimed at their effective prevention. The exclusion of this rule will not create a gap in the criminal legislation. The unlawful influence on the results of various contests and tenders under certain conditions can be recognized as commercial bribery or mediation in its commission. Responsibility for these crimes is successfully implemented in accordance with Articles 204 and 204.1 of the Criminal Code of Russia.

Key words: economic crime; freedom of competition; object of crime; economic entity; official sports competition; entertaining commercial tender; corruption crime.

Анализируя состояние отечественного законодательства, можно заключить, что на сегодняшний день полностью сформирована система российского права: выделены базовые отрасли, определены границы основных правовых институтов, а также выработана судебная практика по ключевым вопросам правоприменительной деятель-

ности. В то же время говорить об идеальном механизме правового регулирования по-прежнему не приходится. Увеличение темпов рассмотрения и принятия нормативных актов как комплексного, так и отраслевого значения приводит к возникновению проблем правовой несогласованности дефиниций и институтов, применяемых не только в

различных отраслях права, но даже в рамках одной отрасли. Нарушение принципов системности и унификации правового материала, использование омонимов в различных нормативных актах, технико-юридические ошибки законодательных конструкций и иные недоработки, имеющие место в нормотворческом процессе, – все эти явления крайне негативно влияют на качество исполнения правовых предписаний. Это в свою очередь таит в себе опасность нарушения прав, свобод граждан, а также интересов общества и государства.

Данные обстоятельства подтверждают важность соблюдения выработанного юридической доктриной методологического алгоритма применения средств и приемов законодательной техники, а также правил построения нормативных предписаний. Подчеркнем, что законодательная техника как особая отрасль юридического знания не может не реагировать на новые вызовы в виде проблем, возникающих в процессе нормотворчества. Думается, именно этим и объясняется повышенный интерес представителей не только общеправовой доктрины, но и многих отраслевых юридических наук к решению вопросов качественного построения нормы права, изучению методологических особенностей унифицированного изложения правовых предписаний, дифференциации юридической ответственности и др. Положительные результаты подобных исследований обеспечат в результате внедрения в нормотворческий процесс высокую эффективность правового регулирования и охраны соответствующих общественных отношений, равно как и лаконичность, ясность и доступность понимания требований закона [5, с. 181–183].

Все перечисленные проблемы, с которым в настоящее время сталкивается правоприменитель, характерны и для отрасли российского уголовного права, в частности это касается содержания гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Все положения, закрепленные нормами данной главы, носят ярко выраженный бланкетный характер. Многоаспектность охраняемых общественных отношений приводит к необходимости решения в процессе уголовного законотворчества крайне сложной задачи. Она заключается в определении пределов группового объекта уголовно-правовой охраны и совокупности юридически значимых (криминообразующих) признаков конкретных видов составов преступлений, совершение которых причиняет вред вы-

деленному виду общественных отношений, включенных в сферу экономической деятельности.

Одной из составляющих групп общественных отношений сферы экономической деятельности являются отношения, сложившиеся в современном российском обществе по поводу охраны свободы конкуренции и недопущения монополистической деятельности в экономике. Сомневаться в их важности не приходится. К настоящему времени уже принято четыре антимонопольных пакета, которые представляют собой нормативные акты комплексного значения, определяющие особенности регулирования и охраны свободы конкуренции в России, защиты интересов резидентов на внутренних и международных рынках товаров, работ и услуг, а также специфику деятельности представителей естественных монополий и лиц, занимающих доминирующее положение на рынке. Но даже их оказалось недостаточно для эффективной охраны свободы конкуренции. Поэтому в декабре 2017 г. Президентом России был утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 гг. [8], реализация которого должна обеспечить международную конкурентоспособность результатов предпринимательской и иной экономической деятельности, осуществляемой российскими хозяйствующими субъектами. В связи с этим уже в 2018 г. можно ожидать принятия очередного антимонопольного пакета, направленного не только на регламентацию, но и на охрану отношений свободы конкуренции, в том числе и уголовно-правовыми средствами.

Столь активное нормотворчество в обозначенной сфере объясняется тем, что не урегулированная законом противоправная монополистическая деятельность хозяйствующих субъектов официально признана одной из угроз национальной безопасности. Отсутствие у отечественного производителя возможности конкурировать с представителями иностранного бизнеса, а также монополизация российской экономики приводят к снижению уровня благосостояния российских граждан и срыву реализуемых в настоящее время программ внешнеполитического и внутригосударственных значения [6].

Уголовно-правовая наука до настоящего времени не предложила разделяемое подавляющим большинством исследователей решение о том, какие именно общественно опасные деяния, совершаемые в сфере экономической деятельности, нарушают охра-

няемые отношения свободы конкуренции и противодействия экономическому монополизму или способны причинить им вред [2, с. 76–77]. Многие ученые предлагают относить к группе указанных преступлений деяние, предусмотренное ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» [10, с. 20–23]. Однако подробный сопоставительный анализ положений уголовного закона и нормативных актов, регулирующих общественные отношения в сфере организации, проведения различных соревнований и конкурсов и участия в них, позволяет усомниться в правильности указания законодателем на вид объекта, охрана которого обеспечивается названной уголовно-правовой нормой.

Ответственность за данное преступление официально установлена в 1997 г., то есть с момента принятия российского уголовного закона. В преддверии проведения Олимпийских игр 2014 г. и Чемпионата мира по футболу 2018 г. положения рассматриваемой статьи подверглись некоторой корректировке, в результате чего ее сфера уголовно-правовой охраны стала распространяться на отношения по проведению, во-первых, официальных спортивных соревнований, а во-вторых, зрелищных коммерческих конкурсов. Тем не менее с 1997 г. и по настоящее время следственно-судебная практика не знает ни одного случая привлечения лица к уголовной ответственности за совершение данного преступления. Ввиду неприменения ст. 184 УК РФ некоторыми учеными ставился вопрос о декриминализации предусмотренных ею общественно опасных деяний, поскольку практическая неостребованность нормы свидетельствует о ее правовой мертворожденности [3, с. 315–316].

Несмотря на неприменение указанной выше статьи, трудно согласиться, что данный факт может рассматриваться в качестве основания для криминализации. Вряд ли кто-то будет утверждать, что в России отсутствуют такие явления, как договорные спортивные матчи, подкуп членов жюри различных конкурсов и состязаний, неспортивное поведение отдельных представителей команд и клубов. Поэтому причину неприменения положений рассматриваемой нормы следует искать, прежде всего, в наличии технико-юридических недостатков ее криминаобразующих признаков.

Так, диспозиция анализируемой статьи в качестве обязательных для установления

в процессе квалификации признаков определяет следующие категории: спортсмен, руководитель спортивной команды, член жюри, зрелищный коммерческий конкурс и т. д. Все эти дефиниции ввиду бланкетности уголовно-правовой нормы должны содержаться в нормативных актах, регламентирующих особенности организации и проведения различных соревнований и конкурсов, однако такого рода закона или подзаконного нормативного акта федерального значения на сегодняшний день в отечественной системе права не существует. Поэтому можно сделать вывод о наличии в содержании ст. 184 российского уголовного закона категорий, которые не имеют официального значения, но при этом выполняют функцию криминаобразующих признаков. Это означает, что в процессе квалификации деяния, предусмотренного данной уголовно-правовой нормой, делается невозможным точное установление многих элементов состава преступления и, как следствие, оснований для привлечения лица к уголовной ответственности.

Существенные нарекания вызывает и законодательное решение о признании оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса тем преступлением, которое посягает на сферу экономической деятельности, причиняя вред отношениям охраны свободы конкуренции. Данный вывод можно сделать на основе анализа общественных отношений, сложившихся в сфере организации и проведения различных соревнований, конкурсов и иных подобных мероприятий. Так, термин «зрелищный коммерческий конкурс» закреплён только в действующем уголовном законе, который при этом не содержит его официального определения. Общие вопросы осуществления конкурсной деятельности в Российской Федерации являются предметом цивилистики. В соответствии со ст. 1057 ГК РФ публичный конкурс представляет собой выполнение работы или процесс достижения каких-либо результатов за награду, вид и размер которой определяется на этапе подготовки данного мероприятия. Исследователи проблем регламентации коммерческой конкурсной деятельности небезосновательно отмечают, что действующее законодательство не описывает унифицированные конкурсные правила, устанавливаемые в отношении участников конкурса, судей, порядка проведения, размеров призового вознаграждения и иных

существенных условий организации и проведения [1, с. 187].

Содержащееся в уголовном законодательстве указание на зрелищность и коммерческую составляющую конкурса создает необходимость в процессе квалификации устанавливать наличие именно этих характеристик – юридически значимых признаков состава преступления. Зрелище в принципе не может рассматриваться в качестве правовой категории, поскольку представляет собой визуализированное получение информации неопределенным кругом лиц [11, с. 3–4]. По этой причине любой вид деятельности в большей или меньшей степени может содержать в себе элемент зрелищности. Надо ли при этом говорить, что категория столь абстрактными границами своего содержания в принципе не должна использоваться в уголовном законе, даже как оценочный криминообразующий признак.

Коммерческая конкурсная деятельность имеет схожие правовые характеристики с предпринимательской деятельностью: основная цель осуществляемой деятельности сводится к получению прибыли по итогам проведения мероприятия и последующей медийной или иной продаже результатов конкурса. Однако, несмотря на присущие зрелищному коммерческому конкурсу некоторые признаки предпринимательской деятельности, однозначное решение о признании его разновидностью экономической деятельности как объекта уголовно-правовой охраны не представляется возможным. Следует учесть, что предпринимательская (экономическая) деятельность направлена на систематическое, а не разовое получение прибыли. Применительно к зрелищному коммерческому конкурсу это положение может касаться преимущественно его организаторов. Правовой основой участия гражданина в конкурсе является или гражданско-правовой (например, о выполнении работ либо оказании услуг), или трудовой договор. Иными словами, правовая основа деятельности многих участников, судей, а иногда и организаторов зрелищных коммерческих конкурсов находится за пределами охраняемой уголовным законом сферы экономических отношений.

В связи с этим следует согласиться с высказанным в научной литературе мнением о том, что состязание, имеющее место в рамках проведения спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, не является разновидностью предпринимательской деятельности, а складывающиеся

в процессе проведения указанных мероприятий отношения также не могут признаваться экономическими [4, с. 538–539]. Отсутствие же у всех участников зрелищных коммерческих конкурсов статуса хозяйствующего субъекта отнюдь не является препятствием для осуществления организации соответствующего зрелищного состязания и (или) участия в нем. Поэтому спортсмены, спортивные судьи, члены жюри, участники выставок домашних животных и иные представители различных шоу-состязаний не могут являться субъектами конкурентной экономической деятельности, охраняемой нормами гл. 22 УК РФ [9, с. 128].

Принципиальные различия между зрелищным коммерческим конкурсом и официальным спортивным соревнованием отсутствуют. Совершение деяния, сопряженного с оказанием противоправного влияния на результаты их проведения, влечет за собой применение тождественных мер уголовно-правового воздействия. Действующая редакция Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [7] не рассматривает профессиональный спорт в качестве разновидности предпринимательской или иной экономической деятельности. Используемый в тексте уголовно-правовой нормы термин «официальное спортивное соревнование» определяется в п. 9 ст. 2 федерального закона как спортивные мероприятия различного значения (уровня): от муниципального до международного, проведение которых было включено в Единый календарный план проведения спортивных мероприятий, утверждаемый соответствующими должностными лицами. Из данной дефиниции следует, что любое спортивное соревнование приобретает статус официального только в том случае, если оно было согласовано или утверждено представителями органов публичной власти. Данный юридический факт свидетельствует о том, что организация и проведение официальных спортивных соревнований не могут быть признаны разновидностями предпринимательской или иной экономической деятельности, поскольку в действительности представляют собой организационно-управленческую деятельность коммерческих и иных организаций.

Осуществляемая спортсменами, тренерами, менеджерами и иными работниками сферы профессионального спорта деятельность предполагает выплату заранее определенного вознаграждения за организацию

и (или) участие в соревнованиях и иных состязаниях спортивного характера. Данная норма позволяет утверждать, что законодательство о профессиональном спорте в Российской Федерации презюмирует не предпринимательские (экономические), а трудовые отношения, возникающие между работником (спортсмен, тренер, менеджер, судья) и работодателем (команда, клуб и иная спортивная организация).

Эти выводы полностью подтверждаются действующим ТК РФ, гл. 54.1 которого как раз посвящена регулированию специфических отношений в сфере профессионального спорта между работником (спортсменом, тренером) и работодателем. Здесь же можно обнаружить и существенные условия трудового договора, которые априори невозможны в отношениях, складывающихся по поводу осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. Таковыми могут быть, например, гарантированная заработная плата, обязательное для работодателя страхование жизни и здоровья спортсмена, предоставление времени отдыха (отпуска), а равно иные социальные гарантии и выплаты, осуществляемые работодателем в пользу работника вне зависимости от результатов его профессиональной деятельности и спортивных достижений.

Положения законодательства о физической культуре и спорте в России позволяют прийти к выводу, что отношения, в действительности охраняемые ст. 184 российского уголовного закона, не находятся в плоскости свободы конкуренции хозяйствующих субъектов и не включены в охраняемую гл. 22 УК РФ сферу экономической деятельности. Деяние, предусмотренное анализируемой уголовно-правовой нормой, способно причинить вред иному родовому объекту уголовно-правовой охраны. Таким объектом выступают общественные отношения, сложившиеся по поводу охраны интересов службы в коммерческих и иных организациях и регулируемые нормами гл. 23 УК РФ.

Казалось бы, в результате определения действительного объекта уголовно-правовой охраны необходимо принять законодательное решение об исключении ст. 184 из УК РФ с одновременным включением в структуру его гл. 23 нормы, устанавливающей ответственность за оказание определенными способами противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного ком-

мерческого конкурса. Важность данного решения обусловлена не только требованиями систематизации уголовного законодательства и обеспечения формального качества нормативного материала, но и появлением возможности уголовно-правового реагирования на подкуп организаторов и участников различных соревнований и конкурсов как разновидность коррупционной деятельности, в том числе путем пересмотра видов и сроков (размеров) наказаний, назначаемых за данное преступление. Однако гл. 23 российского уголовного закона уже содержит ряд общих норм (ст. 204, 204.1 и 204.2), положения которых вполне могут распространяться на лиц, оказывающих противоправное влияние на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Прежде всего, речь идет о коммерческом подкупе и посредничестве, имевшем место при его совершении. В связи с этим исключение ст. 184 из действующего уголовного закона не создаст пробела в плане обеспечения охраны отношений в сфере организации и проведения соревнований, конкурсов и иных мероприятий состязательного характера.

Подводя итог проведенному исследованию, следует обратить внимание на следующие обстоятельства: во-первых, диспозиция ст. 184 УК РФ включает значительное количество терминов, таких как зрелищный коммерческий конкурс, руководитель спортивной команды, участник конкурса и т. д., содержание которых не регламентировано ни одним нормативным актом системы российского права. В то же время все перечисленные категории являются криминообразующими признаками, а потому их установление в процессе квалификации становится крайне затруднительным. В результате наличия данной ошибки в применении средств и приемов законодательной техники установление основания для привлечения лица к ответственности по ст. 184 УК РФ возможно только теоретически.

Во-вторых, деятельность организаторов, участников, судей и иных лиц, обеспечивающих проведение официальных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов, в соответствии с действующим российским законодательством не является разновидностью предпринимательской и иной экономической деятельности. Отношения, в которые вступают перечисленные лица, регламентируются прежде всего отраслью трудового права. По этой причине ст. 184 УК РФ не может обеспечивать ох-

рану общественных отношений в области свободы конкуренции хозяйствующих субъектов.

В-третьих, исключение из действующего уголовного закона ст. 184 не повлечет за собой возникновение пробела в уголовном законодательстве, поскольку данное деяние в действительности является или коммерческим подкупом (ст. 204 УК РФ), или посредничеством в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ). Кроме этого, квалификация оказания неправомерного влияния на результаты различных официальных спортивных соревнований и конкурсов фактически обеспечит возможность применения к виновным мер, назначаемых за совершение коррупционных, а не экономических преступлений. Данное обстоятельство в большей степени обеспечит эффективность предупреждения коррупционных проявлений в

сфере профессионального спорта, коммерческих конкурсов и иных мероприятий состязательного характера.

Наконец, в-четвертых, уточнение видов экономических преступлений, действительно посягающих на свободу конкуренции, позволит выработать унифицированный методологический подход к использованию средств и приемов законодательной техники при конструировании составов соответствующих уголовно наказуемых деяний. Это также создаст условия для определения базовых мер уголовной ответственности, применяемых за совершение такого рода преступлений. Использование полученных результатов в законотворческом процессе повысит эффективность предупреждения преступности в сфере охраны свободы конкуренции, которое обеспечивается уголовно-правовыми средствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анцыгин А. В. Противодействие преступлениям в сфере спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов: межотраслевые и внутриотраслевые рассогласования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2. С. 186–190.
2. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. 765 с.
3. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2008. 400 с.
4. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. 572 с.
5. Лапшин В. Ф. Правила законодательной техники и вопросы их применения (на примере отдельных норм гл. 22 УК) // Российский юридический журнал. 2010. № 3. С. 181–185.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1. Ст. 212.
7. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : федер. закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 50. Ст. 6242.
8. Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции : указ Президента Российской Федерации от 21.12.2017 № 618 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 52. Ст. 8111.
9. Серебруев И. В. Преступления, посягающие на добросовестность конкурентных отношений: генезис, система, уголовно-правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 262 с.
10. Талан М. В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. 43 с.
11. Шубина И. Б. Зрелище в культуре : дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Д, 2005. 146 с.

REFERENCES

1. Ancygin A. V. Protivodejstvie prestuplenijam v sfere sportivnyh sorevnovanij i zrelisshnyh kommercheskih konkursov: mezhotraslevye i vnutriotraslevye rassoglasovanja [Combating crimes in the sphere of sports competitions and entertainment commercial competitions: inter-industry and intra-industry mismatch]. Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2014. Iss. 2. Pp. 186–190. (In Russ.).
2. Volzhenkin B. V. Prestuplenija v sfere jekonomichesknoj dejatel'nosti po ugovolnomu pravu Rossii [Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia]. St. Petersburg, 2007. 765 p. (In Russ.).
3. Zhalinskij A. Je. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz [Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis]. Moscow, 2008. 400 p. (In Russ.).
4. Klepickij I. A. Sistema hozjajstvennyh prestuplenij [The system of economic crimes]. Moscow, 2005. 572 p. (In Russ.).
5. Lapshin V. F. Pravila zakonodatel'noj tehniky i voprosy ih primenenija (na primere otidel'nyh norm gl. 22 UK) [Rules of legislative techniques and their application (for example the separate norms of Chapter 22 of the criminal code)]. Rossijskij juridicheskij zhurnal – Russian legal journal. 2010. Iss. 3. Pp. 181–185. (In Russ.).
6. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.12.2015 № 683 [On the National Security Strategy of the Russian Federation: Presidential Decree of 31.12.2015 № 683]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. Iss. 1. Art. 212. (In Russ.).
7. O fizicheskoi kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ [On Physical Culture and Sport in the Russian Federation acts : federal law from 04.12.2007 № 329-FZ]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2007. Iss. 50. Art. 6242. (In Russ.).
8. Ob osnovnyh napravlenijah gosudarstvennoj politiki po razvitiu konkurencii : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.12.2017 № 618 [On the main directions of the state policy on the development of competition: the decree of the President of the Russian Federation of 21.12.2017 № 618]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. Iss. 52. Art. 8111. (In Russ.).

9. Serebruev I. V. Prestuplenija, posjagajushhie na dobrosovestnost' konkurentnyh otnoshenij: genezis, sistema, ugolovno-pravovaja harakteristika : dis. ... kand. jurid. nauk [Crimes that infringe on the integrity of competitive relations: Genesis, system, criminal law characteristics : author's abstract of diss. ... PhD. in law]. Yekaterinburg, 2016. 262 p. (In Russ.).

10. Talan M. V. Prestuplenija v sfere jekonomicheskoy dejatel'nosti: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovanija i sudebnoj praktiki : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk [Crimes in the sphere of economic activity: issues of theory, legal regulation and court practice : author's abstract of diss. ... Dsc. in law]. Kazan, 2002. 43 p. (In Russ.).

11. Shubina I. B. Zrelishe v kul'ture : dis. ... kand. filosof. nauk [Spectacle in culture : author's abstract of diss. ... PhD. in philosophy]. Rostov-on-Don, 2005. 146 p. (In Russ.).

УДК 343.1

Предпосылки становления процессуального порядка начала производства по уголовному делу в российском законодательстве XI–XVII вв.

В. А. КРЫМОВ – адъюнкт Академии управления МВД России

Реферат

В статье рассматриваются такие знаковые для науки отечественного уголовного процесса законодательные акты, как Русская Правда (XI–XV вв.), Псковская судная грамота (1397–1467 гг.), Новгородская судная грамота (1440–1471 гг.), Судебник князя Ивана III (1497 г.), Судебник царя Ивана IV (1550 г.) и Соборное уложение (1649 г.), на предмет непосредственного начала производства по уголовному делу. Статья условно разделена на три части: в первой приводятся отличительные признаки уголовного процесса XI–XII вв., обвинение по которому осуществлялось в частном порядке; во второй – основное внимание уделяется нормативным актам XIV–XVI вв., закрепившим публичные начала при осуществлении уголовного преследования; в третьей – исследуются нормы Соборного уложения 1649 г. – первого в истории России кодифицированного акта, в котором свое развитие получили система следственных действий и производство по отдельным категориям лиц. В каждом историческом периоде отражены черты и основные признаки действовавших законодательных норм, явившихся предпосылками становления процессуальных правил производства по уголовному делу, отдельные из которых и сегодня действуют в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: начало производства по уголовному делу; жалоба; иск; процесс; следственные действия.

Preconditions for establishment the procedural order for initiation of proceedings in a criminal case in the Russian legislation of the 11th-17th centuries

V. A. KRYMOV – Post graduate of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Abstract

The article considers legislative acts that are significant for the science of the domestic criminal process. Among them: Russian Truth (XI-XV cc.), Pskov Court Charter (1397–1467), Novgorod Court Charter (1440-1471), Law Book of Duke Ivan III (1497), Law Book of Tsar Ivan IV (1550) and Russian Law Code (1649). The provisions of these monuments of the history of Russian law concerning the direct initiation of the proceedings in the criminal case are analyzed, and their assessment is given. The article is conditionally divided into three parts. In the first part the distinguishing features of the criminal process of the 11th-12th centuries are given, the charge of which was carried out privately. The second part

focuses on the normative acts of the fourteenth and sixteenth centuries, which fixed in their provisions public principles in the implementation of criminal prosecution. The third part is devoted to the study of the norms of the Russian Law Code of 1649 – the first codified act in the history of Russia, in which the system of investigative actions and production for certain categories of persons received their development. In each historical period the features and main traits of the current legislative norms, which were the prerequisites for the establishment of procedural rules for criminal proceedings are reflected, some of which are still in effect in Russian criminal proceedings.

Key words: initiation of proceedings in a criminal case; a complaint; claim; process; investigative actions.

Первым нормативным актом, содержащим предпосылки образования уголовного процесса в России, на наш взгляд, стала Русская Правда в трех известных на сегодняшний день редакциях – Краткой (XI в.), Пространной (XII–XIII вв.) и Сокращенной (XV в.). Наибольший интерес вызывает Пространная, поскольку она объединила в себе предыдущие нормы с новыми, потребность в которых возникла в ходе правоприменения на протяжении двух столетий.

Согласно Пространной редакции Русской Правды уголовное преследование виновного осуществлялось в порядке частного обвинения, поскольку собирали доказательства (поддерживали частное обвинение) сами потерпевшие, после чего вершили суд. Данное обстоятельство подтверждается содержанием п. 18: «Аще будет на кого поклепная вира, то же будет послуховъ 7, то ти вывести виру, паки ли варягъ или кто инъ, то два» («Если кого-либо будут обвинять в убийстве по подозрению, то пусть выставят семь свидетелей, которые снимут это обвинение в убийстве; если обвиняемый будет варяг или какой-либо другой иноземец, то выставить двух свидетелей»), п. 21: «Искавшие ли послуха и не налѣзуть истѣця начнеть головою клепати, то ти имъ правду желѣзо» («Если ответчик станет искать свидетелей и не найдет их, а истец будет обвинять его в убийстве, то пусть дело решится испытанием железом») [10] и др.

Несмотря на отсутствие подобных норм в Краткой редакции Русской Правды, ее содержание прямо указывает на их частный характер, предусматривающий наказание за причинение смерти, вреда здоровью, имущественного вреда частным лицам, а не государству или его институтам. В этой связи справедлива позиция Д. Г. Тальберга, согласно которой «в рассматриваемый период истории русского права нет еще ясно-го представления об общественном вреде и интересе, и на преступление существует частно-правовой взгляд» [9, с. 67].

Свидетельством того, что производство по делу начиналось с заявления постра-

давшего лица, служит п. 32 «О челяди» Пространной редакции Русской Правды, согласно которому «А челядинъ скрывается, а закличють и на торгу, а за 3 дни не вывести его, а познають и третии день, то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи» («Если челядин скроется и объявят о нем на торгу, а в течение трех дней его не вернут, то, если опознают его на третий день, господину забрать своего челядина, а тому укрывателю заплатить три гривны штрафа князю»). На наш взгляд, под объявлением на торгу следует считать публичное заявление о нарушенном праве частного лица. Данная норма была призвана обеспечить поддержку потерпевшему от преступления со стороны общества в изобличении виновного лица.

Однако начало производства по уголовному делу может быть связано и со сводом, о чем свидетельствует п. 13 Краткой редакции, а также п. 35 Пространной редакции Русской Правды. Содержание указанных норм сводится к тому, что, когда обнаружено краденое имущество, потерпевшему следует пойти на свод, то есть выяснить, каким образом вещь, принадлежащая ему, оказалась в руках неправомерного собственника.

В этой связи не представляется возможным согласиться с позицией О. В. Бобровского [2, с. 11–12], а также Е. В. Марковичевой и В. Ф. Васюкова [3, с. 19], согласно которой процедура свода инициировалась только по заявлению, ибо это утверждение прямо противоречит п. 13 Краткой редакции и п. 35 Пространной редакции Русской Правды.

Таким образом, свод, производство которого допускалось как при отсутствии, так и при наличии заявления, олицетворял собой совокупность сыска и очной ставки. Представляя собой по существу предварительное расследование по обнаруженному преступному факту, свод был направлен на изобличение виновного и возмещение потерпевшему причиненного ущерба, что в полной мере соответствовало той роли, которая отведена сегодня стадии возбужде-

ния уголовного дела в части реагирования должностных лиц на сообщения о совершенных преступлениях и обеспечения гражданам доступа к правосудию.

Учитывая изложенное, следует сделать вывод, что уже в XI–XII вв. начало производства по уголовному делу приобрело характер частного обвинения, о чем свидетельствуют следующие признаки:

- начало производства связывалось с процедурой «закличуть и на торгу» (объявления на торгу) о нарушенном праве, а по сути – подачи заявления о совершенном преступлении в устной форме. Однако данное заявление преподносилось, когда самостоятельно пропажу найти не удавалось. В случае же обнаружения утраченного в результате преступного деяния до «подачи заявления» производилась процедура свода, при этом необходимость в объявлении на торгу отпадала;

- состязательность процесса;
- равные права сторон процесса (истцов);
- важная роль при разбирательстве свидетелей – «видок» (очевидец) и «послух» (лицо, которое не являлось очевидцем преступления, однако обладало определенными сведениями о нем либо о личности участников процесса – истцов). Сегодня совокупность этих понятий лежит в основе понятия «свидетель»;

- возможность прекращения дела примирением (уплатой причиненного вреда потерпевшей стороне).

Начало производства по отдельным категориям дел имело отличительные черты. Например, начало производства по делу о побоях связывалось с наличием их следов, при их отсутствии – с обвинением, поддерживаемым не менее чем двумя очевидцами. На данное обстоятельство указывает и О. В. Бобровский [1, с. 13].

Тем не менее дела об убийстве начинались как при наличии трупа, так и при его отсутствии в случае явных улик по заявлению родственников, а также могли инициироваться князем, церковью, общинами и их представителями при наличии трупа, что является, на наш взгляд, предпосылкой зарождения института публичного обвинения.

Свидетельством укрепления централизации государственной власти на Руси с конца XIV в. и до конца XVI в. стал ряд законодательных актов, среди которых Псковская судная грамота (1397–1467 гг.), Новгородская судная грамота (1440–1471 гг.), Судебник князя Ивана III (1497 г.) и Судебник царя Ивана IV (1550 г.).

Характерной чертой указанных нормативных актов являлось то, что, в отличие от Русской Правды, свершение правосудия находилось в руках государства. Псковской судной грамотой предусматривался осмотр места происшествия, о наличии которого можно судить по норме, содержащейся в п. 25: «Или помы той ж истец, на ком сочат разбоя, не почнет слатся на послуха, ино шток не слался один истец, ино господе послать с суду своих людей; а которой не слался, ино его в том не повинити, что не слался. А то, господе от Пскова...» («Если ответчик, которого обвиняют в разбое, не будет ссылаться на послуха, то, чтобы не дать преимущества одной стороне, судебная власть должна послать к суду своих людей для исследования дела на месте, а что ответчик не представил своего послуха, то ему в вину не ставить, потому что это для Псковской судебной власти не имеет значения...») [5].

Помимо этого, грамота предусматривала необходимость заявления об обнаруженном преступлении не только лицом, которому причинен какой-либо ущерб, но и любым другим лицом, выявившим данное преступление (п. 35): «А у котораго Псковитина, у какова о учинится татба в Пскове, или пригороде, или в сели на волости, ино явити старостам или околным суседом, или иным сторонным людем; а в пиру, ино к пировому старосте, или пивцама вिति...» («При обнаружении кражи, совершенной у кого бы ни было в Пскове, пригороде или в селе какой-либо волости, обязательно следует об этом заявить старостам, или ближайшим соседям, или другим посторонним лицам; если кража совершена на пиру, то пировому старосте или участникам пиршества...»).

Между тем Псковская судная грамота сохраняла и частные иски, предусматривая при этом для отдельных лиц (женщина, несовершеннолетний, старец, больной, увечный, монах, монахиня) при предъявлении иска о долге по доскам право нанять на поединок наймита (п. 37), то есть законного представителя или адвоката, который будет представлять их интересы в суде. Пунктом 46 грамоты было предусмотрено требование к содержанию заявления о том, что в нем необходимо указать перечень отыскиваемого, иначе иск будет потерян. При соблюдении данного требования с поименным обозначением отыскиваемых вещей дело заканчивалось судебным разбирательством (п. 102). Данные нормы еще раз подчеркивают преемственность действующего законодательства.

Предусматривалось примирение и освобождение от штрафа участников драки до судебного разбирательства, условием которого было необращение к судебному приставу (п. 81).

Новгородская судная грамота (в три раза меньшая по объему, чем Псковская судная грамота) содержит в большей степени нормы гражданского права и процесса. Однако именно она впервые закрепила право встречного иска (заявления), которое используется в гражданском и уголовном судопроизводстве и сегодня. Так, п. 13 гласит: «Встречный иск рассматривался лишь в пределах одного и того же судебного дела...» [4].

Что касается сроков уголовного судопроизводства, то Новгородская судная грамота содержала нормы, согласно которым лицо, рассматривающее спор, при несоблюдении установленного срока подвергалось штрафу в размере пятидесяти рублей в пользу великого князя и Новгорода с последующим привлечением к рассмотрению дела представителей высшей судебной инстанции (п. 28, 29). Проводя аналогию с УПК РФ, следует отметить, что норма о разумном сроке уголовного судопроизводства (ст. 6¹) не предусматривает привлечения к ответственности лица, нарушившего процессуальный срок, однако представляется, что наличие штрафа за подобное нарушение способствовало бы соблюдению установленных сроков.

Следует отметить и то, что по данной грамоте под угрозой наказания находилось как нарушение порядка общественной жизнедеятельности, так и противоправная деятельность лиц, осуществляющих правосудие.

Пунктом 2 Судебника князя Ивана III (1497 г.) введена новая норма, касающаяся подсудности и обязательности приема жалоб, что позволяет выдвинуть тезис об актуальности проблемы своевременного начала производства по уголовному делу, иначе бы такая норма, как представляется, в судебнике бы отсутствовала: «А кто придет к боярину с жалобой, и ему жалующихся от себя не отсылать, а давать всем приходящим с жалобами управу во всем, кому надлежит. А кого из жалующихся боярину самому нельзя удовлетворить (его просьбу), и то (дело) сказать великому князю или к тому его (жалующегося) послать, которому таких людей приказано ведать» [7].

При этом Судебник царя Ивана IV (1550 г.) указанную норму дополнил п. 7, предусмо-

трив ответственность лица, осуществляющего правосудие, за неприем жалобы, а также жалобщика за обращение к царю «не по делу»: «...и тем, которые управы не учинят, быти от государя в опале. А которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, докучати государю, и того жалобника вкинути в тюрьму» [8].

Помимо этого была введена ответственность за ложный донос: «А кто виноватой солжет... и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью, биты кнутъем, да вкинути в тюрьму», а также за лжесвидетельство: «...а послухи бы, не видеви, не послушествовали, а видеви сказали б в правду. А послух опослушествоует, не видеви, лжыво, а обыщется то о после, ино на виноватом послухе гибель исцова и убытки все, а вине казнити торговою казнью» (п. 6 и 99 соответственно).

Впервые на законодательном уровне была закреплена норма (п. 98), содержащая возможность дополнения нормативного акта в связи с новыми делами, не предусмотренными настоящим судебником.

Таким образом, важными элементами, появление которых в XIV–XVI вв. способствовало формированию процессуального порядка начала производства по уголовному делу, стали:

- закрепление публичных начал с сохранением частных;
- появление наряду с состязательным розыскного процесса;
- развитие системы следственных действий;
- обязательное сообщение об обнаружении преступления;
- появление требований к содержанию жалобы (иска, заявления);
- возможность подачи встречного иска;
- угроза применения наказания за нарушение сроков рассмотрения исков;
- появление нормы о подсудности;
- введение ответственности за отказ в приеме заявления (жалобы) о преступлении, ложный донос и лжесвидетельство.

Со второй половины XVII в. до середины XVIII в. основу уголовного судопроизводства составляли нормы Соборного уложения царя Алексея Михайловича (1649 г.). Анализ данного законодательного акта позволил выделить его основные черты в части начала производства по уголовному делу.

Во-первых, уложение, сохранив во многом нормы Судебника царя Ивана IV (1550 г.), представляет собой первый кодифициро-

ванный законодательный акт в истории России, включивший в себя 25 глав, регламентирующих разные стороны жизни общества, в числе которых гл. X «О суде», гл. XII «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян», гл. XIII «О монастырском приказе», а также гл. XXI «О розбойных и о татинных делех».

Во-вторых, розыскной процесс, содержащий публичные начала, получил развитие в связи с укреплением централизованной власти, сосредоточенной в Москве.

В-третьих, когда на суде выяснялось о недобросовестном иске, к истцу применялась не торговая казнь, как в Судебнике 1550 г., а взималась плата за каждый день с момента подачи иска: «А будет кто на ком учнет чего искать поклепав напрасно, и с суда сыщется про то допряма, что он искал поклепного иску, хотя кого испродать напрасно, и на таких исцах за напрасную их продажу править ответчиком проести по гривне на день, с того числа как судное дело зачнется, да по то число, как то судное дело вершится, чтобы им и иным таким впредь неповадно было такими своими поклепными иски никого убытчить напрасно» (п. 18 гл. X).

В-четвертых, в части требований к содержанию иска в п. 102 гл. X отмечалось, что в ситуации, когда «...истец в и(ы)сковой своей челобитной иску своему цены не напишет, и того ответчика без суда не винити, а велеть исцу исковую челобитную переписать... иск свой написать с ценою». Таким образом, следует сделать вывод, что норма действующего законодательства, позволяющая мировому судье возратить обратившемуся лицу его заявление для устранения недостатков, берет свое начало в п. 102 гл. X, который в свою очередь объединил в себе нормы п. 46, 102 Псковской судной грамоты 1397 г.

В-пятых, дальнейшее развитие получила система следственных действий и участвующих в них лиц. Так, например, предусматривались обыск и очная ставка: «А будет истец или ответчик, которой по тем обыском будет обвинен... и дати им очную ставку...» (п. 162 гл. X), участие понятых, которые являлись сторонними людьми: «...А будет с тем недельщиком будут в понятых сторонния люди...» (п. 142 гл. X).

В-шестых, при подаче повторного иска, по которому суд уже состоялся и закончился

примирением или оправданием ответчика, суда истцу не давали и назначали наказание, то есть отказывали в приеме иска. При этом в пользу ответчика могли быть взысканы с истца денежные средства из расчета на каждый день волокиты (п. 154 гл. X).

В-седьмых, в п. 251 гл. X речь идет, как представляется, о вымогательстве, за которое предусматривалось несколько наказаний, в том числе публичных и жестоких в пример остальным. При этом примечательным для процессуального порядка начала производства по уголовному делу является то, что данной нормой предусмотрены сроки обращения лиц по данному преступлению и порядок первоочередных проверочных действий: «А будет кто, умысля воровски... велит ему к той крепости руку приложить, или ему велит написать в чем нибудь заемную кабалу своею рукою неволею, и тому, над кем такое дело учинится, в том на того, кто над ним такое дело учинит, являти окольным людям, и в приказах судьям, а в городех воеводам, и приказных людям подавати явки, после того, как над ним такое дело учинится, *того же дни*, и бити челом на тех людей, которых над ним такое дело учинят, *об очной ставке и о сыску вскоре, дни в три, или в четыре и большое в неделю*. Да будет кто о таком деле на кого учнет бити челом, и судьям и воеводам и всяким приказным людям по тому челобитью, сыскивая тех людей, на кого такое челобитье будет, расспрашивать и с челобитчики ставити с очей на очи, и сыскивати всякими сыски накрепко, а будет дойдет до пытки, и тех людей пытать, до кого дойдет...» (курсив – В. К.) [6].

В-восьмых, Соборное уложение 1649 г. в гл. X (самая объемная – 282 пункта) содержало общие для всех нормы, однако предусматривало судопроизводство в отношении определенных категорий граждан в отдельных главах. Нормы данных глав содержали положения о месте производства суда, например: «На патриарших приказных и на дворовых людей и на детей боярских и на крестьян и на всяких чинов людей, которые живут в патриарших в домовых вотчинах, во всяких делех суд давати безсрочно на патриарше дворе» (п. 1 гл. XII). Кроме того, согласно гл. XIII, XXI судопроизводство наряду с общими положениями осуществлялось по Монастырскому и Разбойному приказам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровский О. В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 27 с.

2. Бобровский О. В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007. 161 с.
3. Марковичева Е. В., Васюков В. Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе : моногр. М., 2016. 80 с.
4. Новгородская судная грамота. URL: <http://lawbook.online> (дата обращения: 20.12.2017).
5. Псковская судная грамота. URL: <https://ru.wikisource.org> (дата обращения: 20.12.2017).
6. Соборное уложение 1649 г. URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 24.12.2017).
7. Судебник 1497 г. URL: <http://lawbook.online/gosudarstva-prava/sudebnik-1497-goda-28605.html> (дата обращения: 22.12.2017).
8. Судебник 1550 г. URL: <http://lib.uni-dubna.ru> (дата обращения: 22.12.2017).
9. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. Киев, 1889. Т. 1. 328 с.
10. Ярославский список Правды Русской : Законодательство Ярослава Мудрого / сост. Н. А. Грязнова, Д. К. Морозов. Ярославль ; Рыбинск, 2010. 272 с.

REFERENCES

1. Bobrovskij O. V. Uголовnyj i grazhdanskij process po Russkoj Pravde : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal and civil proceedings in the Russian Truth : abstract of diss. ... PhD. in Law]. Kazan, 2007. 27 p. (In Russ.).
2. Bobrovskij O. V. Uголовnyj i grazhdanskij process po Russkoj Pravde : dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal and civil proceedings under the Russian Truth : diss. ... PhD. in Law]. Tolyatti, 2007. 161 p. (In Russ.).
3. Markovicheva E. V., Vasjukov V. F. Problemnye voprosy возбуждения уголовных дел на современном этапе: monogr. [Problematic issues of initiation of criminal proceedings at the present stage : monograph]. Moscow, 2016. 80 p. (In Russ.).
4. Novgorodskaja sudnaja gramota [The Novgorod judicial Charter]. Available at: <http://lawbook.online> (accessed 20.12.2017). (In Russ.).
5. Pskovskaja sudnaja gramota [Pskov judicial Charter]. Available at: <https://ru.wikisource.org> (accessed 20.12.2017). (In Russ.).
6. Sobornoe ulozhenie 1649 g. [The Cathedral code of 1649]. Available at: <http://www.hist.msu.ru>. (accessed 24.12.2017). (In Russ.).
7. Sudebnik 1497 g. [Trial 1497]. Available at: <http://lawbook.online/gosudarstva-prava/sudebnik-1497-goda-28605.html> (accessed 22.12.2017). (In Russ.).
8. Sudebnik 1550 g. [Trial 1550]. Available at: <http://lib.uni-dubna.ru> (accessed 22.12.2017). (In Russ.).
9. Tal'berg D. G. Russkoe уголовное судопроизводство : posobie k lekcijam. [Russian criminal proceedings : a handbook for the lectures]. Kiev, 1889. Vol. 1. 328 p. (In Russ.).
10. Jaroslavskij spisok Pravdy Russkoj: Zakonodatel'stvo Jaroslava Mudrogo / sost. N. A. Grjaznova, D. K. Morozov [Jaroslav list of the Truth of the Russian: Legislation of Yaroslav the Wise; comp. N. A. Gryaznova, D. K. Morozov]. Jaroslavl ; Rybinsk, 2010. 272 p. (In Russ.).

УДК 343.8

К вопросу о распространении экстремизма в исправительных учреждениях

С. Н. ЦИПИЛЕВ – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Вопросы экстремистской деятельности в современной России представляются крайне важными. Исторически подобного рода действия использовались преступниками в качестве незаконного средства решения социальных, экономических и политических противоречий.

Актуальность проблемы распространения экстремизма в Российской Федерации не вызывает сомнений. Экстремистская идеология подрывает основы конституционного строя, отрицая этническое и религиозное многообразие, ведет к нарушению прав человека, угрожает стабильному сосуществованию наций и социальных групп в обществе, утверждению и развитию демократических ценностей.

Правоохранительными органами Российской Федерации ведется повсеместная и целенаправленная работа по раскрытию преступлений экстремистского характера и террористической направленности, что приводит к увеличению количества лиц, осужденных за подобные преступления.

Помимо этого, зачастую в учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывают наказание осужденные, придерживающиеся экстремистской идеологии,

однако осужденные по статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, не связанными с экстремизмом и терроризмом. Попадая в исправительные учреждения, данные лица нередко пытаются распространять свои взгляды, что может дестабилизировать нормальную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, а самое главное, способно приводить в общество новых приверженцев экстремизма.

Ключевые слова: лишение свободы; осужденный; экстремизм; исправительные учреждения; религия.

On the issue of the spread of extremism in prisons

S. N. TSIPILEV – Teacher of the Department of the Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

Issues of extremist activity in modern Russia appear to be extremely important. Historically this kind of action was used by criminals as an illegal means of solving social, economic and political contradictions.

The urgency of the problem of extremism spread in the Russian Federation is beyond doubt. In particular the extremist ideology undermines the foundations of the constitutional system, denying ethnic and religious diversity, leads to the violation of human rights, threatens the stable coexistence of nations and social groups in society, the establishment and development of democratic values.

The law enforcement agencies of the Russian Federation are conducting widespread and purposeful work to solve crimes of the extremist nature and terrorist orientation, which leads to an increase in the number of persons convicted of such crimes.

In addition often convicts who adhere to extremist ideology serve their sentences in penal correction institutions, but those convicts under articles of the Criminal Code of the Russian Federation that are not related to extremism and terrorism.

When entering penal institutions these convicts often try to spread their ideology, which can destabilize the normal activity of the institutions of the penal system and, most importantly, bring new adherents of extremism into society.

Key words: imprisonment; a convict; extremism; correctional institutions; religion.

На подразделения ФСИН России ложится задача по пресечению распространения экстремизма, профилактике, предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений экстремистской направленности, совершаемых в местах лишения свободы.

В разное время данным вопросам уделялось большое внимание в работах таких ученых, как В. М. Аتماжитов, И. И. Басецкий, В. Г. Бобров, К. К. Горяинов, Д. В. Гребельский, Е. С. Дубоносов, Ю. Ф. Кваша, И. А. Климов, В. П. Кувалдин, А. Г. Лекарь, В. А. Лукашов, В. С. Овчинский, В. Н. Омелин, Д. В. Ривман, Г. К. Синилов, А. Ю. Шумилов, А. Е. Чечетин, И. И. Сафонов и др.

Несмотря на значительное число исследований в области организации деятельности в уголовно-исполнительной системе, а также в сфере противодействия экстремизму и терроризму в современном обществе, практически отсутствуют работы, посвященные

оперативно-розыскному противодействию экстремизму в местах лишения свободы.

Экстремизм, проникая во все сферы жизнедеятельности общества, в настоящее время представляет собой одну из угроз национальной безопасности государства. Заставляет задуматься то, что большинство деяний, связанных с экстремизмом и терроризмом, производятся не одним человеком, а в составе группы лиц, причем численность таких объединений составляет примерно от трех-четырех до полусотни преступников, костяк образуют молодые люди в возрасте 20–29 лет. Данные группировки прикрываются мирными задачами (достижение справедливости, борьба с коррупцией или бездействием федеральных государственных служащих) и по указанию лидеров готовы оперативно мобилизоваться и осуществить активные действия экстремистского характера.

Так, по информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации, при общем снижении количества зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации на 44,8 % возросло количество преступлений террористического характера, на 9,1 % – экстремистской направленности. Число преступлений экстремистской направленности увеличилось в 26 раз в Пермском крае (с 1 до 26), в 5 раз в Республике Алтай (с 2 до 11), более чем в 2 раза в г. Севастополе (с 10 до 28), Республике Ингушетия (с 3 до 8).

Спектр наносимого экстремистской преступной деятельностью вреда очень обширен. Проявления его варьируются от психоэмоционального воздействия, финансового ущерба обществу и государству до нанесения тяжких повреждений или даже физического устранения неугодных элементов, в том числе занимающих высокие посты. Результаты преступлений, совершаемых экстремистки настроенными личностями, обычно видны немедленно после совершения соответствующих деяний, но также могут обнаруживаться в долгосрочной перспективе.

«Повышенная общественная опасность экстремизма определена присущим ему нелегитимным, насильственным и латентным характером разрешения социальных противоречий и конфликтов, что, в свою очередь, затрагивает закрепленные Конституцией Российской Федерацией гарантии безопасности человека и гражданина, его прав и свобод и представляет реальную угрозу безопасности личности, общества и государства» [5].

Увеличение количества преступлений экстремистского характера и широко развернутая деятельность правоохранительных органов по их выявлению и раскрытию приводит к росту числа фигурантов, осуждаемых судом Российской Федерации по уголовным статьям, связанным с экстремизмом.

Согласно краткой характеристике уголовно-исполнительной системы (официальный сайт ФСИН России) по состоянию на 1 февраля 2018 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 600 262 чел., в том числе в 713 исправительных колониях отбывало наказание 493 168 чел., в 126 колониях-поселениях отбывало наказание 34 586 чел., в 7 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением

свободы, отбывало наказание 2017 чел., в 218 следственных изоляторах и 98 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях, содержалось 104 277 чел., в 8 тюрьмах отбывало наказание 1413 чел., в 23 воспитательных колониях для несовершеннолетних пребывало 1404 чел. На тот момент в исправительных колониях содержалось около 900 чел., осужденных за преступления террористического характера, в следственных изоляторах таких осужденных было более 200, в тюрьмах – более 50; за преступления экстремистского характера в исправительных колониях отбывали наказание более 300 чел.

Следует отметить, что приведенные показатели постоянно растут. Так, если в исправительных учреждениях УФСИН России по Вологодской области в начале 2016 г. содержалось 15 осужденных за преступления террористической направленности и 7 осужденных за преступления экстремистской направленности, то уже к его концу численность осужденных данных категорий увеличилась и составила 20 и 8 чел. соответственно.

Как показывает судебная практика, осужденные за рассматриваемые преступления зачастую получили специальную психологическую, физическую подготовку в соответствующих лагерях. Пройдя подобную школу, осужденный вряд ли откажется от намерений совершать в дальнейшем преступления и вполне вероятно станет вовлекать других осужденных в противоправную деятельность.

Распространение экстремистской идеологии обусловлено рядом внутренних причин, к которым можно отнести:

- наличие криминальной субкультуры, предполагающей определенную иерархию, начиная с вора в законе и заканчивая осужденными, имеющими низкий социальный статус, а в некоторых случаях противостоящие друг с другом группировки спецконтингента;
- содержание в исправительных учреждениях осужденных, страдающих психическими расстройствами, в том числе болеющих наркоманией и алкоголизмом;
- повышение среди отбывающих наказание количества лиц, являющихся злостными нарушителями дисциплины и внутреннего распорядка исправительного учреждения;
- присутствие в уголовно-исполнительной системе лидеров уголовно-преступной среды и возглавляемых ими группировок, которые в любой момент могут оказать не-

повиновение и сопротивление администрации колоний вплоть до дезорганизации нормальной деятельности.

Помимо этого значительную роль в выработке экстремистской направленности спецконтингента, отбывающего наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, играет ряд внешних причин, таких как:

- незаконная деятельность отдельных религиозных (с сектантским уклоном), общественно-наблюдательных и других организаций;

- наличие финансовой помощи, которая поступает от авторитетов уголовно-преступной среды, находящихся на свободе и продолжающих заниматься преступной деятельностью;

- распространение радикальных взглядов в сети Интернет (социальные сети, видеоролики) и через другие средства информации.

«Перечисленные факторы могут стать и в некоторых случаях становятся основанием для создания групп, придерживающихся экстремизма, которые деятельно противодействуют законным требованиям администрации учреждений. Данный вид противодействия следует понимать как определенные поступки, которые направлены на создание и организацию планов по совершению групповых неповиновений администрации, в том числе носящих массовый характер, дезорганизацию нормальной деятельности исправительных учреждений и учреждений, выполняющих только функции исправления» [7].

Воздействия экстремистов из числа осужденных также может заключаться в отыскании или склонении на свою сторону и использовании в будущем в преступных целях служащих правоохранительных органов [2]. Такие сотрудники выступают посредниками между «волей» и осужденными, лишенными свободы, или, другими словами, являются предателями интересов службы. Они могут заниматься несанкционированным проносом запрещенных вещей, веществ, предметов и способствуют тем самым ускоренному распространению радикальных взглядов в местах изоляции от общества. Такого рода факты не только существенно дестабилизируют работу специальных учреждений, но и дискредитируют всю Федеральную службу исполнения наказаний.

На основании вышесказанного полагаем, что одним из главных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы

России должно стать принятие превентивных мер по борьбе с распространением экстремизма в местах лишения свободы.

Одним из наиболее распространенных видов экстремизма является религиозный экстремизм.

Активные сторонники радикал-исламистской идеологии занимаются не только организацией террористических актов устрашения, они активно вербуют в свои ячейки новых членов. Наиболее подходящим источником для этого стала уголовная среда.

Сторонники безапелляционного, категорического ислама, попавшие в места изоляции от общества, очень опасны не только потому, что результативно влияют на мусульман, отбывающих наказание, но и потому, что способны энергично распространять радикальные взгляды среди осужденных, исповедующих христианство, буддизм и другие религии. Так, например, в период отбытия наказания в одном из исправительных учреждений Архангельской области осужденный З. (русский по национальности) принял ислам, отказавшись от православной веры. В дальнейшем он проникся идеями радикализма и после освобождения приехал на место постоянного жительства в г. Вологду, где планировал совершить террористический акт с использованием взрывчатых веществ. В результате проведенных правоохранительными органами действий данный фигурант был задержан и впоследствии осужден.

Отдельные осужденные, находящиеся в местах лишения свободы, становятся сторонниками ислама в его крайних проявлениях еще и потому, что чувствуют в этих религиозных нормах общность с мировоззрением уголовно-преступной среды.

Уголовная субкультура предполагает презрение не только к правоохранительным органам, но и к государству в целом. Данное обстоятельство напоминает мировоззренческие установки радикал-исламистов, для которых российское государство является кяферским, то есть государством неверных. Нежелание последователей радикального ислама жить по кяферским законам точно коррелируется с нежеланием уголовников жить по законам государства.

Привлекает преступников-рецидивистов в радикал-исламистской идеологии и то обстоятельство, что предыдущие грехи, то есть преступления, имевшие место до активного принятия ислама, списываются. Совершение же их в дальнейшем трактуется уже как часть джихада.

В настоящее время бытует точка зрения некоторых специалистов о том, что один человек, содержащийся в учреждении уголовно-исполнительной системы и деятельно распространяющий убеждения терроризма и экстремизма, может привлечь на свою сторону трех, четырех и более людей. По философскому рассуждению мусульманского теолога Салмана Фариды, отбывает наказание один террорист, а в общество освобождаются девять-десять.

Содержась в изоляции от общества, последователи искаженных исламских убеждений стараются объединиться в экстремистские группы и установить связь с местными национальными диаспорами. Активные члены подобных групп предпринимчиво используют миропонимание радикального ислама для упрочения своего положения в тюремной иерархии, распространяют соответствующие взгляды среди основной массы спецконтингента с целью пополнения своих группировок. Данными лидерами предпринимаются определенные усилия к выискиванию каналов поступления в исправительные учреждения литературы экстремистского характера.

Следует отметить, что огромную опасность для общества также представляет молодежный экстремизм. Наиболее точное определение ему дает В. И. Власов: «молодежный экстремизм есть негативное явление, исходящее из крайних взглядов, приверженности к крайним мерам, проявляющееся в деятельности молодежных радикальных группировок по планированию, организации, подготовке и совершению запрещенных законом общественно опасных действий или поступков, совершаемых с политическими или националистическими целями, а также на почве расовой религиозной вражды (ненависти)» [1].

Экстремизм среди молодого поколения как групповой феномен начала XXI в. заключается в игнорировании функционирующих в социуме законов и стандартов. В. Т. Лисовский, рассматривая такие радикальные проявления в среде молодых людей, характеризует их как необычную конфигурацию абстрагирования от общепринятых принципов поведения [3].

По данным неправительственных организаций, в пределах границ Российской Федерации функционирует до 150 радикальных обществ, в которых состоит от 20 до 60 тыс. чел. [4]. Их члены положительно относятся к применению различных форм протеста с целью изменения политического строя государства, проводимых посредством не-

согласованных собраний, демонстраций, нападений на муниципальные, городские объекты, массового информирования населения с помощью раздачи листовок.

Важно обратить особое внимание на следующие аспекты экстремистских проявлений в кругу молодых людей:

1) в большинстве случаев молодежный экстремизм вырабатывается в среде, которая исключает участие личности в жизни общества;

2) представленный феномен типичен для организаций не столько с небольшим уровнем культуры, сколько с культурой деформированной, не представляющей собой целостного явления;

3) молодежная нетерпимость обнаруживается наиболее часто в тех группах и слоях общества, где низок уровень уважения к себе и сложившаяся ситуация способствует игнорированию прав и свобод личности;

4) молодежный экстремизм отвечает требованиям групп, принявшим убеждения силы и пропагандирующим моральную неразборчивость;

5) радикальные взгляды у молодежи чаще всего обнаруживаются в определенных обстоятельствах, вызванных отсутствием функционирующих указаний, предписаний, директив, которые ориентируют на послушание закону, солидарность с государственными институтами.

Рассматриваемый феномен, безусловно, влияет на нормальное функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы, в том числе и на деятельность воспитательных колоний.

Для воспитательных колоний проблема молодежного экстремизма является одной из самых острых в связи с тем, что в среде несовершеннолетних преступников происходит рост лиц, допускающих дисциплинарные нарушения, присутствуют группировки осужденных отрицательной направленности, распространяются азартные игры [2].

В воспитательных колониях в результате действия определенных факторов молодежный экстремизм видоизменяется, становясь идеологической основой криминальной субкультуры. Испытывая разнотенное воздействие со стороны персонала воспитательных колоний и ближайшей микросреды осужденных, каждый несовершеннолетний ищет точку опоры в новой жизни и часто вынужден обращаться за защитой и покровительством к тем, кто ближе и сильнее в повседневном быту. С этим связаны как добровольное объединение в

сугубо бытовые, «семейные» группы, так и попадание в касты («масти») неформальной иерархии воспитанников [6].

Следует отметить, что криминальная субкультура, которой придерживаются несовершеннолетние осужденные, содержит в себе элементы экстремизма, предполагающие проявление ненависти к определенным категориям осужденных (например, осужденным по неавторитетной статье, сотрудничающим с администрацией, не соблюдающим обычаи и традиции криминальной субкультуры и т. д.).

Подводя итог, можно сказать о том, что организация противодействия экстремизму, в том числе распространению радикального ислама, в местах лишения свободы на современном этапе является одной из важных задач, стоящих перед правоохранительными органами.

В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы на постоянной основе проводится работа по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности. В связи с тем, что исправительные учреждения являются благотворной средой для распространения экстремизма, особая роль должна отводиться его профилактике в местах лишения свободы.

В случае совершения осужденными противоправных деяний, связанных с распространением экстремизма, должны проводиться проверки, материалы которых необходимо направлять по подследственности для принятия процессуального решения или в суд в зависимости от того, уголовная либо административная ответственность предусмотрена за совершение конкретного деяния, а для этого необходимо разработать и повсеместно внедрить единообразный алгоритм действий.

Помимо этого необходимо по прибытии осужденных для отбывания наказания в исправительные учреждения проводить их анкетирование или тестирование для выявления приверженности к радикальному исламу либо другим видам экстремизма. В этой связи важно разработать вопросные листы для использования в работе сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы.

Также целесообразно рассмотреть вопрос о минимизации распространения в больших объемах сведений о совершенном террористическом акте в средствах массовой информации, так как известно, что целью террористов является максимальное информирование населения Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власов В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика : учеб.-метод. пособие / под ред. Р. Г. Абдулатипова. М., 2003. 112 с.
2. Егорова Е. В., Исиченко А. П., Фумм А. М. Особенности профилактики преступлений и иных правонарушений в воспитательных колониях : учеб.-метод. пособие / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2009. 114 с.
3. Лисовский В. Г. Социология молодежи : учеб. СПб., 1996. 460 с.
4. О проблемах законодательного обеспечения противодействия проявлениям экстремизма и ксенофобии : сб. материалов. М., 2006. 28 с.
5. Смирнов А. М. Самосуд в России. М., 2013. 384 с.
6. Уваров И. А. Пенитенциарная профилактика (основные понятия) // Российский следователь. 2006. № 7. С. 72
7. Хромов И. Л. Противодействие преступности в учреждениях, исполняющих наказания. М., 2011. 240 с.

REFERENCES

1. Vlasov V. I. Ekstremizm: sushhnost', vidy, profilaktika : ucheb.-metod. posobie / pod red. R. G. Abdulatipova [Extremism: essence, types, prevention : educational-methodical manual ; ed. by R. G. Abdulatipov]. Moscow, 2003. 112 p. (In Russ.).
2. Egorova E. V., Isichenko A. P., Fumm A. M. Osobennosti profilaktiki prestuplenij i inyh pravonarushenij v vospitatel'nyh kolonijah : ucheb.-metod. posobie / pod red. V. I. Seliverstova [Peculiarities of prevention of crimes and other offences in young offenders institutions : educational-methodical manual ; ed. by V. I. Seliverstov]. Moscow, 2009. 114 p. (In Russ.).
3. Lisovskij V. G. Sociologija molodezhi : ucheb. [Sociology of youth : tutorial]. Saint Petersburg, 1996. 460 p. (In Russ.).
4. O problemah zakonodatel'nogo obespechenija protivodejstvija projavlenijam jekstremizma i ksenofobii : sb. materialov [About problems of legislative support of counteraction to manifestations of extremism and xenophobia : the collection of materials]. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.).
5. Smirnov A. M. Samosud v Rossii [Lynching in Russia]. Moscow, 2013. 384 p. (In Russ.).
6. Uvarov I. A. Penitenciarnaja profilaktika (osnovnye ponjatija) [Penal prevention (basic concepts)]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator. 2006. Iss. 7. P. 72 (In Russ.).
7. Khromov I. L. Protivodejstvie prestupnosti v uchrezhdenijah, ispolnjajushhijh nakazanija [Counteraction to crime in the institutions executing punishment]. Moscow, 2011. 240 p. (In Russ.).

УДК 316.754.4

Свобода совести без ответственности как одна из причин преступности несовершеннолетних

А. М. РУДАКОВ – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

Р е ф е р а т

В статье рассматриваются гражданско-правовые особенности реализации прав на свободу совести и убеждений несовершеннолетними и аспекты административно-правовой и уголовно-правовой ответственности за злоупотребления при реализации данных прав. В качестве криминогенных детерминант раскрываются противоречия правосубъектности несовершеннолетних, когда реализация права предусмотрена с рождения, а ответственность наступает в возрасте, когда довольно сложно переориентировать субъекта в социально конструктивном направлении. В аспекте свободы совести и вероисповедания акцент сделан на реализацию несовершеннолетними «иных убеждений», на проблемы криминализации содержания этих убеждений. Приводятся примеры источников информации, воспринимаемых подростками, преступившими закон, а также форм криминальной реализации ими свободы совести.

В федеральном законодательстве, контролирующем информационный поток, формирующий мнения, убеждения несовершеннолетних через средства массовой информации, существуют пробелы, которые способствуют злоупотреблениям свободой слова. В статье предлагаются организационно-правовые меры пресечения таких нарушений. Материалы статьи можно использовать для организации воспитательной работы с несовершеннолетними, в том числе осужденными, с целью формирования у них критического мышления, а также внесения изменений в отдельные нормативные правовые акты.

Ключевые слова: правоспособность; дееспособность; несовершеннолетние; свобода совести; свобода вероисповедания; иные убеждения; уголовная ответственность; криминогенные детерминанты; административная ответственность; средства массовой информации.

Freedom of conscience without liability as a cause of juvenile crime

A. M. RUDAKOV – Researcher of the Research Laboratory of the Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

A b s t r a c t

The article deals with the civil law peculiarities of the realization of the right to freedom of conscience and freedom of realization of convictions by minors, aspects of administrative-legal and criminal-legal responsibility for abuse in the realization of freedom of conscience, freedom of realization of convictions. As criminogenic determinants the contradictions of the legal personality of minors are revealed, when the realization of the right is provided from birth, and the responsibility comes at an age when it is rather difficult to reorient the subject of legalization in the socially constructive direction of the realization of law. In the aspect of the realization of freedom of conscience and freedom of religion, the emphasis is placed on the implementation by minors of «other beliefs», on the problems of criminalization of the content of these beliefs. Examples of information sources that are perceived by minors violating the law are given as well as examples of forms of criminal implementation of freedom of conscience by them.

At present the information flow that forms opinions, beliefs of minors through the media, is called to control by a number of federal laws. At the same time there are gaps in federal legislation that contribute to abuses of freedom of speech and mass information. The article suggests organizational and legal measures to prevent such abuses. The materials of the article can be used to organize educational work with minors, including convicts, in order to form critical thinking in them, as well as to make changes in certain regulatory legal acts.

Key words: legal capacity; minors; freedom of conscience; freedom of religion; other beliefs; criminal responsibility; criminal liability; administrative responsibility; mass media.

В настоящее время в соответствии со ст. 13 Конституции Российской Федерации в стране существует идеологический плюрализм, которым злоупотребляют отдельные коммерческие структуры и носители деструктивных культов и убеждений. Игнорирование моральных норм, нравственных устоев общества со стороны последних происходит в условиях существующего противоречия между элементами правового статуса несовершеннолетних: когда реализация прав и свобод предусмотрена с рождения, а ответственность возникает в возрасте, когда довольно сложно переориентировать субъекта правореализации в социально конструктивном направлении.

Правовой статус несовершеннолетних представляет собой динамичное явление. Так, в соответствии со ст. 17 и 18 ГК РФ правоспособность представляет собой способность иметь гражданские имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности [1]. Она признается в равной мере за всеми гражданами, возникает в момент их рождения и прекращается смертью [12, с. 32–33]. Таким образом, правоспособность несовершеннолетних граждан в отношении права на реализацию свободы совести и свободы вероисповедания является их личным неимущественным правом [10] и выражается в возможности принимать различные убеждения и руководствоваться ими в процессе жизнедеятельности [8].

Соотношение особенностей возраста и права на реализацию свободы совести отчасти регламентируется положениями СК РФ. Так, при устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, должны учитываться их принадлежность к определенной религии и культуре (ст. 123). Вместе с тем в ст. 57 законодатель указывает на необходимость учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Несмотря на то, что термин «мнение» не является элементом свободы совести согласно ст. 28 и 29 Конституции Российской Федерации, ст. 9 и 10 Европейской конвенции о защите прав человека, тем не менее, очевидно, что мнение является проявлением убеждений.

Другим аспектом реализации правового статуса является дееспособность. Согласно ст. 21 ГК РФ под ней понимается способность гражданина своими действиями

приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста. Гражданин, не достигший данного возраста, приобретает дееспособность в полном объеме только со времени эмансипации или вступления в брак [1]. Одним из основных элементов дееспособности является способность нести ответственность за нарушение норм права в сфере действия этого права, подлежащего применению к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда (ст. 1220 ГК РФ). Отчасти ответственность за нарушение законодательства о свободе совести и вероисповедания установлена в нормах УК РФ и КоАП РФ. Так, в соответствии со ст. 20 УК РФ уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ) подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста [15]. Статья 148 выбрана нами ввиду того, что в положениях УК РФ не предусмотрены составы преступлений на почве религиозных или иных убеждений в качестве квалифицирующего признака преступления – мотив совершения преступления. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что такие преступления, как террористический акт (ст. 205 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), участие в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ), участие в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205.5 УК РФ), участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ), вандализм (ст. 214 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ), акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ), имеют прямую или косвенную связь с убеждениями. Уголовная ответственность, согласно ст. 20 УК РФ, за такую форму реализации убеждений и свободы совести наступает в возрасте 14 лет. За преступления экстремистского характера (ст. 277–282.2 УК РФ) ответственность, согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ, наступает с 16 лет [15].

Подобную систему возрастных критериев находим и в КоАП РФ, в соответствии с которым за нарушение законодательства о свободе совести, вероисповедания и религиозных объединениях (ст. 5.26) административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения 16 лет (ст. 2.3) [3].

В рассматриваемом контексте важно отметить, что формы реализации свободы совести, убеждений закладываются в сознание несовершеннолетних задолго до того, как они могут их критически осмыслить и тем более нести за них осознанную ответственность [5, с. 87]. Примером является положение ст. 20.22 КоАП РФ, согласно которой административная ответственность за нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних в возрасте до 16 лет, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ налагается на родителей или иных законных представителей [3].

Таким образом, в соответствии с законодательством Российской Федерации возраст полной дееспособности гражданина при реализации права на свободу совести, убеждений и вероисповедания наступает с 18 лет. До 14 лет это право реализуется под контролем родителей и лиц, их заменяющих, либо опекунов (ст. 31 ГК РФ, 148.1 СК РФ, 20.22 КоАП РФ). С 14 до 18 лет это право реализуется под контролем родителей, лиц, их заменяющих, либо попечителей, при этом ответственность за деструктивные формы реализации свободы совести – за деяния в соответствии с криминальными или экстремистскими убеждениями, в форме уголовного преступления или административного правонарушения – несовершеннолетние начинают нести уже с 16 лет, а в отдельных случаях – уголовную ответственность с 14 лет.

Важно отметить, что ограничение реализации убеждений и свободы совести в демократическом обществе недопустимо, а привлечение малолетних к уголовной и административной ответственности педагогически нецелесообразно и может иметь отрицательный результат ввиду отсутствия у них критического мышления [4, с. 7; 14, с. 40; 11, с. 167]. Тем не менее, как отмечалось ранее, на всем протяжении су-

ществующего экзистенциально-правового разрыва от рождения до 14 лет формирование у несовершеннолетних совести как системы критериев «правильно» и «неправильно», «добро» и «зло» и свободы вероисповедания как проявления убеждений в форме поступков [6, с. 150] происходит в социально-информационном пространстве с деструктивным содержанием, создаваемом преимущественно коммерческими и иными субъектами на основе личных корыстных, узко гедонистических интересов. Последствия неконтролируемого информационного потока проявляются в заголовках новостных лент: «Малолетние преступники безнаказанно избивают прохожих и вымогают деньги у детдомовцев», «Тихий ужас: три школьника закидали камнями 77-летнего узника концлагеря», «Кто увлекает подростков играми, в финале которых – гибель?», «Пытки и пентаграммы: дело хабаровских живоделок», «Деревенский школьник сам сделал себе обрезание и подался в террористы» и т. п.

Формируемые у несовершеннолетних убеждения, мнения и совершаемые на их основе поступки являются результатом восприятия информации из разных источников и последующего ее обсуждения с группой единомышленников или иной социально значимой общностью. Такие общественные отношения должны регулироваться в том числе и федеральными законами «О средствах массовой информации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

В действительности нередко можно столкнуться с манипуляциями положений ст. 4 закона «О средствах массовой информации», в частности запрещающей «использование в радио-, теле-, видео-, кинопрограммах, документальных и художественных фильмах, а также в информационных компьютерных файлах и программах обработки информационных текстов, относящихся к специальным средствам массовой информации... технических приемов и способов распространения информации, воздействующих на подсознание людей и (или) оказывающих вредное влияние на их здоровье» [9], ввиду отсутствия толкования понятия «технические приемы и способы распространения информации, воздействующие на подсознание людей и (или) оказывающие вредное влияние на их здоровье». Указанные средства используются заинтересованными субъектами для криминализации сознания подростков, формирования деструктивных

убеждений и, как следствие, девиантного мышления и поведения. Так, например, в беседах несовершеннолетние осужденные Брянской и Ангарской воспитательных колоний, как правило, называют следующие информационные материалы, оказавшие на них наибольшее влияние: фильмы «Бригада», «Зона», «Жмурки», «Угнать за 60 секунд», «Форсаж», фильмы ужасов и боевики, сериалы, компьютерные игры GTA, «Manhunt», «Postal» и т. п. (см. подр. сайт проекта «Научи хорошему» (<https://whatisgood.ru>), материалы которого могут послужить эффективным средством воспитательного воздействия на несовершеннолетних, в том числе осужденных, при обучении их навыкам критического мышления).

Вместе с тем существующий организационно-правовой механизм, регламентируемый федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», не содержит компонента педагогической целесообразности. Например, отсутствует целесообразность демонстрации жестокости и насилия детям, достигшим возраста 12 лет (п. 1 ст. 9), изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной (п. 3 ст. 9), использования отдельных бранных слов и выражений для детей, достигших возраста 16 лет (п. 4 ст. 10). Пункт 2 ст. 1 и п. 4 ст. 11 вытесняет действие правового механизма из сфер, преимущественно формирующих мировоззрение подростка в настоящее время [7].

Подобные нарушения возможны в результате отсутствия законодательно установленных понятий «скрытая вставка», «технические приемы и способы распространения информации, оказывающие воздействие на подсознание людей», «убеждение», «нецензурная брань», детального организационно-правового механизма пресечения злоупотребления свободой средств массовой информации, свободой слова, формирующей криминальные и иные деструктивные убеждения, свободой совести и распространения убеждений.

Таким образом, в федеральном законодательстве необходимо предусмотреть, помимо надзорного, организационно-правовой механизм реализации ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, ст. 10 федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», ст. 4 федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и ст. 4 закона Рос-

сийской Федерации «О средствах массовой информации»: механизм непосредственного контроля за содержанием информационного потока, оказывающего воздействие на сознание и подсознание малолетних и несовершеннолетних граждан Российской Федерации, в форме проведения предварительной комплексной психолого-педагогической, психиатрической и психолого-лингвистической экспертизы информационного материала, передаваемого через средства массовой информации в прайм-тайм, а также Интернет, рекламу, компьютерные игры, особенно иностранного производства [13, с. 46]. Такой механизм принципиально отличается от цензуры. Под цензурой массовой информации понимается требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей [9]. Таким образом, цензура – это проверка на соответствие информационного продукта государственной идеологии, которой не существует в настоящее время в Российской Федерации (ст. 13 Конституции Российской Федерации), либо личным убеждениям перечисленных субъектов цензуры. Функционирование предлагаемого механизма исключает субъективные критерии и основывается на положениях указанных выше статей.

Необходимо также в законе Российской Федерации «О средствах массовой информации» раскрыть понятие «технические приемы и способы распространения информации, воздействующие на подсознание людей и (или) оказывающие вредное влияние на их здоровье», понимая под ним использование цветовых, звуковых, лингвистических, семантических и иных эффектов с целью формирования ценностных установок; установить запрет на использование изложенных средств на виды информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей (ст. 5 федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»), и предусмотреть распространение этого запрета на всю информационную продукцию, транслируемую через бесплатные федеральные каналы, радиостанции и кинотеатры.

В подтверждение целесообразности такого механизма приведем выражение профессора публичного права в Университете Глазго, постоянного участника выездных образовательных программ Совета Европы в государствах Центральной и Восточной Европы Джима Мердока, взаимодействующего с Генеральным Директоратом по правам человека и верховенству права Совета Европы: «Уроки истории показывают, что фундаментальные свободы жизненно важны и, безусловно, необходимы, но порой нуждаются в сдерживании» [6, с. 151]. Актуальными остаются и следующие мысли одного из наиболее деятельных публи-

цистов XIX в. М. Н. Каткова: «Правительство должно направлять рассмотрения и обсуждения необходимых ему вопросов, вызывая все лучшие умы в обществе содействовать ему в их разрешении» с целью «опровержения тех учений, которые эти умы признают ложными и которые, проникая тайными путями в Россию и оставаясь без возражений, имеют вредное влияние на людей молодых и недоучившихся... Одних запретительных мер недостаточно для ограждения умов от несвойственных влияний; необходимо возбуждать в умах положительную силу, которая противодействовала всему ей несродному» [2, с. 103, 111, 125].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. : учеб. пособие. М., 2001. 368 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.03.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Кругликов Л. Л. Исполнение преступления совместно с несовершеннолетними: вопросы квалификации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 15. С. 4–8.
5. Куренкова О. Е., Наволоцкий А. В. Социальная безопасность осужденных как специфическая проблема социальной работы в исправительном учреждении // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 85–89.
6. Мердок Д. Защита права на свободу мысли, совести и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Воронеж, 2014. 165 с.
7. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.
8. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
9. О средствах массовой информации : закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.07.2013) // Ведомости СНГ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
10. По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05.12.2012 № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 51. Ст. 7324.
11. Полякова Н. В., Антонова Л. Б. Проблемы административной ответственности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 166–171.
12. Попович М. М. Частная жизнь и ее неприкосновенность как элемент личной безопасности (гражданско-правовой аспект) // Ведомости УИС. 2015. № 3 (154). С. 31–36.
13. Пристанская О. В. Правовая защита несовершеннолетних в сфере массового сексуального просвещения // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 42–52.
14. Середин А. А., Ермаков В. Г. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. С. 39–41.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' pervaja ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 07.02.2017) [The civil code of the Russian Federation. Part one from 30.11.1994 № 51-FL (ed. from 07.02.2017)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. Iss. 32. Art. 3301. (In Russ.).
2. Zhirkov G. V. Istorija cenzury v Rossii XIX–XX vv. : ucheb. posobie [The history of censorship in Russia XIX–XX centuries : a tutorial]. Moscow, 2001. 368 p. (In Russ.).
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 07.03.2017) [Code of the Russian Federation about administrative offences from 30.12.2001 № 195-FL (ed. from 07.03.2017)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. Iss. 1 (pt 1). Art. 1. (In Russ.).
4. Kругликов Л. Л. Ispolnenie prestuplenija sovместno s nesovershennoletnimi: voprosy kvalifikacii [The execution of the crimes with minors: issues of qualification]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2011. Iss. 15. Pp. 4–8. (In Russ.).
5. Kurenkova O. E., Navolockij A. V. Social'naja bezopasnost' osuzhdennyh kak specificheskaja problema social'noj raboty v ispravitel'nom uchrezhdenii [Social security of convicts as a specific problem of social work in a correctional institution]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. Iss. 1 (33). Pp. 85–89. (In Russ.).
6. Merdok D. Zashhita prava na svobodu mysli, sovesti i religii v ramkah Evropejskoj konvencii o zashhite prav cheloveka [Protection of the right to freedom of thought, conscience and religion within the framework of the European Convention on human rights]. Voronezh, 2014. 165 p. (In Russ.).

7. O zashhite detej ot informacii, prichinjajushhej vred ih zdorov'ju i razvitiju : feder. zakon ot 29.12.2010 № 436-FZ (red. ot 01.05.2017) [On the protection of children from information harmful to their health and development : federal law of 29.12.2010 № 436-FL (ed. from 01.05.2017)]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation*. 2011. Iss. 1. Art. 48. (In Russ.).
8. O svobode sovesti i o religioznyh obyedinenijah : feder. zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (red. ot 06.07.2016) [On freedom of conscience and religious associations : federal law from 26.09.1997 № 125-FL (ed. from 06.07.2016)]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation*. 1997. Iss. 39. Art. 4465. (In Russ.).
9. O sredstvah massovoj informacii : zakon Rossijskoj Federacii ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 02.07.2013) [About the media : Russian Federation law from 27.12.1991 № 2124-1 (ed. from 02.07.2013)] // *Vedomosti SND i VS RF – Sheets of Congress of people's deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*. 1992. Iss. 7. Art. 300. (In Russ.).
10. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 5 stat'i 16 Federal'nogo zakona «O svobode sovesti i o religioznyh obyedinenijah» i punkta 5 stat'i 19 Zakona Respubliki Tatarstan «O svobode sovesti i o religioznyh obyedinenijah» v svjazi s zhaloboj Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii : postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 05.12.2012 № 30-P [In the case of check of constitutionality of provisions of paragraph 5 of article 16 of the Federal law «On freedom of conscience and on religious associations» and item 5 of article 19 of the Law of the Republic of Tatarstan «On freedom of conscience and religious associations» in connection with the complaint of the Commissioner for human rights in the Russian Federation : decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 05.12.2012 № 30-P]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation*. 2012. Iss. 51. Art. 7324. (In Russ.).
11. Poljakova N. V., Antonova L. B. Problemy administrativnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih [Problems of administrative responsibility of minors]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. Iss. 1. Pp. 166–171. (In Russ.).
12. Popovich M. M. Chastnaja zhizn' i ee neprikosновенност' kak jelement lichnoj bezopasnosti (grazhdansko-pravovoj aspekt) [Private life and its inviolability as an element of personal security (legal aspect)]. *Vedomosti UIS – Journal of the Penal system*. 2015. Iss. 3 (154). Pp. 31–36. (In Russ.).
13. Pristanskaja O. V. Pravovaja zashhita nesovershennoletnih v sfere massovogo seksual'nogo prosveshhenija [The legal protection of minors in the sphere of mass sex education]. *Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian law*. 2000. Iss. 1. Pp. 42–52. (In Russ.).
14. Seredin A. A., Ermakov V. G. Problemy ugovnoj otvetstvennosti nesovershennoletnih [Problems of juvenile criminal responsibility]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia*. 2007. Iss. 2. Pp. 39–41. (In Russ.).
15. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 07.02.2017) [Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FL (ed. from 07.02.2017)]. *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation*. 1996. Iss. 25. Art. 2954. (In Russ.).

УДК 343.8

Перспективы развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным, отбывающим наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы

С. Л. БАБАЯН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

Р е ф е р а т

Международные правила обращения с осужденными рекомендуют обеспечить порядок в учреждениях, исполняющих наказания, не только карательными мерами, но и поощрительными средствами. С учетом недостаточности уровня развития теоретических знаний и трудностей практического характера область правоотношений, связанных с применением средств поощрительного воздействия на осужденных в уголовно-исполнительной системе, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Для перехода к последовательному, расширенному и рациональному применению соответствующих норм и институтов, а также повышения эффективности оказываемого на осужденных поощрительного воздействия целесообразно разработать концепцию развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Ее создание будет содействовать изменению и дополнению существующих в рассматриваемой области нормативно-правовых актов.

С целью совершенствования поощрительного воздействия целесообразно дополнить перечень мер разовыми выходами или увольнением осужденных к лишению свободы за пределы пенитенциарных учреждений в выходные или праздничные

дни продолжительностью до 24 часов. Это будет способствовать укреплению социально полезных связей осужденного.

С учетом опыта зарубежных стран необходимо предусмотреть в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве льготные условия отбывания наказания в исправительных колониях общего и строгого режимов. Следует переводить в данные условия осужденных, отбывших половину и две трети назначенного срока наказания соответственно, а также не менее шести месяцев и девяти месяцев соответственно в облегченных условиях.

Ключевые слова: поощрительное воздействие; концепция развития поощрительных средств; сокращение срока наказания; позитивное стимулирование правопослушного поведения; льготные условия содержания; увольнения за пределы учреждения.

Prospects for the development of incentive standards and institutions applied to convicts serving sentences in institutions of the penal system

S. L. BABAYAN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor

Abstract

The international rules for the treatment of convicts recommend the provision law and order in institutions which execute sentences be enforced, not only with punitive measures, but also with incentives. Given the insufficient level of development of theoretical knowledge and practical difficulties, the field of legal relations connected with the use of incentive means for convicts in the penal system needs further improvement. For the transition to a consistent, expanded and rational application of these norms and institutions, as well as increasing the effectiveness of the incentive effect on convicts, it is advisable to develop a concept for the development of incentive standards and institutions applied to convicts in institutions of the penal system. The creation of this concept will help to change and supplement existing regulatory and legal acts in the area under consideration.

In order to improve the incentive effect, it is advisable to supplement the list of measures with one-time outputs or dismissals of prisoners sentenced to imprisonment outside penal institutions on weekends or holidays for up to 24 hours. This will help strengthen the socially useful ties of the convict.

Taking into account the experience of foreign countries, it is necessary to provide for preferential conditions of serving sentences in correctional colonies of general and strict regimes in the domestic penal legislation. It is necessary to translate into these conditions convicts who have served half and two-thirds of the sentence, respectively, and at least six months and nine months, respectively, under facilitated conditions.

Key words: incentive effect; the concept of development of incentives; reduction of the term of punishment; positive stimulation of law-abiding behavior; preferential conditions of detention; dismissal outside the institution.

Одним из основных направлений гуманизации уголовно-исполнительной политики Российской Федерации является стимулирование правопослушного поведения осужденных, повышение эффективности средств поощрительного воздействия и расширение их спектра. С целью совершенствования уголовно-исполнительной политики в разд. III Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. предусмотрено положение о

дополнении института поощрений осужденных новыми стимулами к правопослушному поведению и активной ресоциализации.

В разд. III Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными 2015 г. (Правила Нельсона Манделы) предусматривается, что в каждом пенитенциарном учреждении важно развивать систему льгот и разрабатывать различные методы обращения с разными категориями осужденных, чтобы поощрять

их правопослушное поведение, развивать в них чувство ответственности, прививать им интерес к исправлению и добиваться сотрудничества (правило 95). В Европейских пенитенциарных правилах отмечено, что все осужденные должны поощряться за активное участие в общеобразовательных программах и программах профессионального обучения [5]. Таким образом, международные правила обращения с осужденными рекомендуют обеспечивать правопорядок в учреждениях, исполняющих наказания, не только карательными мерами, но и средствами поощрительного воздействия.

В настоящее время применение поощрительных норм и институтов носит несистемный, спорадический характер, их реализация зачастую основывается на субъективном усмотрении. Известно, что фундаментом исправительного воздействия и ресоциализации является позитивное стимулирование законопослушного поведения осужденных. С учетом недостаточности уровня развития теоретических знаний и трудностей практического характера область правоотношений, связанных с установлением и применением средств поощрительного воздействия на осужденных в уголовно-исполнительной системе, нуждается в дальнейшем совершенствовании. В целях создания научно-методической платформы для перехода к последовательному, расширенному и рациональному применению поощрительных норм и институтов к осужденным, а также повышения эффективности оказываемого на них поощрительного воздействия целесообразно разработать концепцию развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Структура данной концепции, на наш взгляд, должна состоять из следующих разделов и параграфов:

1. Характеристика и современное состояние поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

2. Основные направления развития поощрительных норм и институтов в уголовно-исполнительной системе как курс на гуманизацию уголовно-исполнительной политики России.

2.1. Переход к рациональному, последовательному и постепенному применению поощрительных норм и институтов – важная задача учреждений уголовно-исполнительной системы.

2.2. Дальнейшее расширение поощрительных норм и институтов, содействующих

успешной социальной адаптации осужденных к лишению свободы.

2.3. Оптимизация оснований применения поощрительных норм и институтов и определение критериев оценки поведения осужденных.

2.4. Развитие поощрительных норм и институтов в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, и применения мер уголовно-правового характера.

3. Обеспечение прозрачности применения поощрительных норм и институтов к осужденным в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы на основе широкого привлечения институтов гражданского общества к процессу исправительного воздействия.

4. Кадровое и ресурсное обеспечение развития поощрительных норм и институтов в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

5. План основных мероприятий по реализации концепции развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

5.1. Организационные мероприятия.

5.2. Научно-методическое обеспечение развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

5.3. Внедрение современных технологий в практику применения поощрительных норм и институтов к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

5.4. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства и ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих применение поощрительных норм и институтов в отношении осужденных.

5.5. Организация контроля за исполнением мероприятий по реализации концепции развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы [1, с. 528].

Создание модели перспективного развития поощрительных норм и институтов уголовно-исполнительного законодательства будет содействовать изменению и дополнению существующих нормативно-правовых актов в области поощрительного воздействия на осужденных и повышению их эффективности.

В параграфе 2.2 данной концепции представляется важным предусмотреть в целях позитивного стимулирования и мотивации

правопослушного поведения осужденных перевод лиц, отбывающих наказание в облегченных или льготных условиях содержания, из воспитательной колонии в колонию-поселение после достижения ими восемнадцатилетнего возраста и отбытия не менее $\frac{1}{4}$ срока наказания за преступления небольшой или средней тяжести, $\frac{1}{3}$ срока наказания за тяжкие преступления и не менее $\frac{1}{2}$ срока наказания за особо тяжкие преступления. Перевод таких осужденных необходимо осуществлять только в колонию-поселение для лиц, впервые осужденных к лишению свободы, с целью недопущения отрицательного воздействия на них осужденных, ранее отбывавших лишение свободы. Совершенствование поощрительного института изменения вида исправительного учреждения путем перевода осужденных из воспитательной колонии в колонию-поселение позволит расширить возможности дифференциации исполнения наказания, повысить эффективность исправительного воздействия на осужденных к лишению свободы, а также обеспечить успешную социальную адаптацию.

В истории развития и правового регулирования поощрительных норм и институтов важное место занимает Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в разделе «Дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы» которого отмечено, что осужденные подразделяются на две категории (разряда) – испытываемые и исправляющиеся, что указывает на применение элементов прогрессивной системы исполнения наказаний, стимулирующих правопослушное поведение осужденных. Также в ст. 28 этого раздела сказано, что исправляющимся осужденным в результате трудолюбия, воздержанности от нарушений дисциплины и исправления предоставляется возможность увольняться с работы в определенные дни, в основном в христианские праздники [7, с. 7]. Данный исторический опыт может быть использован при совершенствовании поощрительных норм и институтов и в настоящее время. Предоставление разовых выходов или увольнений за пределы исправительного учреждения способствует восстановлению социально полезных связей осужденных и их успешной адаптации после освобождения из мест лишения свободы.

Применение мер поощрения в виде увольнений за пределы пенитенциарных учреждений является важным средством ресоциализации осужденных, которое широко

используется в зарубежных странах. Например, в Швейцарии увольнения за пределы пенитенциарных учреждений относятся к инструментам реинтергации осужденных в общество. Такие увольнения продолжительностью от нескольких часов до двух суток в месяц предоставляются при отбывании наказания в учреждениях как открытого, так и закрытого типов режима. Администрация исправительных учреждений может разрешить целевые увольнения или отпуска для решения неотложных юридических, профессиональных или семейных вопросов продолжительностью не более 16 часов. Представляется важным, что увольнения или отпуск в открытых учреждениях Швейцарии предоставляются по отбытии $\frac{1}{6}$, а в закрытых учреждениях $\frac{1}{3}$ срока наказания [2, с. 56, 59].

В связи с этим целесообразно дополнить перечень мер поощрений увольнениями осужденных к лишению свободы за пределы пенитенциарных учреждений в выходные или праздничные дни продолжительностью до 24 часов. Также следует предусмотреть в рейтинге исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы повышенную оценку учреждению за объем предоставленных положительно характеризующимся осужденным увольнений. Это будет способствовать активизации применения данных мер со стороны администрации исправительного учреждения.

В соответствии со ст. 103 УИК Республики Казахстан в учреждениях средней, максимальной или чрезвычайной безопасности (аналогично исправительным колониям общего, строгого или особого режима) создаются обычные, строгие, облегченные и льготные условия отбывания наказания. При этом осужденные, отбывающие наказание в учреждениях средней безопасности, имеющие третью положительную степень поведения, находящиеся не менее трех месяцев в облегченных условиях, за один год до освобождения по отбытии срока наказания переводятся в льготные условия. Соответственно по тем же основаниям осужденные, отбывающие наказание в учреждениях максимальной безопасности, за девять месяцев до освобождения по отбытию срока наказания переводятся в льготные условия, а осужденные, отбывающие наказание в учреждениях чрезвычайной безопасности, – за шесть месяцев до освобождения (ст. 135, 137, 139) [8].

Представляется, что переход к последовательному применению поощрительного института изменения условий отбывания

наказания является важной задачей уголовно-исполнительной системы России. В связи с этим, на наш взгляд, в целях успешной социальной адаптации осужденных после освобождения и применения глубокой дифференциации при исполнении наказаний, а также с учетом опыта зарубежных стран целесообразно предусмотреть в отечественном уголовно-исполнительном законодательстве льготные условия отбывания наказания в исправительных колониях общего и строгого режимов. Необходимо переводить в данные условия осужденных, отбывших не менее половины и двух третей назначенного срока наказания соответственно, а также не менее шести месяцев и девяти месяцев соответственно в облегченных условиях.

Для осужденных, отбывающих наказание в льготных условиях и находящихся за пределами исправительного учреждения, следует предусмотреть следующие возможности: свободно передвигаться, но в пределах границ территории, прилегающей к исправительному учреждению, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы или в связи с обучением; носить гражданскую одежду, иметь при себе денежные средства, ценные вещи и пользоваться деньгами без ограничения; проживать в специальных общежитиях за пределами исправительного учреждения под круглосуточным контролем и надзором администрации. Кроме того, данным осужденным после отбытия не менее шести месяцев в льготных условиях содержания при отсутствии нарушений установленного порядка отбывания наказания и наличии жилищных условий с разрешения администрации колонии следует предоставить возможность проживать со своими семьями в пределах населенного пункта, где расположена колония.

Важно указать в законе, что не подлежат переводу в льготные условия отбывания наказания следующие категории осужденных:

- лица, осужденные за совершение умышленного преступления в период отбывания наказания в виде лишения свободы или содержания в дисциплинарной воинской части;
- лица, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений;
- осужденные, больные открытой формой туберкулеза или страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости;
- лица, не прошедшие полный курс лечения венерического заболевания, актив-

ной формы туберкулеза, психического расстройства, ВИЧ-инфекции, алкоголизма и наркомании;

- лица, осужденные за преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров.

Для реализации на практике льготных условий отбывания наказания в исправительных колониях общего и строгого режима необходимо построить общежитие для размещения осужденных. Предполагается, что в данных условиях будут содержаться не более 5 % от общей численности осужденных в исправительном учреждении, что в среднем составляет 50 чел.

Перспектива создания льготных условий в исправительных колониях общего и строгого режима может создать конкуренцию в связи с образованием изолированных участков колоний-поселений при указанных учреждениях. Образование данных участков регламентируется п. 17.1 ч. 12 разд. III указа Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации», где отмечается, что министр юстиции принимает решение об изменении вида режима и лимита наполнения учреждений, исполняющих наказания, создании и ликвидации изолированных участков с различными видами режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Следовательно, создание изолированных участков, функционирующих как колонии-поселения, при исправительных колониях общего, строгого и особого режима не требует согласования с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Но для создания данных участков необходимо наличие отдельных зданий для водворения осужденных в ШИЗО, длительных свиданий осужденных с родственниками и других объектов, так как осужденные, находящиеся в различных видах исправительных колоний, не могут содержаться совместно. А при создании льготных условий отбывания наказания в исправительных колониях общего или строгого режима нет необходимости строить такие помещения, так как осужденные содержатся в данной колонии. Это уменьшает объем денежных средств на строительство зданий для льготных условий содержания. При этом правом перевода осужденных из льготных условий содержания в обычные условия пользуется начальник исправительного учреждения, что позволяет своевременно реагировать на злостные нарушения режима содержания.

Решение же о переводе злостных нарушителей режима участка колонии-поселения в исправительную колонию принимает суд, что занимает определенное время. В связи с этим создание льготных условий в исправительных колониях общего и строгого режима представляется более рациональным и целесообразным.

Кроме того, с целью совершенствования поощрительного воздействия на осужденных предлагается предусмотреть применение поощрительного института сокращения срока отбывания наказания при исполнении наказания в виде лишения свободы. Этот институт предполагает уменьшение данного срока положительно характеризующимся осужденным на период не более трех дней в месяц и, соответственно, не более 36 дней в течение года. Следует отметить, что в таких странах, как США, ФРГ, Канада, Франция, Афганистан, довольно успешно используется данный институт [3, с. 67; 4, с. 133; 6, с. 15]. Сокращение срока наказания осужденным должно осуществляется судом по представлению администрации исправительного учреждения и в отношении осужденных, находящихся в облегченных или льготных условиях содержания.

Следует отметить, что по материалам проведенного исследования 74,3 % сотрудников исправительных учреждений считают целесообразным применение такого сокращения осужденным срока наказания, назначенного приговором суда, но не более чем на три дня в месяц, 23,5 % респондентов отрицательно относятся к этому предложению, а 2,2 % затруднились ответить [1, с. 390].

Данный поощрительный институт не следует применять в отношении осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселении, так как в условиях полусвободного режима они имеют большие возможности для успешной социальной адаптации к условиям жизни в обществе. Осужденные, содержащиеся в тюрьмах, отбывают лишь

часть срока наказания в данном учреждении, а осужденным, переведенным на срок до трех лет за злостные нарушения режима в исправительные колонии общего, строгого и особого режимов, нецелесообразно сокращать срок наказания, поскольку им уже изменен вид исправительного учреждения. Отсутствует необходимость изменять срок наказания в сторону уменьшения и осужденным к пожизненному лишению свободы, а также осужденным, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы, ввиду высокой степени общественной опасности совершенных ими преступлений.

Кроме того, поощрительный институт сокращения срока отбывания наказания следует применять только в отношении осужденных, отбывающих наказание в облегченных или льготных условиях. По данным нашего исследования, подавляющее большинство сотрудников исправительных учреждений (88,4 %) считают, что одним из условий сокращения срока наказания может быть нахождение осужденного в облегченных или льготных условиях, 7,6 % – нахождение в обычных, облегченных или льготных условиях, 2,1 % – наличие у осужденного поощрений, а 1,9 % – иное [1, с. 392].

Также представляется целесообразным включить в перечень основных средств исправления осужденных поощрительное воздействие, которое представляет собой деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, по применению поощрительных норм и институтов с целью стимулирования исправления осужденных.

Таким образом, совершенствование поощрительного воздействия на осужденных и создание концепции развития поощрительных норм и институтов, применяемых к осужденным в учреждениях уголовно-исполнительной системы, позволит расширить возможности позитивного стимулирования осужденных и повысить эффективность исправительного воздействия на них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 592.
2. Веррен А. Исполнение наказания и применение уголовно-правовых мер в Швейцарии в отношении взрослых правонарушителей // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2004. Ч. 1. С. 47–64.
3. Греков М. Л. Тюремные системы: состояние, перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 195 с.
4. Жабский В. А. Уголовные наказания в Российской Федерации и зарубежных странах : моногр. / под общ. ред. А. Я. Гришко. Рязань, 2010. 280 с.
5. Европейские пенитенциарные правила : рекомендация № Res (2006) 2 Комитета министров Совета Европы : принята 11.01.2006 на 952-м заседании представителей министров. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Краснов Ю. А. Зарубежный опыт исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2011. № 7. С. 12–17.

7. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы. СПб., 1845. 26 с.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 05.07.2014. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577723&doc_id2=31577723#activate_doc=2&pos=178;1&pos2=1681;9 (дата обращения: 03.02.2018).

REFERENCES

1. Babajan S. L. Pooshhritel'nye instituty ugovolno-ispolnitel'nogo prava (teorija i praktika primenenija) : dis. ... d-ra jurid. nauk [Incentive institutions of the criminal-executive law (theory and practice of application) : the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2014. P. 592. (In Russ.).
2. Verren A. Ispolnenie nakazaniya i primenenie ugovolno-pravovyh mer v Shvejtsarii v otnoshenii vzroslyh pravonarushitelej [Execution of punishment and application of criminal law measures in Switzerland with respect to adult offenders]. Aktual'nye problemy penitenciarnej nauki i praktiki : materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. – Actual problems of penal science and practice: materials of the international scientific and practical conference. Moscow, 2004. Pt 1. Pp. 47–64. (In Russ.).
3. Grekov M. L. Tjuremnye sistemy: sostojanie, perspektivy : dis. ... kand. jurid. nauk [Prison systems: status, prospects: the diss. ... PhD. in Law]. Krasnodar, 2000. 195 p. (In Russ.).
4. Zhabskij V. A. Ugolovnye nakazaniya v Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stranah : monogr. / pod obshh. red. A. Ja. Grishko [Criminal penalties in the Russian Federation and foreign countries: monograph ; ed. by A. Ya. Grishko]. Ryazan, 2010. 280 p. (In Russ.).
5. Evropejskie penitenciarne pravila : rekomendacija № Rec (2006) 2 Komiteta ministrov Soveta Evropy : prinjata 11.01.2006 na 952-m zasedanii predstavitelej ministrov [European Prison Rules : Recommendation No. Rec (2006) 2 of the Committee of Ministers of the Council of Europe : adopted on 11.01.2006 at the 952nd meeting of the Ministers]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» – Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
6. Krasnov Ju. A. Zarubezhnyj opyt ispolnenija nakazaniya v vide lishenija svobody v otnoshenii nesovershennoletnih [Foreign experience of execution of punishment in the form of imprisonment in relation to minors]. Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy – Bulletin of the penal system. 2011. Iss. 7. S. 12–17. (In Russ.).
7. Tagancev N. S. Ulozhenie o nakazaniyah ugovolnyh i ispravitel'nyh. Dopolnitel'nye postanovlenija o raspredelenii i upotreblenii osuzhdennyh v katorzhnye raboty [Ordinance on the penalties of criminal and correctional. Additional decisions on the distribution and use of convicts in hard labor]. St. Petersburg, 1845. 26 p. (In Russ.).
8. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 05.07.2014 [The Criminal Executive Code of the Republic of Kazakhstan of 05.07.2014]. Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577723&doc_id2=31577723#activate_doc=2&pos=178;1&pos2=1681;9 (accessed 03.02.2018). (In Russ.).

УДК 340:316

К вопросу профессионализации правосознания сотрудника ФСИН России

А. В. КУЧЕНЕВ – адъюнкт кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России

Реферат

При выполнении повседневных обязанностей сотрудники ФСИН России устанавливают собственные приоритеты выбора определенного вида поведения. Правосознание включает правовые установки, ориентации, интересы, которые взаимосвязаны с практической деятельностью, регламентированной должностными обязанностями. В статье затрагиваются такие аспекты, как дефиниция правосознания, его структура, аккумулируются теоретические взгляды ученых, предлагается авторское видение проблемы. Также рассматриваются актуальные вопросы типологизации правосознания сотрудника ФСИН России, определяются основные ее элементы, черты профессионального уровня правового сознания, акцентируется внимание на наличии некоторых проблем в ходе реформирования системы ФСИН России, трансформации общей политической реальности, делается вывод о недостаточности уровня правового сознания, которое должно формироваться в том числе путем профессионализации у сотрудников пенитенциарной службы. Обосновывается мнение о необходимости установления профессионального правосознания как на индивидуальном, так и на групповом (корпоративном) уровнях. Также высказывается предположение о том, что повышение уровня правосознания будет формировать определенный уровень правовой культуры общества в целом. Механизмы регулирования правового сознания включают элементы социализирующего воздействия, реализации властной мотивации со стороны государства, которые находятся во взаимосвязи с профессионализированностью правосознания сотрудника уголовно-исполнительной системы. Комплекс решений, принимаемых

лицами, наделенными профессиональным правовым сознанием, в свою очередь позитивизирует осуществляемые трансформации.

Ключевые слова: групповое правосознание; корпорация; компетентность; ответственность; право; правовая действительность; правовые установки; правовые ориентиры; профессиональное правосознание; юрист; сотрудник ФСИН России.

To the issue of professionalization of the legal conscience employee of the Federal Penal Service of Russia

A. V. KUCHENEV – Postgraduate of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

In the course of performing daily duties the employees of the Federal Penal Service of Russia set their own priorities for choosing a certain type of behavior. Legal consciousness includes legal attitudes, orientations, interests, attitudes, which are in correlation with practical activity regulated by official duties. The article touches upon such aspects as the definition of the legal consciousness, its structure, accumulates the theoretical views of researchers of different times, including modern scholars, and offers its own vision of the problem identified in the title.

The author examines the topical issues of typology of the legal conscience of the Federal Penal Service of Russia employee, identifies its main elements, features of the professional level of legal consciousness, focuses on the presence of certain problems in the course of reforming the system of the FPL of Russia, the transformation of the general political reality, leans toward the conclusion that the level of legal consciousness that is insufficient should be formed, including through professionalization, from the staff of the penal service. The author substantiates the opinion on the necessity of establishing professional legal consciousness both at the individual and group (corporate) levels in the system. It also affects the assumption that raising the level of legal awareness will form a certain level of legal culture of society as a whole. The mechanisms for regulating legal consciousness include elements of the socializing impact, the realization of the imperious motivation on the part of the state, which are in correlation with the professionalisation of the legal consciousness of the prison officer. The set of decisions taken by persons with professional legal consciousness, in turn, positivizes the transformations in the country and the Federal Penal Service of Russia in particular.

Key words: group legal consciousness; corporation; competence; responsibility; right; legal reality; legal regulations; legal reference points; professional legal consciousness; lawyer; employee of the Federal Penal Service of Russia.

Деятельность сотрудников ФСИН России регламентирована должностными обязанностями, инструкциями, определенными рекомендациями, установленными ограничениями и запретами. Однако даже самый полный перечень нормативных правовых актов не может охватить все ситуации деятельности, существующие в правовой жизни. Одной из функций правового сознания является установление приоритетности выбора следования субъективно установленным правилам правомерного поведения.

Правосознание подразделяется на общественное, массовое, корпоративное, групповое и индивидуальное. Однако такая дифференциация возможна только в части выделения общих свойств личного (индиви-

дуального) уровня правосознания и определенного количества факторов различной качественной структуры, которые оказывают на него влияние [11, с. 6–11].

Личный состав ФСИН России образуют разные категории граждан, выполняющие определенный объем работы, не только направленной на непосредственное решение служебных задач, но и преследующей различные промежуточные цели (например, обеспечение материальными средствами, медицинскими услугами, транспортом и др.). Коллектив пенитенциарной службы, как и любой другой организации, состоящий из индивидуумов с различными убеждениями, воззрениями, багажом знаний, чувственным восприятием окружающей реальности, все

же объединен общей целью и определенным кругом общения, что образует то общее в индивидуальном правосознании, которое рассматривается уже на уровне группового.

Если руководствоваться дефиницией группового сознания, предложенной Т. А. Антопольской (понимание и переживание группой социального окружения, своего места в нем, взаимоотношений с другими группами и обществом, целей, задач, функций осуществляемой деятельности и ее результатов), следует обратить внимание на такие аспекты, как осознание группой своего единства и наличие объединяющих факторов, возможностей, перспектив и средств сохранения и повышения социального статуса в ней [2].

Групповое сознание динамично, оно трансформируется параллельно развитию группы. Однако изначально его возникновение связано не с объединением некоторых индивидов, а с осознанием ими себя как обособленной от остальных общностей группы, установлением границы между «мы» и «они». Только такое разграничение может трансформироваться в групповое сознание, а номинальная группа – в коллектив [7].

Некоторые исследователи выделяют такой вид группового сознания, как пенитенциарный, рассматривая его как форму профессионального правосознания, «выраженную в совокупности взглядов, убеждений, ценностей, правовых установок и чувств к существующей и желаемой пенитенциарной действительности профессиональной группы лиц, объединяющей всех работников уголовно-исполнительной системы» [11, с. 99–100]. На наш взгляд, представлять пенитенциарное правосознание сотрудников ФСИН России на уровне профессионального, в котором сочетаются «определенный запас правовых знаний, развитость правовых чувств, сформированность правовых установок, наличие устойчивых стереотипов социально активного правомерного поведения, соответствующего социальным ожиданиям и надеждам, возлагаемым на него, и нормативным требованиям, предъявляемым к его носителю как субъекту профессиональной юридической деятельности» [15], к сожалению, рано.

Профессиональное правосознание традиционно рассматривается применительно к юристам-практикам в связи с их правовой деятельностью [14]. Сотрудники уголовно-исполнительной системы образуют различные группы индивидуумов на основе профессиональных интересов, отношения к праву и т. д. Стоит подчеркнуть, что в фор-

мируемую сферу собственных ожиданий и стремлений лица, поступающие на службу в силовые структуры, сознательно включают добровольное восприятие дополнительных ограничений в правовой реальности, устанавливаемых в связи с профессиональной необходимостью, выполнением определенных обязанностей. Сущностная наполненность дефиниции «корпоративность», по словарю Д. Н. Ушакова, заключается в преданности интересам корпорации, поэтому предлагаем правосознание, присущее сотрудникам ФСИН России, отнести к корпоративному пенитенциарному уровню.

Логично сознание на корпоративном уровне выразить многообразием собранных в единое целое индивидуальных уровней работников определенной сферы деятельности, организации, обобщая методом простого их суммирования, путем аналогии в соотношении общего, особенного и единичного.

Установить эталонный уровень правового сознания сотрудников ФСИН России довольно затруднительно, но наделение корпоративным статусом позволяет учитывать его динамику от обыденного до научного [6, с. 48]. Так, при изучении вопроса о дефиниции, структуре, функциях корпоративного правосознания стоит руководствоваться устоявшейся классификацией правосознания, основанной на дифференциации его уровней (будничное, научное, профессиональное), которые определяются качеством, степенью развития основных элементов, глубиной отражения правовых средств, обусловленных характером предметной деятельности субъектов (носителей правосознания) в сфере правового регулирования [10, с. 128–130].

Очевидным представляется существование зависимости цели правомерной деятельности организации от состояния существующего в том или ином обществе индивидуального и коллективного правосознания, а также от того, насколько интенсивно и в каком направлении оно подвергается ценностно-ориентационному воздействию [12, с. 37].

Фиксируя развитие правового сознания сотрудников ФСИН России на этапе корпоративного, все же подчеркнем необходимость его профессионализации по причине того, что все сотрудники системы задействованы в надзоре за осужденными (приказ Минюста России от 07.03.2000 № 83 «Об утверждении инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях»), воспитательной рабо-

те, трудовой деятельности и в целом имеют право на правоприменительную и правореализационную деятельность по отношению к осужденным в пределах своих функциональных обязанностей.

Следует отметить, что сам термин «профессиональное правосознание» прочно вошел в научный оборот благодаря работам С. С. Алексеева, В. Н. Кудрявцева, Р. А. Кузнецова, В. В. Лазарева, В. А. Леванского, С. В. Липня, Н. Я. Соколова и др.

Так, по мнению С. С. Алексеева, профессиональное правосознание – это представление о праве, формирующееся у юристов-профессионалов, специалистов-правоведов на основе специальных юридических знаний [1, с. 112].

В. В. Лазарев и С. В. Липень утверждают, что данное понятие в основном употребляется в узком значении как профессиональное правосознание юристов, то есть как одна из групповых форм правосознания, представляющая собой совокупность правовых знаний, ценностных ориентаций, чувств и иных элементов правового сознания социально-профессиональных групп, занимающихся юридической деятельностью, и требующая специализированного образования и практики [9].

Разделяя точку зрения о том, что профессиональное правосознание – это одна из групповых форм правового сознания, выступающая в виде системы правовых знаний, представлений, убеждений, а также чувств, стереотипов и традиций, складывающихся в общности людей, имеющих специальное юридическое образование и профессионально занимающихся тем или иным видом юридической деятельности, следует заметить, что это правосознание юристов-профессионалов (юристов-практиков).

В качестве признаков профессионального правосознания юристов можно выделить следующие:

а) для его субъектов работа в области применения права, надзора за соблюдением порядка и т. д. является профессией;

б) доскональное знание субъектами норм права, регулирующих многочисленные виды юридической деятельности, а также соответствующих юридических процедур;

в) переход из системы правовых взглядов, представлений в систему правовых принципов, убеждений, установок и далее непосредственно на культуру юридической (в особенности правоприменительной) практики.

Для более полной характеристики профессионального правосознания, на наш

взгляд, необходимо провести анализ сущности понятия «профессионализм», уделяя внимание как теоретическим, так и прикладным его аспектам. Как отмечает А. А. Бодалев, постижение сущности профессионализма, видение и постижение путей, ведущих к нему, имеет не только сугубо теоретическое, но и большое практическое значение. В стране огромное число людей, которые продвигаются в политике, экономике, в сфере управления, в науке, во многих других областях деятельности и не являются при этом профессионалами во всем значении этого слова [3, с. 8].

Отметим, что профессионализм складывается из трех взаимосвязанных элементов: знаний, квалификации и компетенции (компетентности). Среди них именно компетенция сегодня играет ведущую роль.

Компетентность индивида в современном обществе, как считает Д. Равен, должна сочетать и элементы профессиональной деятельности, и умение влиять на общество в целом. Компетентное поведение обусловлено мировоззрением человека, его пониманием необходимости совершения определенных действий. «Компетентное поведение среди прочего зависит от готовности включаться в субъективно значимые действия, например стремиться повлиять на происходящее в своей организации или на направление движения общества, адекватного понимания того, как функционируют организация и общество, где человек живет и работает, и адекватного восприятия собственной роли и роли других людей в организации и в обществе в целом, а также адекватного представления о роли понятий, связанных с управлением организациями» [13, с. 150]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что профессиональное правосознание и профессионализм практически неотделимы друг от друга. Вот почему важно иметь достаточное представление как о теоретических, так и о практических аспектах соотношения профессиональной деятельности юристов с особенностями, содержанием, структурой, уровнем их профессионального правосознания и его функциональным предназначением.

На наш взгляд, базовыми чертами профессионализма юриста, в частности сотрудника ФСИН России, сегодня должны быть:

1) формальная подготовка, получаемая в рамках образовательных организаций, в первую очередь ведомственных, которые обладают правом сертифицировать качество и компетентность выпускников (на-

пример, право выдавать дипломы государственного образца о высшем образовании с присвоением квалификации);

2) демонстрация и реализация умений, полученных в ходе формальной подготовки, в профессиональной юридической деятельности (преимущественно в правоприменительной практике);

3) институциональные механизмы, гарантирующие, что полученные компетенции (общекультурные, профессиональные, профессионально-специализированные) будут использованы социально значимым способом.

Самым же важным показателем профессионализма юристов является высокий уровень профессионального правосознания.

Отметим также, что профессиональное правосознание определяется спецификой деятельности юристов-практиков, то есть особой компетенцией в сфере юридической деятельности, а именно исполнением властных, управленческих, правоохранительных и иных функций. В силу этого общей теоретико-методологической основой для анализа профессионального правосознания юристов, в частности сотрудников ФСИН России, выступают их права и обязанности в соответствии с занимаемой должностью и с позиций сложившихся в обществе правовых норм и принципов, реализуемые в ходе выполнения возложенных на них профессиональных задач.

Следует акцентировать внимание на том, что профессиональное правосознание представителей отдельных служб и подразделений уголовно-исполнительной системы (например, юрисконсульты, работники оперативной службы, службы безопасности и др.) может приближаться к научному уровню познания правовой реальности, то есть им свойственна высокая степень знания и понимания правовых явлений, а у других (к примеру, работающих с кадрами, сотрудников организационно-аналитической группы, инженеров служб обеспечения) оно находится на обыденном уровне, то есть отличается слабым знанием и пониманием правовых явлений. Это определяется тем обстоятельством, в какой степени конкретная социально-профессиональная группа юристов в силу выполняемых ею функций связана с правом и практикой его применения.

Таким образом, выстраивается следующая закономерность: чем выше уровень профессионального правосознания, тем в большем объеме субъекты юридической деятельности вынуждены реализовывать

право, то есть осуществлять правоприменительную практику, и наоборот.

Также можно предположить, что исходя из конкретной направленности профессиональной деятельности (должности) профессиональное правосознание можно подразделить, например, на профессиональное правосознание начальников отряда, оперативных работников и т. д., но в этом случае речь уже будет идти о правосознании микрогрупп и индивидуальном правосознании [16].

Итак, можно утверждать, что профессиональная деятельность такой социально-профессиональной группы, как сотрудники ФСИН России, фактически является разновидностью юридической деятельности, в большей степени правоприменительной. Следовательно, их профессиональное правосознание и правосознание других представителей юридической профессии в основных своих чертах если не идентично, то имеет много общего.

Понимание того, что использование только общетеоретических методов исследования является важным, но недостаточным для изучения профессионального правосознания, вызывает к жизни необходимость применения специальных социологических методов. На наш взгляд, это особенно значимо для изучения профессионального правосознания юристов, так как позволит объективно оценить его уровень на современном этапе развития российского общества, выявить возможные отклонения в негативную сторону (деформационные проявления) и предложить пути совершенствования.

Анализ имеющихся исследований по рассматриваемому вопросу позволяет сформировать дефиницию профессионального правосознания: это система социально-культурных факторов правового осознания многовекторности состояния различных аспектов специфической (юридической) деятельности каждой определенной группы юристов, выступающая надежным гарантом реализации их профессиональной (юридической и психологической) подготовки, как истинных профессионалов. Достаточный уровень правосознания (профессиональный) мотивирует правовую активность юристов, являясь регулятором их юридической деятельности. Здесь речь идет о так называемом внешнетеоретическом понимании профессионального правосознания специалистов юридической профессии.

Рассматривая внутренние механизмы формирования профессионального право-

сознания, стоит заострить внимание на постепенном системном становлении правовых знаний, убеждений, навыков, а также соответствующих правовых чувств, эмоций, переживаний, определяющих процесс правовой оценки (позитивной, негативной или нейтральной) действующего законодательства, юридической практики, деятельности юристов, структуры ФСИН России в целом и трансформации данной оценки в конкретные формы правового поведения.

Таким образом, на основании изложенного представляется возможным сделать следующие выводы:

Профессиональное правосознание – одна из групповых форм правового сознания, выступающая в виде системы правовых знаний, правовых представлений, правовых убеждений, а также правовых чувств, правовых стереотипов и правовых традиций, складывающихся в общности людей, имеющих специальное юридическое образование и профессионально занимающихся тем или иным видом юридической деятельности, то есть свойственных правосознанию юристов-профессионалов (юристов-практиков).

Профессиональное правосознание обладает следующими признаками: а) под ним подразумевается правосознание тех людей, для которых работа в области применения права, охраны общественного порядка и т. д. является профессией; б) доскональное знание субъектами норм права, регулирующих конкретные виды юридической деятельности, а также соответствующих юридических процедур; в) переход из системы правовых взглядов в систему правовых принципов, убеждений, установок и далее непосредственно на культуру юридической (в особенности правоприменительной) практики.

Профессиональное правосознание определяется спецификой деятельности юристов-практиков, то есть особой компетенцией в сфере юридической деятельности, а именно исполнением властных, управленческих, правоохранительных и иных функций, поэтому общей теоретико-методологической основой для анализа профессионального правосознания юристов, в частности сотрудников ФСИН России, являются их права и обязанности в соответствии с занимаемой должностью и с позиций

сложившихся в обществе правовых норм и принципов, реализуемых в ходе выполнения возложенных на них профессиональных задач. То есть оно является больше практическим, нежели теоретическим и в отличие от иных форм общественного сознания больше связано с профессиональным опытом и компетентностью его носителей, накопленными в процессе профессиональной юридической деятельности.

Профессиональное правосознание представителей одних групп юристов может приближаться к научно-теоретическому уровню познания правовой действительности, а у других находится на обыденном уровне. Это зависит от того, в какой степени конкретная социально-профессиональная группа юристов в силу выполняемых ими профессиональных функций связана с правом и практикой его применения. Таким образом, выстраивается следующая закономерность: чем выше уровень профессионального правосознания, тем в большем объеме субъекты юридической деятельности вынуждены реализовывать право, то есть осуществлять правоприменительную практику, и наоборот.

Профессиональная деятельность такой социально-профессиональной группы, как сотрудники ФСИН России, фактически является разновидностью юридической деятельности, в большей степени правоприменительной. Следовательно, их профессиональное правосознание и правосознание других представителей юридической профессии в основных своих чертах если не идентично, то имеет много общего.

Также следует отметить, что на современном этапе актуальными являются вопросы о поддержании высокого уровня профессионального правосознания в группе сотрудников уголовно-исполнительной системы, других группах юристов-профессионалов, роли и месте профессионального правосознания в правовом регулировании. Факторами формирования профессионального правосознания, а также своевременной профилактики, предупреждения его деформации стоит считать правовое обучение и воспитание, воздействие ближайшего окружения, общие механизмы правовой социализации, создание удовлетворительного уровня жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. 320 с.
2. Антопольская Т. А. Социально-психологические факторы детерминации генезиса малой группы : дис. ... канд. психол. наук. Курск, 1995. 163 с.

3. Бодалев А. А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М., 1998. С. 8.
4. Борзенко Ю. А. Пенитенциарное правосознание в российском обществе: современное состояние и проблемы развития : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. 149 с.
5. Борзенко Ю. А. Пенитенциарное правосознание как форма профессионального правосознания // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 99–100.
6. Бреднева В. С. Уровни правосознания и юридическая деятельность : моногр. Южно-Сахалинск, 2010. С. 48.
7. Думнова Э. М. Динамика ментального пространства российской молодежи в условиях транзитивного общества (социально-философский анализ) : дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 2016. 324 с.
8. Кудрявцев В. Н. Право и поведение: норма и патология. М., 1982. 191 с.
9. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 2000. 511 с.
10. Пересадына О. В. Структура профессионального правосознания сотрудников органов внутренних дел // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57). Ч. 1. С. 128–130.
11. Погодин А. В. Проблемы теории и практики правового нигилизма современной России // Право и государство: теория и практика. 2016. № 5. С. 6–11.
12. Поленина С. В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право. 2008. № 1. С. 37.
13. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М., 2002. С. 150.
14. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988. 224 с.
15. Шерменев М. А. Деформации профессионального правосознания сотрудников УИС : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
16. Щедрин О. Г. Этнические особенности русского правосознания : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 201 с.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Teorija prava [Theory of Law]. Moscow, 1995. 320 p. (In Russ.).
2. Antopol'skaja T. A. Social'no-psihologicheskie faktory determinacii genezisa maloj gruppy : dis. ... kand. psihol. nauk [Socially-psychological factors of determination of genesis of small group : the diss. ... PhD. in Psychology]. Kursk, 1995. 163 p. (In Russ.).
3. Bodalev A. A. Vershina v razvitii vzroslogo cheloveka: harakteristiki i uslovija dostizhenija [The peak in the development of an adult: characteristics and conditions for achieving]. Moscow, 1998. P. 8. (In Russ.).
4. Borzenko Ju. A. Penitenciarное pravosoѕnanie v rossijskom obshhestve: sovremennoe sostojanie i problemy razvitiya: dis. ... kand. jurid. nauk [Penitentiary sense of justice in Russian society: the current state and problems of development : the diss. ... PhD. in Law]. Vladimir, 2009. 149 p. (In Russ.).
5. Borzenko Ju. A. Penitenciarное pravosoѕnanie kak forma professional'nogo pravosoѕnaniya [Penal legal consciousness as a form of professional legal consciousness]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation. 2008. Iss. 2. Pp. 99–100. (In Russ.).
6. Bredneva V. S. Urovni pravosoѕnaniya i juridicheskaja dejatel'nost' : monogr. [Levels of legal awareness and legal activity : monograph]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2010. P. 48. (In Russ.).
7. Dumnova Je. M. Dinamika mental'nogo prostranstva rossijskoj molodezhi v uslovijah tranzitivnogo obshhestva (social'no-filosofskij analiz) : dis. ... d-ra filos. nauk [Dynamics of the mental space of Russian youth in a transitive society (socio-philosophical analysis) : the diss. ... Dsc. in Philosophy]. Novosibirsk, 2016. 324 p. (In Russ.).
8. Kudrjavcev V. N. Pravo i povedenie: norma i patologija [Law and behavior: norm and pathology]. Moscow, 1982. 191 p. (In Russ.).
9. Lazarev V. V., Lipen' S. V. Teorija gosudarstva i prava [Theory of Government and Rights]. Moscow, 2000. 511 p. (In Russ.).
10. Peresadina O. V. Struktura professional'nogo pravosoѕnaniya sotrudnikov organov vnutrennih del [Structure of professional legal awareness of employees of law enforcement bodies]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice. 2015. Iss. 7 (57). Pt. 1. Pp. 128–130. (In Russ.).
11. Pogodin A. V. Problemy teorii i praktiki pravovogo nigelizma sovremennoj Rossii [Problems of the theory and practice of legal nihilism of modern Russia]. Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika – Law and State: Theory and Practice. 2016. Iss. 5. Pp. 6–11. (In Russ.).
12. Polenina S. V. Problema nacional'no-kul'turnoj identichnosti v svete vzaimodejstvija pravovyh sistem sovremennosti [The problem of national and cultural identity in the light of the interaction of legal systems of our time]. Gosudarstvo i pravo – State and Law. 2008. Iss. 1. Pp. 37. (In Russ.).
13. Raven Dzh. Kompetentnost' v sovremenom obshhestve: vyjavlenie, razvitie i realizacija [Competence in modern society: identification, development and implementation]. Moscow, 2002. P. 150. (In Russ.).
14. Sokolov N. Ja. Professional'noe soznanie juristov [Professional consciousness of lawyers]. Moscow, 1988. 224 p. (In Russ.).
15. Shermenев M. A. Deformacii professional'nogo pravosoѕnaniya sotrudnikov UIS : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Deformations of professional legal consciousness of the penal staff : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Vladimir, 2006. (In Russ.).
16. Shhedrin O. G. Jetnicheskie osobennosti russkogo pravosoѕnaniya : dis. ... kand. jurid. nauk [Ethnic peculiarities of Russian legal consciousness : the diss. ... the PhD. in Law]. Rostov-on-Don, 2004. 201 p. (In Russ.).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9.07

Социально-психологические особенности жизненных перспектив делинквентных подростков

С. А. КРАСНЕНКОВА – начальник психологической службы отдела воспитательной работы с осужденными УФСИН России по Воронежской области, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук;

И. И. МАРКОВА – доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук

Реферат

Анализ результатов эмпирического исследования позволил выявить особенности жизненных перспектив делинквентных подростков. Для испытуемых характерно противоречивое отношение к прошлому, настоящему и будущему, выражен разрыв между ними. Подростки предпочитают функцию исполнителя, не желают брать на себя ответственность за происходящие в жизни события. Доминирует ситуативная направленность на разрешение возникающих в жизни трудностей. Духовная направленность при этом выражена слабо. У делинквентных подростков низкий уровень осознанности своих жизненных предназначений. Это неблагоприятствующий фактор в самореализации. Делинквентные подростки имеют низкий уровень реалистичности и согласованности временной перспективы. Они не видят разницы между событиями, происходящими в их жизни, живут одним днем, планируют будущее только на ближайшие пять лет, излишне мечтательны, негативно относятся к происходящим событиям.

Изучение жизненной перспективы делинквентных подростков – одно из важных условий профилактики дезадаптации. Помощь в проектировании жизненной перспективы направлена на поиск выхода из замкнутого круга «неблагополучное прошлое и настоящее» – «неблагополучное будущее». Проектирование жизненных перспектив позволит подросткам лучше подготовиться к самостоятельной жизни в обществе, социально-психологической адаптации и тем самым снизит риски девиантного поведения.

Ключевые слова: социализация; десоциализация; социально дезадаптированные подростки; социально адаптированные подростки; подростки с делинквентным поведением; особенности жизненных перспектив делинквентных подростков.

Social-psychological features of life prospects of delinquent adolescents

S. A. KRASNENKOVA – Associate Professor of the Department of Practical Psychology of the Voronezh State Pedagogical University, Chief of the Department of Educational Work with Convicts of the Federal Penal Service in Voronezh region, PhD. in Psychology;

I. I. MARKOVA – Associate Professor of the Department of Practical Psychology of the Voronezh State Pedagogical University, PhD. in Psychology

Abstract

Analysis of the results of the empirical study made it possible to reveal the socio-psychological characteristics of the life prospects of delinquent adolescents. For subjects with delinquent behavior a contradictory attitude toward the past, the present and the future is characteristic, the gap between them is expressed. In the course of realizing their life purpose teenagers of this category prefer the performer function. They do not want to take responsibility for events in life, prefer to avoid it. The situational focus on resolving the difficulties encountered in life dominates. Spiritual orientation is weakly expressed. Delinquent adolescents have a low level of awareness of their life's destinies. This is an unfavorable factor in self-realization. Delinquent adolescents have a low level of realism and consistency of the time perspective. They do not see the difference between the events taking place in their lives, live by one day, plan the future only for the next five years. These teenagers are unnecessarily dreamy. In their perception a negative attitude toward events is prevailing.

Studying the life prospects of delinquent adolescents is one of the most important conditions for preventing disadaptation. Helping delinquent adolescents in forming their life prospects will help create the preconditions for the exit of this category of children from the vicious circle of «dysfunctional past and present» - «unfavorable future». Forming life prospects will allow adolescents to prepare better for an independent life in society, social and psychological adaptation and thereby reduce the risks of deviant behavior.

Keywords: socialization; desocialization; socially maladjusted adolescents; socially adapted adolescents; adolescents with delinquent behavior; peculiarities of life prospects of delinquent adolescents.

Девиантное поведение подростков всегда было острой проблемой. Актуализация ее в настоящее время обусловливается усложнением условий функционирования общества в целом, неустойчивостью, напряженностью социальных процессов, что вызывает массовые состояния психоэмоционального напряжения, всплески алкоголизации, наркотизации, агрессивности, криминальной активности и другие негативные явления.

В результате неблагоприятного психосоциального развития процесс социализации личности нарушается, что проявляется в виде отклоняющегося поведения. По мнению С. А. Беличевой, десоциализация – это социализация под влиянием негативных факторов, дезадаптация, выраженная в нарушении моральных и нравственных норм и правил, деформации системы внутренней саморегуляции, формировании искаженных ценностно-нормативных представлений, антиобщественной направленности личности [1]. Десоциализация личности проявляется в рефрактерности к общественным нормам и ценностям.

Личность асоциального типа формируется под влиянием окружения, декларирующего антиобщественные принципы, нормы и правила.

Поведение социализированной, или социально адаптированной, личности отличается стремлением соответствовать общественным нормам. Десоциализированные,

или социально дезадаптированные, личности характеризуются девиантным поведением, отклоняющимся от социальных норм. Но если девиантное поведение нарушает моральные, нравственные и этические нормы, то делинквентное связано с нарушением правовых норм. Дезадаптация, при которой поведение носит противоправный или антиобщественный характер, – крайняя форма нарушения социализации [2].

В. Франкл рассматривает девиантное поведение как следствие переживания человеком экзистенциальной фрустрации, духовного вакуума, ощущения пустоты и бессмысленности. Внутреннее время, время переживаний, теряет свою структуру, когда человек теряет будущее. Стремление к какой-либо цели в будущем придает жизни или ее некоторому отрезку смысл и духовную опору, отсутствие же значимых целей ведет к чувству внутренней опустошенности [6].

Деструктивное поведение разрушительно как для чужой жизни, так и для жизни самой личности.

Изучение жизненной перспективы делинквентных подростков – одно из важных условий профилактики дезадаптации. Поведение определяется не только положением дел в настоящем, но также событиями прошлого и образом будущего, представленными во временной перспективе субъекта. Уровень реалистичности перспективы будущего у человека является базовым

условием его позитивного влияния на свое текущее поведение. И в этом смысле недостаточно исследований, направленных на выделение содержательных компонентов жизненной перспективы делинквентных подростков.

Помощь делинквентным подросткам в проектировании жизненной перспективы направлена на создание предпосылок для выхода из замкнутого круга «неблагополучное прошлое и настоящее» – «неблагополучное будущее».

Жизненные планы несовершеннолетних осужденных рассматривались в контексте изучения проблем направленности личности (А. С. Михлин, В. Ф. Пирожков, Ю. Р. Саар), жизненных перспектив правонарушителей (Н. А. Деева, Л. Ф. Козлова), ценностей (Н. А. Донцов, В. А. Ласточкин, А. С. Михлин). При изучении отношения к времени еще в 70–90-е гг. XX в. было выявлено что, отличительной чертой девиантов является гедонистическое отношение к настоящему времени. На фоне несформированности критериев ценности и актуальности времени картина настоящего оказывается весьма расплывчатой – текущее время осужденные воспринимают менее значимым и полезным, более скучным и пустым, непривлекательным.

На современном этапе изучения данной проблемы большинство исследований направлено на выявление взаимосвязи жизненной перспективы и смысложизненных, ценностных ориентаций делинквентных подростков (А. А. Доля, Ж. С. Мамедова, Д. В. Иванов, О. В. Липунова, Е. А. Митицина, Ю. В. Сеницына).

В коллективной монографии И. А. Ральниковой, О. С. Гуровой, Е. А. Иполитовой «Жизненные перспективы личности: риски воспроизводства девиантного поведения» показано, что деформации ценностно-смыслового, когнитивного, эмоционально-оценочного измерений интегрального образа будущего обуславливают сдвиг риска к воспроизводству различных форм девиантного поведения: курение, алкоголизм, наркомания, проституция, интолерантность и др. Рассматриваются вопросы профилактики девиантного поведения человека и рисков воспроизводства посредством проектирования адаптивной жизненной перспективы. Однако подростковый контингент авторами не исследуется [5].

Несмотря на то что отдельные аспекты рассматриваемой проблемы достаточно широко представлены в работах российских

и зарубежных ученых, проблема жизненной перспективы подростков с делинквентным поведением остается недостаточно изученной, что затрудняет поиск эффективных технологий профилактики отклоняющегося поведения.

Формирование жизненных планов, предполагающее социальное самоопределение, характерная черта старшего подросткового возраста. Именно в этот возрастной период происходит становление мировоззрения, определение жизненных целей, планов, смысла существования личности в социуме и ее места в нем.

При этом жизненные планы десоциализированных, социально дезадаптированных несовершеннолетних и их социализированных, социально адаптированных сверстников часто идентичны.

Отсюда актуальность исследования особенностей жизненных перспектив делинквентных подростков.

В этой связи было проведено эмпирическое исследование, в котором принимали участие 60 лиц мужского пола в возрасте 15–16 лет. Базой исследования выступили учреждения, подведомственные УФСИН России по Воронежской области, а также лицеи и общеобразовательные школы Воронежа.

В основную группу вошли 30 чел. с делинквентным поведением: лица, совершившие преступления против личности, либо в сфере экономики, либо против общественной безопасности и общественного порядка и на момент проведения исследования содержащиеся в пенитенциарных учреждениях; в контрольную группу составили их социализированные, социально адаптированные сверстники – 30 учащихся средних и старших классов лицеев и общеобразовательных школ без признаков склонности к делинквентному поведению.

Для изучения делинквентных подростков применялся следующий психодиагностический инструментарий: методика «Диагностика отношения к прошлому, настоящему и будущему» А. М. Прихожан [4], анкета о развитии временной перспективы Ж. А. Леснянской [2], методика «Жизненное предназначение» О. И. Моткова [3].

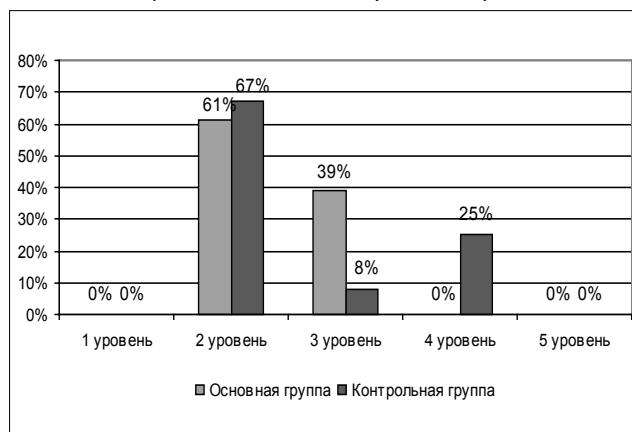
Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, были обработаны путем качественного и количественного анализа. Достоверность различий в основной и контрольной группах определялась с помощью критерия χ^2 -Фишера, критерия согласия Пирсона. Критерием достоверности различий было выбрано значение $p < 0,05$. Количе-

ственный анализ осуществлялся с помощью программы IBM SPSS Statistics 19.

По методике А. М. Прихожан были получены следующие результаты (см. диагр. 1):

Диаграмма 1

Гистограмма распределения уровней отношения к прошлому, настоящему и будущему (методика А. М. Прихожан)

У большинства испытуемых основной (61 %) и контрольной (67 %) групп выражен 2-й уровень отношения к прошлому, настоящему и будущему, что свидетельствует о достаточно реалистичном, а также оптимистичном представлении о будущем и прошлом, согласованность представлений соответствует социально-психологическому нормативу.

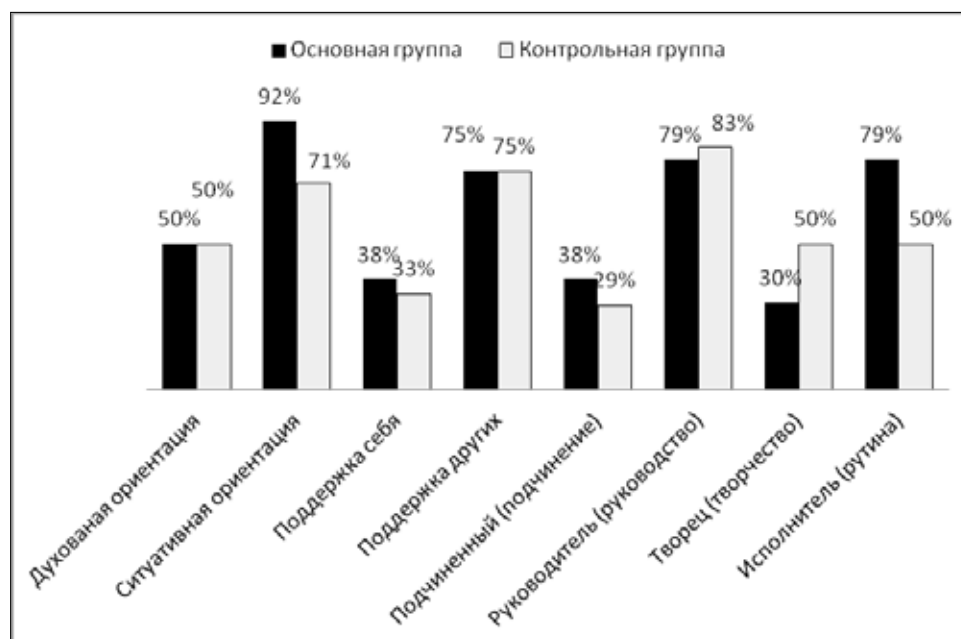
У испытуемых основной группы (39 %), в отличие от контрольной (8 %), преобладает 3-й уровень отношения к прошлому, настоящему и будущему, это свидетельствует о противоречивом отношении к прошлому, настоящему и будущему, характеризует разрыв между ними.

В контрольной группе 25 % опрошенных относятся к временной трансперспективе 4-го уровня, это указывает на отрицательное отношение к прошлому, настоящему и будущему.

На диагр. 2 представлены результаты жизненного предназначения испытуемых.

Диаграмма 2

Гистограмма распределения показателей жизненного предназначения испытуемых (методика О. И. Моткова)

У испытуемых основной (92 %) и контрольной (71 %) групп доминирует ситуативная ориентация.

Позицию руководителя в основной группе выбирают 79 % опрошенных, в контрольной – 83 %; позицию исполнителя – 79 % и 50 % соответственно.

Поддержка других в трудных ситуациях, как и выбор духовной жизненной ориентации, имеют важное значение в обеих

группах (50 % и 50 %); по такому параметру, как «творец – творчество», испытуемые также имеют одинаковые показатели (50 %).

Поддержка себя для опрошенных основной (38 %) и контрольной (33 %) групп выражена слабо.

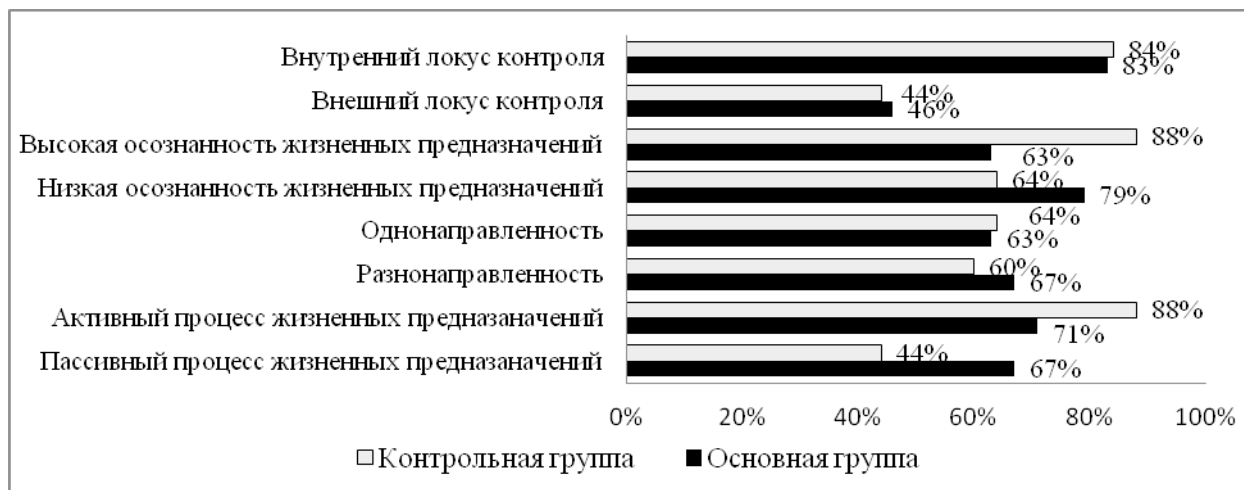
Направленность на подчиненные должности у основной группы (38 %) доминирует по отношению к контрольной (29 %).

Обратимся к внутриличностным факторам, благоприятствующим и не благоприятствующим осуществлению жизненных предназначений (см. диагр. 3).

являющимся осуществлению жизненных предназначений (см. диагр. 3).

Диаграмма 3

Распределение внутриличностных факторов, благоприятствующих и не благоприятствующих осуществлению жизненных предназначений (методика О. И. Моткова)

Большинство испытуемых контрольной (84 %) и основной (83 %) групп выбирают внутренний locus контроля (благоприятствующий фактор).

Участники основной группы (79 %) имеют более низкую осознанность жизненных предназначений по сравнению с контрольной (64 %), что указывает на выраженность неблагоприятных факторов жизненных предназначений.

Активный процесс жизненных предназначений (благоприятствующий фактор) выражен у 88 % испытуемых контрольной группы и у 71 % основной. Высокую осознанность жизненных предназначений имеют соответственно 88 % и 63 % опрошенных.

Пассивный процесс жизненных предназначений отмечен 67 % респондентов основной группы и 44 % контрольной (неблагоприятствующий фактор).

Внешний locus контроля имеют 46 % испытуемых основной группы и 44 % контрольной, это является неблагоприятствующим фактором. Высокий уровень гармоничности личностных характеристик выражен у 34 % испытуемых основной группы и 25 % соответственно; средний уровень доминирует у 29 % и 34 % соответственно; псевдовысокий у 29 % и 17 %. У 8 % девиантов отмечен низкий уровень гармоничности личностных характеристик, в контрольной группе данный уровень выражен у каждого четвертого опрошенного (25 %).

Анализ результатов исследования развития временной перспективы (анкета Ж. А. Леснянской) показал, что высокий уро-

вень выражен у 77 % респондентов основной группы и 80 % контрольной. Настоящее является результатом прошлого, будущее зависит от настоящего. Все категории имеют значение. Испытуемые с высоким уровнем продолжительности планируют свою жизнь, будущее разделяют на этапы, ставят цели в жизни, указывают этапы, относящиеся к периоду зрелости, понимают, что будущее зависит от настоящего, находят баланс между позитивными и негативными событиями. Оптимистичность в развитии временной перспективы выражена у 69 % опрошенных основной группы и 73 % контрольной. По результатам дифференцированности временной перспективы доминирует высокий уровень (62 % и 60 % соответственно).

Большинство испытуемых основной группы (73 %) имеют низкий уровень реалистичности. Отсутствует разница между событиями в жизни. Они ориентированы на конкретный промежуток времени, нет целостной картины жизни. Будущая жизнь планируется на ближайшие пять лет, взгляд в будущее ограничен. Присутствует излишняя мечтательность. Негативные события преобладают над позитивными. Высокий уровень реалистичности имеют 67 % опрошенных.

Низкий уровень согласованности в развитии временной перспективы выражен у 65 % опрошенных основной группы и 53 % контрольной.

Анализ результатов проведенного исследования позволил сделать следующие вы-

воды об особенностях жизненных перспектив делинквентных подростков:

- противоречивое отношение к прошлому, настоящему и будущему, выраженный разрыв между ними;

- предпочтение функции исполнителя. Подростки не желают брать на себя ответственность за происходящие в жизни события, предпочитают избегать ее. Выражена ситуативная направленность на разрешение возникающих в жизни трудностей. Духовная направленность при этом выражена слабо;

- низкий уровень осознанности своих жизненных предназначений (неблагоприятствующий фактор в самореализации);

- низкий уровень реалистичности и согласованности временной перспективы. Подростки не видят особой разницы между событиями, происходящими в их жизни, живут одним днем, планируют будущее только на ближайшие пять лет, излишне мечтательны, в их восприятии преобладает негативное отношение к происходящим событиям.

Профилактику девиантного поведения и рисков его возобновления возможно осу-

ществлять посредством выстраивания или переструктурирования образа будущего. Новый образ будущего, более эмоционально притягательный, интересный, мотивационно наполненный, способен выступить в качестве условия изменений, происходящих с личностью, развития осмысленного, реалистичного, ответственного отношения к процессу развертывания собственной жизни.

Формирование жизненной перспективы в подростковом возрасте возможно через введение в образовательный и воспитательный процесс психолого-педагогических программ, ориентированных на развитие у подростков способностей планировать желаемое будущее, ставить реалистичные цели, определять доступные пути их реализации, развивать рефлексивные умения, важно учить подростков использовать возможности опережающего отражения, развивать личную ответственность за результаты своей активности, повышать осмысленность жизненного выбора, проводить самоанализ индивидуальной активности в контексте становления жизненных перспектив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беличева С. А. Превентивная психология в подготовке социальных педагогов и психосоциальных работников. СПб., 2012. 336 с.
2. Красненкова С. А., Маркова И. И. Социализация подростков и риски асоциального поведения : учеб. пособие. Воронеж, 2016. 368 с.
3. Мотков О. И. Методика «Жизненное предназначение» // Вестник Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 1. С. 23–37.
4. Прихожан А. М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М., 2007. 56 с.
5. Ральникова И. А., Гурова О. С., Иполитова Е. А. Жизненные перспективы личности: риски воспроизводства девиантного поведения. Барнаул, 2012. 286 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 226 с.

REFERENCES

1. Belicheva S. A. Preventivnaja psihologija v podgotovke social'nyh pedagogov i psihosocial'nyh rabotnikov [Preventive psychology in the training of social pedagogues and psychosocial workers]. St. Petersburg, 2012. 336 p. (In Russ.).
2. Krasnenkova S. A., Markova I. I. Socializacija podrostkov i riski asocial'nogo povedenija : ucheb. posobie [Socialization of adolescents and risks of asocial behavior : tutorial]. Voronezh, 2016. 368 p. (In Russ.).
3. Motkov O. I. Metodika «Zhiznennoe prednaznachenie» [The method of «Life purpose»]. Vestnik Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna» – Bulletin of the International University of Nature, Society and Man «Dubna». 2013. Iss. 1. Pp. 23–37. (In Russ.).
4. Prihozhan A. M. Diagnostika lichnostnogo razvitiya detej podrostkovogo vozrasta [Diagnosis of personal development of adolescent children]. Moscow, 2007. 56 p. (In Russ.).
5. Ral'nikova I. A., Gurova O. S., Ipolitova E. A. Zhiznennye perspektivy lichnosti: riski vosproizvodstva deviantnogo povedenija [The life prospects of the person: risks for the reproduction of deviant behavior]. Barnaul, 2012. 286 p. (In Russ.).
6. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man in search of meaning]. Moscow, 1990. 226 p. (In Russ.).

УДК 159.9.075

Взаимосвязь степени рациональности установок и ощущения счастья у курсантов

Т. А. БАСИНА – старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Реферат

В статье рассматриваются результаты исследования степени рациональности установок и ощущения счастья с целью выявления взаимосвязи между ними на примере курсантов ведомственного вуза. Исследование проводилось на базе Вологодского института права и экономики ФСИН России. В нем приняли участие 30 курсантов второго курса психологического факультета, использовались методика диагностики степени иррациональности мышления А. Эллиса и шкала субъективного счастья С. Любомирски.

В результате анализа данных с привлечением методов математической статистики были установлены положительные корреляционные взаимосвязи между такими иррациональными установками, как долженствование в отношении себя, оценочная установка, фрустрационная толерантность, и ощущением счастья, а также между общей степенью рациональности мышления и субъективным ощущением счастья у курсантов. Полученные данные свидетельствуют о том, что степень рациональности мышления человека может выступать фактором формирования субъективного самоощущения, регулировать эмоциональную сферу человека, оказывать влияние на эффективность деятельности. Результаты исследования подчеркивают необходимость коррекции иррациональных установок человека для повышения субъективного ощущения счастья.

Ключевые слова: рациональное мышление; иррациональное мышление; иррациональные установки; рационально-эмоционально-поведенческая терапия; курсанты ведомственного учреждения.

The relationship between the degree of rationality of attitudes and the sense of happiness of cadets

T. A. BASINA – Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

Abstract

The article examines the results of a study of the degree of rationality of attitudes and feelings of happiness on the example of cadets of the departmental institution with the aim of establishing the relationship between them. The study was conducted on the basis of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. It was attended by 30 cadets of the 2nd year of the Psychology Faculty. The study used the technique of diagnosing the degree of thinking irrationality by A. Ellis and subjective happiness scale by S. Lyubomirsky. As a result of data analysis using mathematical statistics methods, positive correlation relationships were established between such irrational attitudes as self-esteem, appraisal, frustration tolerance and a sense of happiness, as well as between the general degree of rationality of thinking and the subjective sense of happiness in cadets. The received data testify that the degree of rationality of human thinking can be a factor in the formation of subjective self-perception, regulate the emotional sphere of a person and influence the effectiveness of activities. The results of the study underscore the need to correct irrational attitudes of the individual to increase the subjective sense of happiness. The obtained data can be used in the activity of practical psychologists of various branches of psychology.

Keywords: rational thinking; irrational thinking; irrational attitudes; rational-emotional-behavioral therapy; cadets of a departmental institution.

С середины XX в. начинает развиваться и становится популярной рациональная терапия, разработанная А. Эллисом и переименованная им сначала в рационально-эмоциональную, а затем в рационально-эмоционально-поведенческую.

Большинство наших проблем, считал А. Эллис, возникает из-за иррациональных установок, которые омрачают людям жизнь, увеличивают риск возникновения неврозов, депрессий, являющихся одними из самых распространенных психических расстройств на сегодняшний день. Так, ежегодно около 150 млн чел. в мире лишаются трудоспособности из-за депрессий [1]. Распространенность невротических расстройств в России достигает 69,9 % [2]. Основной целью рационально-эмоциональной поведенческой терапии А. Эллиса является диагностика и исправление иррациональных установок человека, что помогает приблизить личность к состоянию эмоционального благополучия, уменьшить число неврозов.

Понятие «иррациональность» подразумевает необдуманное проявление мыслей, чувств, решений, поступков человека. Иррациональное (от лат. *irrationalis* – неразумный) поведение связано с достижением целей без предварительной оценки сложившейся ситуации и существующих возможностей. Основой данного вида поведения являются интуитивные или чувственные порывы [3].

С точки зрения А. Эллиса, иррациональная установка – система индивидуальных иррациональных представлений о мире, усвоенная в большинстве случаев в детстве от значимых взрослых. Иррациональные установки опираются на жесткие эмоционально-когнитивные связи, носящие характер предписаний, требований, приказов, имеющие абсолютистский характер. Именно по этой причине иррациональные убеждения, как правило, не соответствуют реальности, противоречат объективно сложившимся условиям и всегда приводят к дезадаптации личности. Отсутствие возможности осуществлять иррациональные убеждения приводит к длительным неадекватным эмоциям. Сердцевиной эмоциональных нарушений как результата действия иррациональных установок является самообвинение.

Возникновение иррациональных суждений (установок) связано с прошлым пациента, когда ребенок воспринимал их, еще не имея навыка проведения критического анализа на когнитивном уровне и не обла-

дая возможностью опровергнуть их на поведенческом уровне. Он еще не сталкивался с ситуациями, которые могли бы их опровергнуть, или получал определенные подкрепления от социального окружения. Люди с легкостью придумывают абсолютные требования к себе, другим и миру в целом. Человек выдвигает такие требования, и если они не удовлетворяются в прошлом, настоящем или будущем, то начинает себя травмировать. Самоуничтожение включает в себя процесс общей негативной оценки своего Я и порицание собственного Я как плохого и недостойного. По А. Эллису, существуют четыре основные группы установок, чаще всего создающих проблемы у пациентов:

1. Установки долженствования, отражающие иррациональное убеждение в том, что есть универсальные долженствования, которые должны реализовываться всегда, независимо от того, что на самом деле происходит в окружающем мире. Такие установки могут быть обращены к себе, людям, ситуациям. Например, утверждения, что мир должен быть справедливым и что люди должны быть честными, часто выявляются в подростковом возрасте.

2. Катастрофические установки, которые отражают иррациональное убеждение, что в мире есть катастрофические события, оцениваемые так вне любой системы отсчета. Этот тип установок приводит к катастрофизации, то есть чрезмерному преувеличению негативных последствий событий. Катастрофические установки проявляются в высказываниях пациентов в виде оценок, выраженных в крайней степени (ужасно, невыносимо, потрясающе и т. д.). Например: «Ужасно, когда события развиваются непредсказуемым образом», «Невыносимо, что он так обращается со мной».

3. Установка обязательной реализации своих потребностей, которая отражает иррациональное убеждение, что человек, чтобы существовать и быть счастливым, должен обязательно осуществлять свои желания, обладать определенными качествами и вещами. Наличие такого рода установок приводит к тому, что наши желания разрастаются до уровня необоснованных императивных требований, которые в результате вызывают противодействие и конфликты, а следовательно, негативные эмоции. Например: «Я должен быть полностью компетентным в этой области, иначе я ничтожество».

4. Оценочная установка, состоящая в том, что людей, а не отдельные фрагменты их поведения, свойства и т. д., можно оценивать

глобально. При такой установке оценка какого-либо ограниченного аспекта характера человека отождествляется с оценкой всего человека. Например: «Когда люди ведут себя плохо, они должны быть осуждены», «Он негодяй, поскольку вел себя недостойно» [4, с. 27].

Иррациональные установки, опирающиеся на иррациональные суждения, затрудняют деятельность человека, что, возможно, приводит к ощущению несчастья и становится дополнительным источником стресса.

В связи с этим интересным является изучение взаимосвязи степени рациональности установок и субъективного ощущения счастья на примере курсантов ведомствен-

ного учреждения. Исследование проводилось на базе Вологодского института права и экономики ФСИН России. В нем приняли участие 30 курсантов второго курса психологического факультета. Использовались методика диагностики степени иррациональности мышления А. Эллиса и шкала субъективного счастья С. Любомирски.

Методика А. Эллиса позволяет определить выраженность четырех выделенных автором иррациональных установок, которые соответствуют основным четырем ее шкалам. Также она выявляет уровень фрустрационной толерантности и общую степень рациональности мышления испытуемых. Результаты методики по четырем основным шкалам представлены в табл. 1.

Таблица 1

Выраженность иррациональных установок у курсантов (в %)

Уровень выраженности	Тип установки			
	Катастрофизация	Долженствование в отношении себя	Долженствование в отношении других	Оценочная установка
Выраженное наличие	29	21	0	21
Наличие	64	79	86	50
Отсутствие	7	0	14	29

Как видно из табл. 1, для исследуемой группы курсантов наиболее характерна установка долженствования в отношении. Ее наличие указывает на чрезмерно высокие требования по отношению к себе. Опрошенные склонны очень строго относиться к собственным совершенным ошибкам, тяжело прощают себе неудачи.

Также подавляющее большинство курсантов (93 %) имеют выраженную или средневывраженную установку катастрофизации, которая отражает преувеличение неблагоприятного исхода событий, восприятие их как ужасных и невыносимых. Лишь 7 % курсантов не имеют данной иррациональной установки. Они склонны предъявлять к себе адекватные требования и также адекватно выстраивать поведение по отношению к себе и другим.

Установка долженствования в отношении других имеется у 86 % опрошенных. Ее наличие у курсантов свидетельствует о высоких требованиях по отношению к другим людям, убежденности, что окружающие обязаны что-то делать или чувствовать по отношению к ним, например хорошо относиться к ним и быть справедливыми. У 14 % исследуемых курсантов отмечено отсутствие дан-

ной установки. Они склонны предъявлять к окружающим людям адекватные требования, понимают, что могут вызывать у окружающих разные чувства, как позитивные, так и негативные. Они не выстраивают систему абсолютных требований к другим.

Наличие оценочной установки на высоком или среднем уровне характерно для 71 % курсантов. Эти испытуемые часто оценивают личность других людей в целом, без учета их отдельных качеств и поступков. Такая иррациональная установка ведет к тому, что при взаимодействии с окружающими испытуемые отождествляют отдельный аспект проявления личности человека со всей его личностью в целом. У 29 % испытуемых отмечено отсутствие данной иррациональной установки. Они понимают, что нельзя оценить личность человека по отдельному ее проявлению, поэтому не демонстрируют категоричности в этом, склонны адекватно воспринимать черты характера и поступки других.

Также нами были собраны данные по дополнительной шкале, в результате анализа которых было установлено, что фрустрационная толерантность выражена на высоком уровне у 43 % курсантов. Это указывает на

высокий уровень их стрессоустойчивости. У 57 % опрошенных отмечается средний уровень устойчивости к фрустрации, что может свидетельствовать о их склонности к переживаниям состояния психологического стресса в случаях столкновения с неблагоприятными ситуациями. Низкого уровня фрустрационной толерантности в исследовании не было обнаружено, что говорит об отсутствии в выборке лиц с высокой predisположенностью и восприимчивостью к стрессу.

Полученные данные по общей степени рациональности мышления испытуемых свидетельствуют о преобладании среднего показателя. Можно отметить, что чем выше суммарный показатель, тем в большей степени мышление характеризуется рациональностью, то есть соответствует действительности и отличается взвешенностью, логичностью. Так, 7 % опрошенных курсантов имеют рациональное мышление, свободное от жестких когнитивных искажений в форме иррациональных установок. Для 14 % испытуемых характерна общая иррациональность мышления, наличие жестких иррациональных установок, искажающих действительность. Они склонны воспринимать и моделировать окружающую действительность и свое поведение без логического обоснования преимущества выбранного способа решения по отношению к другому способу, ориентируются на заранее разработанный алгоритм поведения. У 79 %

опрошенных отмечен средний уровень рациональности мышления, что указывает на тенденцию к формированию жестких связей между информацией, полученной из реального мира, и их отношением к этой информации, закрепленным в виде иррациональных установок.

Таким образом, исследование степени рациональности мышления курсантов ведомственного учреждения показало, что у большинства опрошенных присутствуют иррациональные установки, причем есть испытуемые с выраженным уровнем данных установок. В целом у опрошенных курсантов преобладает средний уровень рациональности мышления.

Результаты исследования субъективного ощущения счастья у курсантов по методике С. Любомирски показали, что для половины опрошенных (50 %) характерен высокий уровень счастья, для 43 % – средний (то есть их восприятие своего состояния неопределенно, иногда они чувствуют себя счастливыми, иногда нет). Лишь 7 % опрошенных отнесли себя к не слишком счастливым людям.

Для расчета значимости взаимосвязи между степенью рациональности мышления и чувством счастья использовался коэффициент корреляции Спирмена, являющийся непараметрическим и не требующий проверки на нормальность распределения. Полученные значения критерия Спирмена представлены в табл. 2.

Таблица 2

Значения коэффициента корреляции Спирмена

№ п/п	Название шкалы в методике А. Эллиса	Значение	
		г эмп.	г крит. $p < 0,05$
1	Катастрофизация	0,333	0,538
2	Долженствование в отношении себя	0,666*	0,538
3	Долженствование в отношении других	0,437	0,538
4	Оценочная установка	0,67*	0,538
5	Фрустрационная толерантность	0,631*	0,538
6	Общая оценка степени рациональности мышления	0,646*	0,538

Анализ данных табл. 2 показывает, что в исследовании выявлены следующие положительные статистически значимые корреляционные связи:

– между установкой долженствования в отношении себя и уровнем счастья курсантов ($r_s = 0,666$, $p < 0,05$), то есть чем меньше требований человек предъявляет к себе, чем легче он относится к своим ошибкам и неудачам, тем выше его уровень счастья;

– между оценочной установкой и уровнем счастья ($r_s = 0,670$, $p < 0,05$), то есть чем более выражена иррациональная обобщенная самооценка и оценка других людей, тем ниже уровень счастья человека, и, наоборот, чем более дифференцированно испытуемый подходит к оценкам событий и других людей, тем выше его уровень счастья;

– между фрустрационной толерантностью и ощущением счастья ($r_s = 0,631$, $p < 0,05$), то

есть чем выше стрессоустойчивость, чем устойчивее к тяжелым неблагоприятным ситуациям человек, тем более счастливым он себя ощущает;

– между общей оценкой степени рациональности мышления и уровнем счастья ($r_s=0,646$, $p<0,05$), то есть чем рациональнее мыслит человек, чем больше он опирается на логику в постановке и достижении целей, объяснении происходящих событий, тем выше уровень его субъективного счастья.

По установкам катастрофизации и должностования в отношении других значимой корреляции с уровнем счастья не обнаружено. Это значит, что человек может чувствовать себя счастливым, преувеличивая неблагоприятный исход событий и имея высокие неадекватные требования по отношению к другим людям.

Установленные взаимосвязи показывают, что человек чувствует себя счастливым при незначительном количестве требований, предъявляемых к самому себе, легком отношении к проблемам, эмоциональной устойчивости, способности перестраивать свое отношение и менять собственные оценки других людей и себя, логичности в объяснении происходящих событий и оценок собственного поведения, высокой устойчивости к воздействию стрессовых ситуаций.

Таким образом, результаты исследования на примере курсантов ведомственно-

го учреждения свидетельствуют о наличии положительной взаимосвязи между степенью рациональности мышления человека и субъективным ощущением счастья. Чем меньше в мышлении человека присутствует иррациональных установок, чем больше в нем упорядоченности, обоснованности, критичности, тем более счастливым человек себя ощущает. Следовательно, степень рациональности мышления человека может выступать фактором субъективного самощущения благополучия, регулирующим его эмоциональную сферу. Все это еще раз подчеркивает значение рационального мышления и обуславливает необходимость коррекции иррациональных установок для повышения уровня ощущения счастья и противостояния стрессам.

Полученные результаты могут быть использованы в деятельности практических психологов различных отраслей. При этом следует отметить, что преобразование иррациональных установок в рациональные представляет собой достаточно трудоемкий и долгий процесс. Рационально-эмоционально-поведенческая терапия, предложенная и разработанная А. Эллисом в рамках его концепции иррациональных установок, является одним из эффективных способов коррекции иррационального мышления человека, так как позволяет не только изменять внутренние установки, но и формировать новые способы поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Депрессия. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru> (дата обращения: 24.12.2017).
2. Защита прав пациентов психиатрических больниц. URL: <http://doctorpiter.ru/articles/13647> (дата обращения: 12.01.2018).
3. Ремеева А. Ф., Пальчиков И. А. Особенности иррациональных установок девиантных подростков. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61028.shtml> (дата обращения: 12.11.2017).
4. Психологическое консультирование : справ. практ. психолога / сост. С. Л. Соловьева. М. ; СПб., 2010. 86 с.

REFERENCES

1. Depressija [Depression]. Available at: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs369/ru> (accessed 24.12.2017). (In Russ.).
2. Zashhita prav pacientov psichiatricheskikh bol'nits [Protecting the rights of patients in psychiatric hospitals]. Available at: <http://doctorpiter.ru/articles/13647> (accessed 12.01.2018). (In Russ.).
3. Remeeva A. F., Pal'chikov I. A. Osobennosti irracional'nykh ustanovok deviantnykh podrostkov [Features of irrational attitudes of deviant teenagers]. Available at: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61028.shtml> (accessed 12.11.2017). (In Russ.).
4. Psihologicheskoe konsul'tirovanie : sprav. prakt. psihologa / sost. S. L. Solov'eva. [Psychological counseling : handbook of practical psychologist / comp. S. L. Solovyova]. Moscow ; St. Petersburg, 2010. 86 p. (In Russ.).

Стратегии преодоления жизненных трудностей у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы

В. Г. РОГАЧ – преподаватель кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Реферат

В статье представлен эмпирический анализ основных поведенческих, когнитивных и эмоциональных стратегий преодоления жизненных трудностей осужденными, отбывающими длительные сроки лишения свободы. В качестве основных психических структур, обеспечивающих успешность преодоления трудных жизненных ситуаций, рассматриваются адаптивные поведенческие стратегии и копинг-ресурсы личности осужденных. Проанализированы наиболее часто используемые сознательные и автоматические стратегии совладания. Выявлены корреляционные связи между используемыми ими копингами и механизмами психологической защиты. В исследовании сравнивались группы осужденных, отбывших разные сроки длительного лишения свободы. Подобранный методический инструментарий позволил реализовать комплексный подход к изучению рассматриваемого феномена, выявить его структурные составляющие и взаимосвязи между ними.

На основе полученных данных предложены рекомендации сотрудникам пенитенциарных учреждений по организации психолого-педагогического сопровождения рассматриваемой категории осужденных в целях декриминализации среды осужденных и снижения уровня преступности в местах лишения свободы. В частности, акцентируется внимание на создании необходимых для проявления просоциальной активности личности объективных условий жизнедеятельности, «помогающей» социальной среды, а также обеспечении осужденных соответствующими ресурсами, в том числе и для сохранности своего психологического благополучия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : копинг-поведение; осужденные к длительным срокам лишения свободы; психологическая защита; переживания; психологическое благополучие.

Strategies for overcoming life difficulties in convicts, serving the long sentences of imprisonment

V. G. ROGACH – Teacher of the Department of Organization Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

Abstract

The paper presents an empirical analysis of the basic behavioral, cognitive and emotional strategies for overcoming life difficulties by convicts serving long sentences of imprisonment. Adaptive behavioral strategies and coping resources of the personality of convicts are considered as the main mental structures that ensure the success of overcoming difficult life situations. The most frequently used conscious and automatic coping strategies used by convicts are analyzed. Correlations between the coping used and the mechanisms of psychological defense have been revealed. The study compared groups of convicts who had served different periods of long imprisonment. The selected methodological toolkit allowed to implement a comprehensive approach to the study of the phenomenon, to reveal its structural components and the interrelations between them.

On the basis of the data obtained recommendations were made to the staff of penal institutions on the organization of psychological and pedagogical support for the category of convicts in order to decriminalize the environment of convicts and reduce the level of crime in places of imprisonment. In particular, attention is focused on the need to create the necessary conditions for the manifestation of prosocial activity of the individual, the objective conditions of life, the «helping» social environment, as well as providing prisoners with appropriate resources, including to ensure the safety of their psychological well-being.

Keywords: coping behavior; convicts with long sentence of imprisonment; psychological protection; experience; psychological well-being.

Смена вектора уголовной политики России, выразившаяся в смягчении наказания в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, обусловила аккумуляцию в исправительных учреждениях осужденных, имеющих богатый криминальный опыт и длительную перспективу пребывания в условиях изоляции (52 % от общей численности спецконтингента). При этом значительная доля осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, имеет различные психические личностные расстройства [1, с. 41], связанные как с нарушениями регуляции поведения (лица, отбывающие наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), так и употреблением психоактивных веществ (лица, имеющие наркотическую, алкогольную и иные зависимости). В этих условиях наблюдаемый в последние годы устойчивый рост преступности в исправительных учреждениях ФСИН России представляется закономерным [3]. С учетом высокой степени социальной опасности данной категории осужденных и в целях обеспечения личной безопасности персонала и лиц, содержащихся в местах лишения свободы, актуальность изучения и обоснования научных подходов к психологическому сопровождению осужденных с длительными сроками наказания не вызывает сомнения.

При актуализации учеными важности комплексного подхода в обеспечении безопасности учреждений уголовно-исполнительной системы России и противодействия проявлениям в них криминальной субкультуры (Н. И. Барабанов, С. А. Кутякин, О. В. Старков и др.), а также повышения жизнестойкости осужденных (Т. В. Быстрова, В. С. Мухина, П. Н. Казберов, А. В. Кокурин, Ю. В. Славинская, Н. Д. Узлов и др.) проблема влияния сформированных стратегий преодоления трудностей у лиц мужского

пола на их поведение при отбытии длительного срока лишения свободы пока не являлась предметом монографических исследований.

В связи с изложенным и руководствуясь избранными теоретико-методологическими ориентирами, на базе исправительной колонии строгого режима ИК-17 УФСИН России по Вологодской области было проведено эмпирическое исследование стратегий преодоления жизненных трудностей у 90 осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы.

В исследовании был применен следующий комплекс методов: опрос (анкетирование, полустандартизированное интервью), анализ личных дел осужденных, психодиагностическое тестирование по методикам «Метод цветочных выборов» (М. Люшер), «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х. Р. Конт, в адаптации Е. С. Романовой и Л. Р. Гребенникова), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д. Эндлер, Д. Джеймс, в адаптации Т. А. Крюковой). Кроме того, у осужденных была проанализирована динамика поведенческих изменений в разные периоды отбывания наказания (по объективным критериям – просоциальная активность и дисциплина).

Обработка данных, полученных с помощью методов опроса, анализа личных дел подучетных, и изучение ведомственной статистической документации позволили дифференцировать осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, на три группы: 1) отбывшие 5–10 лет наказания, 2) 10–15 лет и 3) более 15 лет.

Результаты психодиагностического обследования эмоциональных стратегий преодоления жизненных трудностей осужденных с длительными сроками лишения свободы, полученные с помощью методики «Метод цветочных выборов», представлены в табл. 1.

Таблица 1
Средние значения по методике «Метод цветочных выборов» в исследуемых группах

Показатели	1 группа	2 группа	3 группа	Различия
1	2	3	4	5
Гетерономность–автономность	6	4,9	6	–
Концентричность–эксцентричность	5,4	6,8	6,6	1–2*, 1–3*
Личностные свойства	4,9	4,5	5,2	–
Вегетативные свойства	3,8	5,2	5,4	1–2*, 1–3*

1	2	3	4	5
Работоспособность	5,1	6,3	5,7	1–2*
Деадаптивность	5	5,8	6,4	1–3*
Конструктивность поведения	4	4,7	3,4	–
Волевое напряжение	5,2	4,7	5,7	–
Избирательность	1,2	1,6	2,2	–
Сопrotивляемость	1	1	1,2	–
Дистантность	4,6	4,5	6,1	2–3*, 1–3*
Мечтательность	1	2,3	5,4	1–2*, 1–3** 2–3**
Чувственно-эстетическое наслаждение	3,3	3,4	3,2	–
Конфликтность	5,4	6,1	6,8	1–3*
Активность	4,8	5,3	5,1	–

Примечание: * – при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$; цветом отмечены максимальные значения в группах.

Анализируя результаты проведенного исследования, стоит отметить, что в период длительного лишения свободы у осужденных выявлено возрастание таких личностных характеристик, как мечтательность (различия статистически значимы при $p \leq 0,01$), конфликтность, дезадаптивность и дистантность (при $p \leq 0,05$). Указанные особенности могут свидетельствовать о психологическом неприятии, отрицании осужденными суровой реальности мест социальной изоляции, отчуждении от нее и погружении в психологически комфортный и безопасный мир фантазий.

В период 10–15 лет отбывания наказания у осужденных наблюдается возрастание неудовлетворенности настоящим (при $p \leq 0,05$), что обуславливает доминирование тонуса парасимпатической нервной системы и выражается в повышении работоспособности. Кроме того, в указанный период у осужденных отмечается увеличение зависимости от внешнего воздействия.

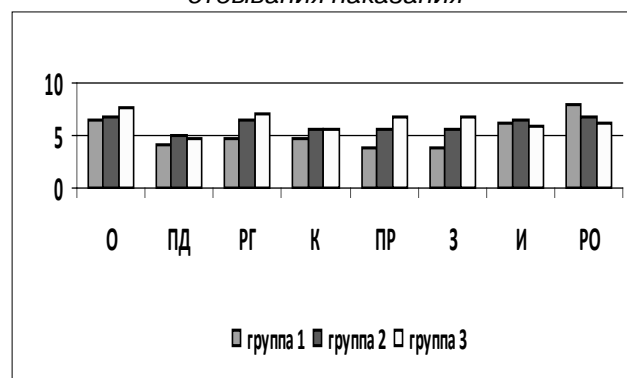
Интересной представляется ситуация по показателям «Избирательность», «Сопrotивляемость» и «Чувственно-эстетическое наслаждение», которые у осужденных в период длительного лишения свободы находятся на весьма низком уровне. Можно предположить, что неразвитость данных личностных особенностей обусловлена спецификой наказания в виде длительного лишения свободы, его принудительным характером. Со слов осужденных стало известно, что они внутренне не принимают предъявляемые им ограничения, хотя внешне стараются демонстрировать правопослушное поведение.

Методика «Индекс жизненного стиля» применялась для диагностики пассивных автоматических стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций и построения

профиля защитной структуры обследуемых (см. диагр. 1).

Диаграмма 1

Средние величины психологических защит, используемых осужденными с длительными сроками лишения свободы, в разные периоды отбывания наказания

Примечание: О – отрицание, ПД – подавление, РГ – регрессия, К – компенсация, ПР – проекция, З – замещение, И – интеллектуализация, РО – реактивные образования.

Как видно из диагр. 1, профиль защитной структуры личности осужденных, отбывших 5–10 лет лишения свободы, включает в себя четыре доминирующих механизма психологической защиты, указанных в порядке убывания частоты их использования: реактивные образования, отрицание, интеллектуализация, компенсация. При этом механизм «реактивные образования» блокирует неприятные или неприемлемые для личности когниции, переживания или действия путем интенсивной выработки противоположных стремлений. В итоге у лиц, использующих этот защитный механизм, развивается внутриличностный конфликт на фоне амбивалентности возникающих чувств и эмоциональных реакций.

Человек, отбывающий наказание в местах социальной изоляции, вынужден кор-

ректировать свое поведение в соответствии как с правилами внутреннего распорядка, так и с принятыми в среде осужденных нормами (требованиями криминальной субкультуры), которые зачастую противоречат не только друг другу, но и ценностям самой личности. Именно в этой связи активизируются психологические механизмы отрицания и компенсации, необходимые для реализации ролевого поведения осужденного, связанного с его неформальным статусом, затрудняющим формирование субъективной позиции, искренности, позитивного отношения к себе и окружающим. Так, например, поведенческие стратегии осужденных чаще реализуются в крайних формах в виде протеста против любой политики, проводимой администрацией исправительного учреждения, либо чрезмерного стремления соответствовать социально желательному образцу исправляющегося человека.

С помощью психологической защиты «интеллектуализация» осужденные, отбывающие длительные сроки лишения свободы, начинают придумывать благовидные мотивировки своего социально неодобряемого поведения. Например, ведение бездеятельностного образа жизни они оправдывают отсутствием в исправительном учреждении интересующих их производственных специальностей; непосещение религиозных учреждений (храмы, мечети, молельные комнаты) – наличием в них прослушивающих устройств, манипулятивным характером проповедей священников и др. В этой ситуации личность создает внешне приемлемые обоснования причин своих деструктивных действий, чтобы сохранить самоуважение.

После отбытия 10 лет наказания в виде лишения свободы профиль защитной структуры личности осужденных изменяется и включает в себя следующие механизмы психологической защиты (указаны в порядке убывания частоты их использования): отрицание, реактивные образования, регрессия, интеллектуализация. В диагр. 1 видно, что обследованные лица из 2-й группы начинают реже использовать механизм «реактивные образования» и чаще механизм «регрессия», чем лица из 1-й группы. Особенности психологических защит «отрицание», «реактивные образования» и «интеллектуализация» у осужденных с длительными сроками лишения свободы были описаны нами ранее, поэтому сразу перейдем к рассмотрению механизма «регрессия».

У осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, посредством дан-

ного механизма защиты упрощается мотивационно-потребностная сфера: актуализируются наиболее доступные, базовые биологические потребности (еда, отдых, безопасность и т. д.), а более сложные социальные потребности начинают уходить на второй план. Кроме того, на фоне общей регрессии личности происходит ослабление эмоционально-волевого самоконтроля своих действий, что проявляется в импульсивности поведения.

У лиц, находящихся в условиях социальной изоляции более 15 лет, начинают доминировать следующие механизмы психологической защиты (указаны в порядке убывания частоты использования): отрицание, регрессия, проекция, замещение. У 3-й группы, по сравнению с 2-й группой, происходит снижение частоты использования защит «реактивные образования», «интеллектуализация» и появляются психологические защиты типа «проекция» и «замещение». Представляется, что с помощью механизма «проекция» личность в целях самооправдания и сохранения самоуважения приписывает свои социально неодобряемые качества другим людям. Так, в индивидуальных беседах с осужденными выявлено, что демонстрируемое ими агрессивное поведение объясняется как реакция на агрессивность со стороны окружающих, а преступное поведение – как типичное и свойственное большинству людей («просто им не повезло и они попались»).

Согласно результатам исследований ряда авторов (А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак, 2003; Д. А. Дружиненко, 2007 и др.), по мере увеличения срока пребывания в исправительном учреждении у осужденных наблюдается снижение интенсивности переживания чувства вины за совершенное преступление, а зачастую даже развивается чувство несправедливости назначенного им наказания. Можно предположить, что данная тенденция опосредована актуализацией психологической защиты «отрицание».

Механизм «замещение» проявляется в «разрядке» подавленных негативных переживаний (обиды, неприязни и др.) путем направления их на субъектов, не связанных с этими переживаниями и не представляющих опасности. В этой ситуации замещение выступает механизмом снятия сильного эмоционального напряжения, опосредованного влиянием фрустрирующей ситуации, и не способствует разрешению ситуации. Примерами использования данной защиты в местах лишения свободы

является вымещение злобы на низкостатусных осужденных, неповиновение представителям администрации (так как санкции за нарушение правил внутреннего распорядка значительно менее жестокие, чем санкции неофициального тюремного сообщества), агрессия по отношению к родственникам. Неадекватность и бессмысленность подобных действий осужденного по отношению к окружающим вызывают недопонимание по-

следними подобных поведенческих стратегий и, как следствие, разрыв связей с человеком, их реализующих.

С помощью методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» были получены данные о поведенческих стратегиях, используемых осужденными с длительными сроками лишения свободы в экстремальных условиях социальной изоляции (см. табл. 2).

Таблица 2

Средние значения по методике «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» у осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы

Вид копинга	Стратегии поведения	Средние показатели (%)			Различия
		1 группа	2 группа	3 группа	
1	2	3	4	5	6
Копинг, ориентированный на решение задачи	Сосредотачиваюсь на проблеме и думаю, как можно ее решить	42	31	32	–
	Делаю то, что считаю самым подходящим в данной ситуации	53	48	26	2–3** 1–3**
	Думаю о том, что для меня самое главное	57	36	21	1–2** 1–3**
	Стараюсь вникнуть в ситуацию	48	39	26	1–3* 2–3*
	Немедленно предпринимаю меры, чтобы исправить ситуацию	40	19	20	1–2*
	Обдумываю случившееся или свое отношение к случившемуся	46	32	35	1–2*
	Анализирую проблему, прежде чем реагировать на нее	41	30	31	–
	Решаю, что теперь важнее всего делать	37	35	21	1–3* 2–3*
	Общий показатель	47	34	26	1–2* 1–3**
Копинг, ориентированный на эмоции	Поружаюсь в свои страдания и переживания	8	27	23	1–2** 1–3**
	Обвиняю себя за то, что оказался в данной ситуации	39	40	31	–
	Переживаю, что не могу справиться с возникшей ситуацией	29	36	21	2–3*
	Испытываю психическое напряжение	52	44	33	1–3* 2–3*
	Жалею, что не могу изменить случившееся или свое отношение	41	35	23	1–3* 2–3*
	Виню себя за слишком эмоциональное отношение к ситуации	31	28	27	–
	Вхожу в ступор, не знаю, что делать	30	41	32	1–2* 1–2*
	Сосредотачиваюсь на своих общих недостатках	35	34	23	1–3*
	Общий показатель	34	36	27	–

1	2	3	4	5	6
Копинг, ориентированный на избегание	Стараюсь быть на людях	18	17	9	–
	Разговариваю с тем, чей совет особенно ценю	42	19	21	1–2** 1–3**
	Обсуждаю свои проблемы с другими осужденными	16	10	15	–
	Делюсь своими переживаниями с дорогим мне человеком	35	25	24	1–3*
	Хожу по секции, ничего не делая	14	19	23	–
	Стараюсь занять себя чем-либо	40	16	12	1–2** 1–3**
	Уединяюсь мысленно и ни с кем не общаюсь	25	34	28	–
	Читаю книгу, смотрю телевизор, занимаюсь физкультурой	28	32	26	–
	Думаю о чем-то хорошем, что было в моей жизни	12	29	27	1–2* 1–3*
	Общий показатель	26	22	21	–

Примечание: * – при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$.

Как видно из табл. 2, значительная часть осужденных из 1-й группы, отбывших 5–10 лет лишения свободы (47 %), чаще всего использует копинги, ориентированные на решение задачи, являющиеся наиболее адаптивными, а поведенческие стратегии преодоления стрессовой ситуации, ориентированные на эмоции и избегание (отвлечение), реализуют соответственно более трети (34 %) и четверти (26 %) обследованных.

В период пребывания в исправительном учреждении от 10 до 15 лет у осужденных наблюдается значительное снижение частоты использования копингов, направленных на решение задачи (при $p \leq 0,05$) и увеличение частоты использования копингов, направленных на эмоции. Полученные данные позволяют констатировать, что в данный период сознательная регуляция поведения осужденных сменяется эмоционально-импульсивной.

После нахождения более 15 лет в условиях социальной изоляции у осужденных снижается частота использования всех типов копинг-поведения. Выявлены статистически

значимые различия по копингу, ориентированному на решение задачи, при $p \leq 0,05$ между 1-й и 2-й группами, а также на уровне значимости $p \leq 0,01$ между 1-й и 3-й группами. Лишь каждый пятый осужденный применяет поведенческие стратегии, направленные на эмоции (20 %) и избегание (19 %). Эта ситуация, на наш взгляд, свидетельствует также и об общей ригидности когнитивной и эмоциональной сферы личности осужденных, пребывающих более 15 лет в исправительном учреждении, которая выражается в ограниченности копинг-ресурсов личности, необходимых для преодоления трудных жизненных ситуаций.

Копинг-стратегии и психологические защиты позволяют выявить основные способы нейтрализации стресс-факторов в местах лишения свободы как преодоление этих экстремальных условий и позитивное переживание себя в них [2, с. 31]. Рассмотрим корреляционные связи между стратегиями копинг-поведения и механизмами психологической защиты, используемыми осужденными с длительными сроками лишения свободы (см. табл. 3).

Таблица 3

Корреляционный анализ средних значений по методикам «Индекс жизненного стиля» и «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях»

Название шкал	Копинг на решение задачи	Копинг на эмоции	Копинг на избегание
1	2	3	4
Отрицание	-0,95	-0,78	-0,90

1	2	3	4
Подавление	-0,62	0,24	-0,75
Регрессия	-0,97	-0,34	-0,99
Компенсация	0,67	0,02	-0,88
Проекция	-0,88	-0,52	-0,67
Замещение	-0,99	-0,58	-0,96
Интеллектуализация	0,68	0,98	0,59
Реактивные образования	0,99	0,52	0,98

Примечание: цветом отмечены максимальные значения в группах.

Из табл. 3 видно, что копинг, ориентированный на решение задачи, отрицательно коррелирует с такими психологическими защитами, как отрицание (-0,95), регрессия (-0,97), проекция (-0,88) и замещение (-0,99). Иными словами, чем меньше осужденный использует данные защитные механизмы, тем чаще он акцентирует внимание на способах разрешения трудной жизненной ситуации, с которой столкнулся. Кроме того, отмечается положительная корреляционная связь данного копинг-поведения с механизмом «реактивные образования». Это может свидетельствовать, что запускаются стратегии совладания со стрессогенной ситуацией с помощью изменения субъективного отношения к ней.

Анализ корреляционной зависимости между психологическими защитами и копингом, направленным на избегание (отвлечение), показал высокую отрицательную корреляционную связь с такими защитами, как отрицание (-0,90), регрессия (-0,99), компенсация (-0,88), замещение (-0,98), и положительную – с реактивными образованиями. На наш взгляд, вариация реализации копингов на решение задачи или избегание опосредована таким внешним фактором, как сила негативного воздействия стрессовой ситуации, и таким внутренним фактором, как порог восприятия этого воздействия. Так, при малой силе негативного воздействия стресс-факторов и высоком пороге их восприятия будут реализовываться поведенческие стратегии на решение задачи и, наоборот, при большой силе негативного воздействия стресс-факторов и низком пороге их восприятия – поведенческие стратегии на избегание (отвлечение, снятие напряжения).

Интерес представляет выявление корреляционной связи копинга, ориентированного на эмоции, только с одной психологической защитой – интеллектуализацией (0,98). Установленная положительная корреляционная связь свидетельствует, что чем больше осужденные выстраивают цепочки логических установок и манипуля-

ций по пресечению своих негативных переживаний, тем интенсивнее протекают эти переживания. То есть именно логические манипуляции с проблемной ситуацией, направленные на снижение ее субъективной значимости и пресечение переживаний, активизируют абсолютно противоположный процесс – усиливают и актуализируют их.

В целом в эмпирическом исследовании получены данные о преобладании у данной категории осужденных негативных, астенических чувств и эмоций, таких как неудовлетворенность жизнью, разочарованность в сложившемся жизненном пути, тревога и опасения за свое будущее, раздражение и напряженность от экстремального внешнего воздействия. Со слов осужденных, для них характерны в основном подавленное, депрессивное настроение, невыносимая тоска от ограниченности тюремной жизни.

Изучение «поведенческого» аспекта процесса преодоления трудностей у осужденных показало ослабление тенденции на решение задач ($p \leq 0,01$) и усиление тенденции на совладание с эмоциями при нахождении в стрессовой ситуации. Для преодоления трудных жизненных ситуаций в условиях исправительного учреждения осужденные с длительными сроками лишения свободы реализуют в основном неадаптивные психологические защиты (отрицание, регрессия, проекция, замещение).

Очевидно, что для профилактики негативного влияния длительной социальной изоляции на развитие личности в исправительном учреждении должны быть созданы условия для расширения просоциального общественного воздействия как одного из основных средств исправления, чтобы в итоге у осужденных возникали новые просоциальные ценностные переживания, а также для работы по оптимизации механизмов саморегуляции личности, необходимых для преодоления трудных жизненных ситуаций и сохранения психологического благополучия, в том числе обучения осужденных адаптивным копинг-стратегиям и формирования необходимого личностного потенциа-

ла. В качестве основных психических компонентов, которые необходимо формировать у субъекта для повышения успешности преодоления им трудных жизненных ситуаций, можно рассматривать универсальные (высшие, общечеловеческие) жизненные ценности (ориентиры), позволяющие субъекту структурировать систему внешних стимулов

и внутренних интенций; навыки тщательного анализа возникшей жизненной ситуации, обуславливающие полноту и адекватность ее оценки; готовность к ситуации неопределенности и реализации типовых действий в условиях встречи с ней для снижения и регуляции возможных негативных поведенческих и эмоциональных реакций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Годаванец О. Г., Дурова Е. А., Цветкова Н. А. Социально-психологическая коррекция механизмов саморегуляции поведения лиц, готовящихся к освобождению: нарративно-биографический подход // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 40–46.
2. Львова Е. Н. Личностное опосредование выбора стратегий совладания в ситуации неопределенности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 34 с.
3. Основные показатели деятельности УИС ФСИН России : информ.-аналит. сб. Тверь, 2016. 385 с.

REFERENCES

1. Godavanets O. G., Durova E. A., Cvetkova N. A. Social'no-psihologicheskaja korrakcija mehanizmov samoreguljacii povedenija lic, gotovjashhihsja k osvobozhdeniju: narrativno-biograficheskij podhod [Social and psychological correction of mechanisms of self-regulation of behavior of persons preparing for release: narrative and biographical approach]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology. 2016. Iss. 3. Pp. 40–46. (In Russ.).
2. L'vova E. N. Lichnostnoe oposredovanie vybora strategij sovladanija v situacii neopredelennosti : avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Personal mediation of the choice of coping strategies in a situation of uncertainty : abstract of diss. ... PhD. of Psychology]. Moscow, 2017. 34 p. (In Russ.).
3. Osnovnye pokazateli dejatel'nosti UIS FSIN Rossii: inform.-analit. sb. [Main indicators of activities of the penal system of Russia: information-analytical collection]. Tver, 2016. 385 p. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 371.011

Патриотизм как социальное явление и интегративное качество личности

Э. В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

О. Я. РЕЙМА – старший преподаватель кафедры пения и музыкального образования Вологодского государственного университета

Реферат

Патриотизм – это сложное многоаспектное социокультурное явление. В последнее десятилетие проблема патриотизма рассматривается государством в контексте национальной безопасности России, важными видятся возрождение отечественных патриотических ценностей, возрастание социальной ответственности граждан, преодоление негативных явлений в обществе.

Патриотические идеи занимали значительное место в творчестве многих русских просветителей и писателей, трудах философов, общественных деятелей, педагогов. В статье анализируются взгляды ученых на сущность понятия «патриотизм» как неотъемлемую часть духовно-нравственной направленности личности.

В педагогических исследованиях патриотизм предстает в виде интегративного духовно-нравственного качества в структуре личности, где первое место занимает такое нравственное чувство, как ответственность перед Родиной. Патриотическое воспитание рассматривается как составная часть многогранного и целостного педагогического процесса формирования личности и определяется как деятельность, направленная на развитие патриотических чувств, мотивов и устойчивых норм поведения, формирования патриотических знаний, ценностей, качеств личности, необходимых человеку для успешной социализации. Наличие развитых патриотических чувств – это показатель духовно-нравственного становления личности, сформированности ее ценностных ориентаций, мировоззренческих установок.

Сегодня на уровне нормативно-правовых документов в качестве важнейшего условия успешности патриотического воспитания закрепляется необходимость организации работы по сохранению и возрождению традиционных ценностей национальных культур Российской Федерации. Воспитание и развитие патриотических чувств, приобщение личности к ценностям культуры русского народа являются одним из условий возрождения и сохранения духовно-нравственных и патриотических основ национального характера.

Выделяя патриотическое воспитание в самостоятельное направление воспитательной работы, необходимо отметить его неразрывную связь с другими аспектами воспитания: патриотическое воспитание пронизывает, интегрирует их, осуществляется в целостном педагогическом процессе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : личность в воспитательном процессе; патриотизм; виды патриотизма; патриотическое воспитание; национально-патриотические ценности; нравственные ориентации личности; ценностное отношение к Родине.

Patriotism as a social phenomenon and integrative property of the individual

E. V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Member-correspondent of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education;

O. YA. REIMA – Senior Teacher of the Department of Singing and Music Education of the Vologda State University

Abstract

Patriotism is a complex multifaceted social phenomenon. In the last decade the problem of patriotism is regarded by the state in the context of national security of Russia, of importance is the revival of the national patriotic values, increase of social responsibility of citizens, overcoming of the negative phenomena in society.

Patriotic ideas occupied a significant place in the works of many Russian enlighteners and writers, philosophers, public figures and teachers. The article analyzes the views of scientists on the essence of the concept «patriotism» as an integral part of spiritual and moral orientation of the individual.

In pedagogical researches patriotism is viewed as integrative of moral and spiritual feature in the personality structure, where the first place is occupied by moral feelings of responsibility towards the Homeland. Patriotic education is considered as an integral part of a multifaceted and holistic educational process of identity formation and is defined as a purposeful process aimed at the development of patriotic feelings, motives and sustainable norms of behavior, the formation of patriotic knowledge, values, personality features to successful socialization in the course of its inclusion in various activities. The presence of well developed patriotic feelings is an indicator of spiritual and moral formation of the personality, formation of values, attitudes, world outlook.

Today on the level of legal and regulatory documents as an essential condition for the success of patriotic education is determined the necessity of the organization of work on preservation and revival of traditional values of national cultures of the Russian Federation. Education and development of patriotic feelings, a personality to the values of culture of the Russian people is one of the conditions for the revival and safekeeping of moral and patriotic foundations of the national character.

Highlighting the patriotic education of independent educational work, it is necessary to note its inextricable link with other areas of education: patriotic education permeates, integrates them, is carried out in a holistic educational process.

Key words: personality in the educational process; patriotism; types of patriotism; patriotic education; national-patriotic values; moral orientations of the person; the value attitude to the Motherland and Fatherland.

Вопросы патриотического воспитания личности всегда стояли в центре внимания отечественных мыслителей, общественных деятелей, педагогов, писателей, которые считали гражданственность и патриотизм духовно-нравственной основой жизни общества.

В современном российском обществе вопросы патриотического и гражданского воспитания личности приобретают особо важное значение по ряду причин: нарастание кризиса нравственности и морали, отсутствие консолидирующих ценностных ориентиров, усиление информационных войн, привычность в среде молодежи проявлений асоциального поведения и др. В последнее десятилетие проблема патриотизма рассматривается в контексте национальной безопасности России.

Для решения существующих проблем на уровне государственной политики разработан комплекс нормативно-правовых документов: государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года» и др. В них отмечается, что духовно-нравственное развитие и воспитание гражданина России является ключевым фактором развития страны, обеспечения духовного единства народа и объединяющих его моральных ценностей, политической и экономической стабильности. Реализация данных программ предполагает возрождение патриотических ценностей,

возрастание социальной ответственности граждан и преодоление негативных явлений в обществе.

Российское государство имеет многовековую историю и культуру, истоки которых лежат в традиционном земледельческом обществе. Отличительными качествами русского крестьянства всегда были созидательный труд, бескорыстие, добросердечие, открытость, преданность, любовь к родной земле, соборность, сила духа. История России – это история постоянных нашествий и войн, поэтому неслучайно в народном эпосе рождались былины о защитниках и хранителях Родины: Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Вольге Всеславьевиче, Никите Кожемяке и др. Воспитание в Древней Руси мыслилось как воспитание защитника своего Отечества, а жизнь во благо страны представлялась высшей духовно-нравственной добродетелью. Древнерусские летописи не только рассказывали о трагических событиях истории, но и способствовали формированию у будущих поколений гордости за свою Отчизну, уважения к героическим подвигам русских воинов [1].

Во второй половине XVIII в. начинается развитие государственной образовательной системы, а одним из принципов воспитания личности становится воспитание добродетельного и благородного гражданина, стремящегося быть полезным обществу. Патриотические идеи занимали важное место в творчестве многих русских просветителей и писателей того времени (И. И. Бецкой, Н. И. Карамзин, Я. П. Козельский, А. П. Куницын, М. В. Ломоносов, А. А. Мусин-Пушкин, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, И. М. Ястребцов и др.), которые считали, что воспитывать подрастающее поколение необходимо так, чтобы оно не страшилось пожертвовать ради Отчизны жизнью [9].

Большое внимание проблеме воспитания гражданственности и патриотизма уделялось в трудах философов, общественных деятелей, писателей и педагогов второй половины XIX – начала XX вв. (В. Г. Белинский, Н. А. Бердяев, В. И. Водовозов, В. В. Зеньковский, И. А. Ильин, П. Ф. Каптерев, В. С. Соловьев, В. Я. Стоюнин, К. Д. Ушинский, А. С. Хомяков и др.). Так, К. Д. Ушинский отмечал, что «любовь к Родине – это наиболее сильное чувство человека, которое при общей гибели всего святого и благородного гибнет в дурном человеке последним» [9, с. 234].

В начале XX в. происходит развитие идей гуманизма как в общественной сфере, так

и в образовательной системе. Повышение внимания к личности способствовало усилению гуманистического направления и в патриотическом воспитании. Так, согласно взглядам П. П. Блонского, гуманизм является мощным стимулом патриотических поступков каждодневного труда. Необходимо побуждать человека наблюдать за жизнью других людей и быть чутким к ним, развивать отзывчивость, сострадание к людям и стремление стать участником их жизни. Быть патриотом означало быть преданным своей стране до самоотвержения и сочетать в себе истинную любовь к Отечеству с любовью ко всему человечеству [3, с. 58–59]. При этом воспитатель «должен не проповедовать любовь к родине, а увлекательно исповедовать ее и доказывать ее делами, полными энергии и преданности» [7, с. 228].

После Великой Отечественной войны проблема патриотического воспитания личности приобрела особое значение. Среди педагогических исследований 50–60-х гг. XX в. выделяются работы И. С. Марьенко, М. А. Терентия, Ф. И. Хвалова, в которых теоретически обосновывается понятие советского патриотизма, разрабатываются практические рекомендации по формированию патриотического сознания личности в воспитательной работе, трудовых делах.

Особое значение в этот период имеют работы В. А. Сухомлинского, который считал, что школа должна воспитывать у детей и молодежи любовь к родной природе, родному слову, своей семье, культуре и истории, а также стремление к бескорыстному служению Отечеству в активной трудовой и общественной деятельности. Педагог писал о необходимости с ранних лет развивать в человеке «жажду стать настоящим патриотом», что «означает жить в мире нравственных ценностей и чувствовать себя сыном Отечества» [14, с. 20].

В 1970–80-х гг. разрабатываются различные аспекты гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи: их взаимосвязь с другими направлениями воспитательной работы, подготовка кадров в сфере патриотического воспитания и др. Во второй половине 1990-х гг. рассматриваемым вопросам в науке и практике уделялось значительно меньше внимания, что явилось результатом социально-политического и экономического кризиса в стране. В общественной жизни того времени идеи гражданственности и патриотизма были значительно политизированы, что привело к

появлению негативных оттенков в понятиях «патриотизм» и «патриот».

Обобщая сказанное, заметим, что традиционно патриотическая направленность сознания всегда была основополагающей чертой российского менталитета. После реформ 1990-х гг. стало возможным говорить об утрате этого исконно русского и российского качества и о проблемах патриотического воспитания в России.

Сегодня, рассматривая патриотизм как неотъемлемую часть духовно-нравственной направленности личности, педагоги считают необходимым переосмыслить его содержание в новых социально-экономических условиях. Так, И. Д. Лушников отмечает, что «сегодня в принципе решается вопрос: быть ли самому явлению патриотизма в России в обстановке многоликого отношения к нему и множественных враждебных проявлений к русскому народу и к России. Патриотизм превратился в социальную и педагогическую проблему, судьбоносную для страны» [10, с. 5].

По мнению современных ученых, патриотизм – это сложное многоаспектное социокультурное явление, которое рассматривается с позиций социологии, политологии, философии, педагогики как составляющую политико-правовой культуры, важнейшая духовно-нравственная и социальная ценность, личностное образование, проявляющееся в чувствах, сознании, поведении личности. В социально-философских исследованиях (Т. В. Беспалова, В. Г. Валув, А. Н. Вырщиков, Н. В. Ипполитова, Д. А. Карманова, И. И. Кондрашин, М. Б. Кусмарцев, Е. С. Троицкий и др.) патриотизм рассматривается как социально-гуманистическое явление, общественно-исторический феномен, часть современной национальной идеи, объединяющей на духовной основе разные народности России.

В философской литературе по признаку объектной направленности на конкретное социокультурное пространство выстраивается типология форм патриотизма. Например, В. М. Хаустов выделяет следующие его виды: 1) российский (через освоение опыта, закрепленного в моральных нормах, обычаях, традициях, ценностях, осваиваются индивидуальные и групповые поведенческие программы); 2) государственный (существует в рамках единого политического пространства и направлен на общий объект – государство); 3) национальный (имеет базовой опорой национальную культуру, способствует пробуждению чувства любви

к Родине, национальной гордости, воспитанию национальных традиций); 4) конституционный (представляет собой готовность гражданина соблюдать конституционные законы, придерживаться общепринятой политики государства и выражает интересы электората в период избирательных кампаний) [17]. Е. С. Троицкий различает три типа патриотизма: 1) российский, формирующийся на базе общих интересов коренных народов России; 2) национальный – патриотизм одной нации; 3) местный (региональный) – привязанность к родному краю [15]. По мнению Т. В. Беспаловой, государственная и национальная формы патриотизма должны стать этапами патриотического воспитания: от знания народных традиций к уважению законов общества, государства [2].

Полагаем, что родные с детства места, близкие нам люди, особенности национального этикета, взаимоотношений, языка, традиций – все это условия проявления любви и привязанности к малой родине на всю жизнь. Социально-гуманистическая сущность патриотизма обнаруживается в признании достоинств и прав человека, добродетели, взаимопомощи, социально значимой деятельности, естественном чувстве любви и привязанности, побуждающих к активным действиям на пользу Отечеству [5].

Представители политологического подхода (Т. В. Беспалова, А. А. Герасимова и др.) рассматривают патриотизм как основной компонент политико-правовой культуры личности, который проявляется в общественных делах, способствующих консолидации, стабилизации и интеграции, сохранению и укреплению политической власти, исполнению гражданских обязанностей [13]. При этом важно отметить, что многие исследователи подчеркивают неразрывную связь патриотизма с интернационализмом, культурой межнационального общения, воспитанием у личности нетерпимости к проявлению любых форм национальной ограниченности и шовинизма.

В педагогических исследованиях патриотизм рассматривается как интегративное духовно-нравственное качество в структуре личности (Ю. К. Бабанский, Л. В. Байбородова, И. Д. Лушников, М. И. Рожков, Л. Д. Столяренко, И. Ф. Харламов). Например, И. Ф. Харламов определяет его как «нравственное качество человека, которое выражается в его любви и преданности своей родине, осознании ее величия и славы и переживаний своей духовной связи с ней, в потребности и стремлении в любых услови-

ях беречь ее честь и достоинство, практическими делами укреплять ее могущество и независимость» [16, с. 352]. И. Д. Лушников подчеркивает, что все стороны патриотизма взаимосвязаны, однако «на первое место надо ставить не психологическое чувство любви, которое легко может трансформироваться в другие чувства, а нравственное – ответственность перед Родиной как устойчивый результат воспитания» [10].

В современной педагогике патриотическое воспитание в основном рассматриваются как составная часть многогранного и целостного педагогического процесса формирования личности и определяется как процесс взаимодействия воспитателя и воспитуемых, направленный на развитие патриотических чувств, мотивов и устойчивых норм поведения, формирование патриотических знаний, ценностей, качеств личности, необходимых человеку для успешной социализации [8].

Традиционно патриотическое воспитание подвергается осмыслению преимущественно в военно-историческом и гражданско-правовом ракурсе. Однако патриотизм не следует понимать только как явление, обусловленное определенными социально-экономическими, политическими и другими факторами. Неотъемлемой характеристикой этого феномена является наличие естественных основ, которые формируются независимо от условий, приведенных выше, и отражают духовный мир человека. В связи с этим понятие «Родина» следует понимать как инвариантную основу патриотизма, отражающую черту, присущую каждому народу, а понятие «Отечество» является вариативной характеристикой, отражающей особенности развития конкретного общества на определенном этапе его развития [4, с. 27–32].

В первую очередь наличие развитых патриотических чувств – это показатель духовно-нравственного становления личности, сформированности ее ценностных ориентаций, мировоззренческих установок, которые заметно отличаются в национальных культурах различных этносов. В связи с этим народные традиции являются важным средством патриотического воспитания, приобщение к ним ставит индивида в активную субъектную позицию, позволяя формировать патриотическую культуру личности на уровне как сознания, чувств, так и деятельности.

Воспитательное значение этнокультурных традиций различных народов России,

вопросы народно-патриотического воспитания средствами фольклора, художественных промыслов представлены в различных этнопедагогических исследованиях (Н. В. Адаева, Е. Ю. Баймяшкина, И. И. Валиев, Э. В. Зауторова, Н. В. Машенцева, В. А. Николаев, В. Н. Шейко, Т. Я. Шпикалова и др). В них отмечается, что нравственные ценности (совесть, порядочность, нравственная чистоплотность, честь, правда) всегда входили в высший слой русской народной культуры, а также сочувствие чужой беде, стыд, покаяние. Именно в этих духовных ценностях концентрируется высокая нравственность и гражданская ответственность, через них формируется чувство патриотизма [6, с. 151–152].

На уровне нормативно-правовых документов в качестве важнейшего условия успешности патриотического воспитания на современном этапе закрепляется необходимость организации работы по сохранению и возрождению традиционных ценностей национальных культур Российской Федерации, воплощенных в местных диалектах, традициях, обычаях и верованиях, фольклоре, особенностях уклада жизни и представлениях об устройстве мира. При этом ключевая, объединяющая роль в историческом сознании многонационального русского народа принадлежит русскому языку, великой русской культуре [12]. Согласно Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 г. система образования в воспитании патриотов должна обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение и распространение национальной культуры, бережное отношение к историческому и культурному наследию народов России [11].

Формирование патриотизма осуществляется в процессе специально организованной педагогической деятельности, основанной на взаимодействии субъектов воспитания. Основная цель патриотического воспитания состоит в формировании патриотических чувств как интегративного качества личности, заключающего в себе национально-патриотические ценностные ориентации, знание и уважение народных традиций, героев, символов, ответственную гражданскую позицию, культуру межнационального общения и проявляющегося в социально ответственной деятельности на благо народа и страны. Выделяя патриотическое воспитание в самостоятельное направление воспитательной работы, необходимо подчеркнуть его неразрывную связь с

другими направлениями данного процесса: патриотическое воспитание пронизывает, интегрирует их.

Основой содержания патриотического воспитания являются подлинные формы отражения и сохранения национальных духовных ценностей русского народа, имеющие историческую, педагогическую и патриотическую ценность, раскрывающие отношения человека с человеком, окружающей природой. Именно они позволяют сформировать ценностное отношение к Отечеству. Приобщение личности к освоению традиций и ценностей русской культуры позволяет наиболее эффективно решить комплекс педагогических задач: овладеть технологиями трансляции и создания национальных ценностей, существенно усилить позитивное

воздействие народных традиций в противовес негативным социальным тенденциям, воспитать любовь к России как большой Родине и преданность месту проживания как малой Родине, толерантность по отношению к другим народам.

Таким образом, сегодня феномен патриотизма осмысливается как интегративное социальное явление, которое не только характеризует жизнеспособность и развитие российского общества, но и является одним из важнейших факторов его выживания в современном мире. Воспитание и развитие патриотических чувств, приобщение личности к ценностям культуры русского народа выступает важнейшим условием возрождения и сохранения духовно-нравственных основ национального характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюрков. М., 1985. 363 с.
2. Беспалова Т. В. Патриотизм как форма социокультурной идентификации в конфликтных условиях российского переходного общества : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2011. 50 с.
3. Блонский П. П. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / сост. и вступ. ст. М. Г. Данильченко, А. А. Никольская ; под ред. А. В. Петровского. М., 1979. Т. 1. 304 с.
4. Гревцева Г. Я., Ипполитова Н. В. Воспитание гражданственности и патриотизма молодежи: исторический аспект // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 27–32.
5. Ешев М. А. Патриотизм как ценностный ориентир студенческой молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2010. 25 с.
6. Зауторова Э. В. Этнокультурное воспитание детей средствами русской хоровой культуры в учреждениях дополнительного образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 151–155.
7. Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993. 431 с.
8. Ипполитова Н. В. Патриотическое воспитание : учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов. Шадринск, 2005. 84 с.
9. Константинов Н. А., Мединский Е. Н., Шаббаева М. Ф. История педагогики : учеб. для студентов пед. ин-тов. М., 1982. 447 с.
10. Лушников И. Д. Патриотизм как педагогическая проблема в современной России // Проблемы воспитания патриотизма / под ред. И. Д. Лушников. Вологда, 2004. 100 с.
11. Национальная доктрина образования в Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 04.10.2000 № 751. URL: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения: 08.11.2017).
12. Основы государственной культурной политики : указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/47325> (дата обращения: 08.11.2017).
13. Политология : энциклопедический словарь / общ. ред. и состав. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. 431 с.
14. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека (Этика коммунистического воспитания). Педагогическое наследие / сост. О. В. Сухомлинская. М., 1990. 288 с.
15. Троицкий Е. С. О русской идее. Очерки теории возрождения нации. М., 1994. 316 с.
16. Харламов И. Ф. Педагогика : учеб. пособие. М., 2003. 520 с.
17. Хаустов В. М. Патриотическое воспитание как ведущее направление государственной молодежной политики : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 24 с.

REFERENCES

1. Antologija pedagogičeskoj mysli Drevnej Rusi i Russkogo gosudarstva XIV–XVII vv. / sost. S. D. Babishin, B. N. Mityurov [Anthology of pedagogical thought of Ancient Russia and Russian state XIV–XVII centuries; comp. S. D. Babishin, B. N. Mityurov]. Moscow, 1985. 363 p. (In Russ.).
2. Bepalova T. V. Patriotizm kak forma sociokul'turnoj identifikacii v konfliktnyh usloviyah Rossijskogo perehodnogo obshhestva : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk [Patriotism as a form of socio-cultural identification in the conflict conditions of the Russian transitional society : abstract of diss. ... PhD. in Philosophy]. St. Petersburg, 2011. 50 p. (In Russ.).
3. Blonskij P. P. Izbrannye pedagogičeskie sočinenija : v 2 t. / sost. i vstup. st. M. G. Danil'čenko, A. A. Nikol'skaja; pod red. A. V. Petrovskogo [Selected pedagogical works : in 2 vols; compiled and introductory article by M. G. Danilchenko, A. A. Nikolskaja; ed. by A. V. Petrovsky]. Moscow, 1979. Vol. 1. 304 p. (In Russ.).
4. Greveva G. Ja., Ippolitova N. V. Vospitanie grazhdanstvennosti i patriotizma molodezhi: istoričeskij aspekt [Education of youth citizenship and patriotism: historical aspect]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical University. 2015. Iss. 6. Pp. 27–32. (In Russ.).
5. Yeshev M. A. Patriotizm kak cennostnyj orientir studenčeskoj molodezhi : avtoref. dis. ... kand. sociolog. nauk [Patriotism as a valuable reference point of students : abstract of dissertation ... PhD. in Sociology]. Maikop, 2010. 25 p. (In Russ.).
6. Zautorova Je. V. Jetnokul'turnoe vospitanie detej sredstvami russkoj horovoj kul'tury v uchrezhdenijah dopolnitel'nogo obrazovanija [Ethnocultural education of children by means of Russian choral culture in institutions of additional education]. Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik – Yaroslavl pedagogical bulletin. 2017. Iss. 4. Pp. 151–155. (In Russ.).
7. Il'in I. A. Put' k očevidnosti [The path to the evidence]. Moscow, 1993. 431 p. (In Russ.).

8. Ippolitova N. V. Patrioticheskoe vospitanie : ucheb. posobie po speckursu dlja studentov ped. in-tov [Patriotic education : a manual for special courses for students of pedagogical institutes]. Shadrinsk, 2005. 84 p. (In Russ.).
9. Konstantinov N. A., Medynskij E. N., Shabaeva M. F. Istoriya pedagogiki : ucheb. dlja studentov ped. in-tov [History of pedagogics: textbook for students of pedagogical institutes]. Moscow, 1982. 447 p. (In Russ.).
10. Lushnikov I. D. Patriotizm kak pedagogicheskaja problema v sovremennoj Rossii [Patriotism as a pedagogical problem in modern Russia]. Problemy vospitaniya patriotizma / pod red. I. D. Lushnikova – Problems of education of patriotism; ed. by I. D. Lushnikov. Vologda, 2004. 100 p. (In Russ.).
11. Nacional'naja doktrina obrazovanija v Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 04.10.2000 № 751 [National doctrine of education in the Russian Federation: decree of the Government of the Russian Federation from 04.10.2000 № 751]. Available at: <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (accessed 08.11.2017). (In Russ.).
12. Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki : ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 24.12.2014 № 808 [Fundamentals of state cultural policy: decree of the President of the Russian Federation from 24.12.2014 № 808]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/news/47325> (accessed 08.11.2017). (In Russ.).
13. Politologija: jenciklopedicheskij slovar' / obshh. red. i sostav. Ju. I. Aver'janov [Political science: Encyclopedic dictionary; ed. and comp. by Yu. I. Averyanov]. Moscow, 1993. 431 p. (In Russ.).
14. Suhomlinskij V. A. Kak vospitat' nastojashhego cheloveka (Jetika kommunisticheskogo vospitaniya). Pedagogicheskoe nasledie / sost. O. V. Suhomlinskaja [How to educate a real human being (Ethics of Communist education). Pedagogical heritage; comp. by O. V. Sukhomlynskaya]. Moscow, 1990. 288 p. (In Russ.).
15. Troickij E. S. O russkoj idee. Oчерки teorii vozrozhdenija nacii [On the russian idea. Essays on the theory of the revival of the nation]. Moscow, 1994. 316 p. (In Russ.).
16. Harlamov I. F. Pedagogika: ucheb. posobie [Pedagogics: textbook]. Moscow, 2003. 520 p. (In Russ.).
17. Haustov V. M. Patrioticheskoe vospitanie kak vedushhee napravlenie gosudarstvennoj molodezhnoj politiki : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk [Patriotic education as the leading direction of the state youth policy : abstract of diss. ... PhD. in Politics]. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.).

УДК 376.5

Траектории правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных: ценностно-смысловые ориентиры

О. Б. ПАНОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Р е ф е р а т

Сущность правовой ресоциализации осужденных составляют коррекция противоправных представлений, оценок и поведенческих установок, сформированных в результате неадекватного восприятия человеком правовых отношений, и развитие у него способности к ориентации и самоопределению в правовом пространстве на основе принятия ценностей права. К системным ценностям права отнесены «легальность», «равенство», «достоинство».

Обобщенным критерием результативности правовой ресоциализации выступает траектория правовой ресоциализации, под которой понимается динамика процесса ресоциализации с учетом уровня овладения социально-правовым опытом на отдельных этапах этого процесса. Траектория правовой ресоциализации предусматривает фиксацию последовательного перехода от одного этапа процесса правовой ресоциализации к другому, позволяет соотнести внешние и внутренние влияния на формирование у несовершеннолетнего осужденного правовой позиции определенного вида.

Правовая позиция того или иного вида у воспитанника исправительного учреждения является относительно устойчивой характеристикой, поскольку перед несовершеннолетним открывается перспектива перейти на другой, более высокий ее уровень со свойственной стратегией правового поведения. С помощью критерия «траектория правовой ресоциализации» появляется возможность прогнозировать вектор дальнейшего развития правовой позиции воспитанника. Позитивная динамика последней во многом определяется содержанием педагогического сопровождения, что подтверждает проведенная опытно-экспериментальная работа по данной проблеме в ряде воспитательных колоний.

К л ю ч е в ы е с л о в а : личность; правовая ресоциализация; смысловые ориентиры; ценности права; социализационная траектория; правовое поведение; правовая позиция; педагогическое сопровождение.

The trajectory of the legal re-socialization of juvenile offenders: value-semantic benchmarks

O. B. PANOVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety

Abstract

The essence of the legal resocialization of convicts is the correction of illegal ideas, assessments and behavioral attitudes formed as a result of inadequate perception of legal relations by a person, and the development of his ability to orientation and self-determination in the legal space on the basis of acceptance of the values of law. The systemic values of law include: «Legality», «Equality», «Dignity».

Generalized criterion of the effectiveness of the legal re-socialization stands the trajectory of legal reintegration, which is understood as the dynamics of the process of re-socialization taking into account the level of mastery of the socio-legal expertise at certain stages in this process. The trajectory of legal resocialization provides for the fixation of a consistent transition from one stage of the process of legal resocialization to another, allows to correlate external and internal influences on the formation of a certain type of legal position in a juvenile convict.

The legal position of juvenile offenders of the correctional institution is a relatively stable characteristic, as a minor offers the prospect to move on to another, higher level with their usual strategy of legal behavior. With the help of the criterion-the trajectory of legal resocialization it becomes possible to predict the vector of further development of the legal position of the juvenile. The positive dynamics of the latter is largely determined by the content of pedagogical support, which confirms the experimental work carried out on this problem in a number of penal colonies.

Key words: personality; legal re-socialization; semantic guidelines; values of law; socialization trajectory; legal conduct; legal position; pedagogical support.

Терминологический конструкт «правовая ресоциализация осужденных» относится к числу сравнительно новых категорий; его введение в оборот педагогической науки продиктовано необходимостью более точного обозначения образовательных процессов при сопровождении воспитанника исправительного учреждения в жизненных обстоятельствах, подлежащих регламентации нормами права. Правовая ресоциализация нацелена на возобновление конструктивного взаимодействия осужденного и общества, в ходе которого общество передает, а оступившийся человек активно усваивает правовые нормы и воплощает их в конкретных поступках.

Правовой ресоциализации несовершеннолетних присущи все базовые признаки ресоциализации в ее общепринятом значении. Ее сущность составляют коррекция противоправных представлений, оценок и поведенческих установок, сформированных в результате неадекватного восприятия человеком правовых отношений, и развитие у него способности к ориентации и самоопределению в правовом пространстве на основе принятия ценностей права [3, с. 89]. К системным ценностям права отнесены

легальность, равенство, достоинство. Легальность отражает свойство законности, означает необходимость права и закона, равенство воспринимается как ценность благодаря одинаковым правам и обязанностям людей как личностей, достоинство опосредовано предоставленными человеку возможностями принять ответственность перед самим собой и обществом. Развивая идею о ценности права «достоинство» в отношении преступников, В. Франкл отмечал, что они, «по крайней мере по окончании суда», не хотят быть рассматриваемыми как всего лишь жертвы обстоятельств: «Отрицать его вину посредством объяснения, что он есть жертва обстоятельств, значит отнимать у него его человеческое достоинство», «это прерогатива человека – становиться виновным» [5, с. 80–81]. Другим проявлением данной ценности выступает нормативно определяемая установка на преодоление осужденным вины посредством минимизации им негативных последствий от совершенного преступления.

В качестве интегрального показателя, позволяющего представить результативность исследуемого явления, нами рассматривается траектория правовой ресоциализации.

Понятие «социализационная траектория» впервые было использовано А. И. Ковалевой, которая определила данное явление как динамику процесса социализации с учетом пройденного индивидом этапа жизненного пути во временном континууме [2, с. 110]. Исследователь выделяет объективные и субъективные характеристики рассматриваемой траектории. К характеристикам субъективного плана отнесены пространство, в котором можно строить социализационную траекторию, и время, отождествляемое с конкретным периодом жизни индивида. Субъективная составляющая отражает уровень или результативность социализированности индивида на определенном этапе.

Основываясь на таком понимании сущности социализационной траектории, можем рассматривать траекторию правовой ресоциализации несовершеннолетнего осужденного как поэтапное освоение и присвоение им позитивного социально-правового опыта. Траектория в данном случае предусматривает фиксацию последовательного перехода от одного этапа процесса правовой ресоциализации к другому, что, в свою очередь, позволяет соотнести внешние и внутренние влияния на воспитанника исправительного учреждения в аспекте формирования у него правовой позиции определенного вида.

Правовая позиция отражает систему отношений человека к правовой действительности, где определяющая роль принадлежит субъективному восприятию смысла правового поведения. Через постижение смысла следования нормам правовой жизни несовершеннолетний осужденный не только изменяет свое место в системе отношений «человек – право», но и осознает эти отношения, что, в свою очередь, находит отражение в изменении мотивов его деятельности. Правовая позиция человека представляет собой систему отношений, элементы которой взаимосвязаны между собой. Черета возникающих связей при этом достаточно многообразна; общая их направленность опосредуется доминированием личностного осмысления ценностей права. Осмысление при этом может рассматриваться исключительно в контексте отнесения смысла следования правовым нормам к самой жизни, отражающей взаимодействие человека с окружающим миром.

Представляется актуальным обратиться к идеям Б. С. Братуса, содержащим обо-

снование уровней личностных смыслов. Он рассматривает следующие уровни: эгоцентрический, в котором исходным моментом является личная выгода и удобство (первый уровень); группоцентрический, при котором определяющим смысловым моментом отношения к действительности становится близкое окружение человека (второй уровень); просоциальный, включающий в себя общечеловеческие смысловые ориентации (третий уровень) [1, с. 89–109]. Данная иерархия позволяет обнаружить типы поведенческих установок: ситуативное правопослушание («следую нормам права из страха перед наказанием»), правомерное поведение («мне выгодно приспособиться к ожиданиям окружающих людей»), правовая активность («это необходимо, поскольку принесет равное благо мне и другим людям») – и выделить соответствующие им типы правовых позиций (ситуативная (доправовая), адаптивная, автономная). При их наименовании нами учитывались принятые в науке критерии, свидетельствующие о социализации человека – социальной адаптированности и социальной автономности [4, с. 35].

Таким образом, правовая позиция соотносится со структурой личности, основные подструктуры которой включают: направленность (убеждения, мировоззрение, стремления, интересы, желания), опыт (знания), особенности психических процессов (чувства, эмоции), биопсихические свойства (темперамент, возрастные свойства). Как и структура личности, правовая позиция строится по субординационному принципу, при котором более сложные и общие социальные свойства личности подчиняют себе частные. Индивидуальность воспитанника исправительного учреждения проявляется в выборе стратегии поведения. При этом основой выбора становится смысл правового поведения как «значение-для-меня».

Рассмотрим виды правовой позиции, вариативность которых определяется смысловыми ориентирами несовершеннолетних осужденных.

Ситуативная (доправовая) позиция в своем внешнем проявлении характеризуется ситуативным правопослушанием. Семантика слова «послушание», означающего повиновение и покорность, позволяет в качестве базового показателя поведенческого симптомокомплекса рассматривать ненарушение правовых норм преимущественно в обстоятельствах, опосредованных угрозой последующего наказания. В условиях, при которых появляется возможность избежать

кары, воспитанник исправительного учреждения с ситуативной правовой позицией воспринимает противоправное поведение как приемлемое, и, при возможных исключениях, его поступки носят асоциальную направленность.

Источником формирования правопослушания выступает прагматизм, обуславливающий выбор, который вытекает не из принципиальных соображений, а из ситуативной выгоды. В качестве энергетической подпитки в данном случае служит система стимулов, адекватных прагматическим расчетам конкретного индивида, а в роли механизма воздействия – социальное научение, обеспечивающее формирование способности представлять влияние внешних стимулов на свое поведение в виде модели.

Обладателями ситуативной (доправовой) позиции являются несовершеннолетние, воспринимающие право исключительно как систему запретов, как инструмент, служащий для устрашения и наказания. В рамках позиции этого типа юридически значимые поступки продиктованы преимущественно эгоистическими интересами или ситуативными эмоциональными состояниями, проявляемыми на индивидуальном и групповом уровнях. По этой причине носители доправовой позиции стремятся избежать столкновения с правом в любом его проявлении. Единственной правовой ценностью, которую они ситуативно принимают, является легальность. Законность права при этом воспринимается воспитанниками исправительных учреждений как значимая по той причине, что система оценивания поведения несовершеннолетних осужденных, которое влияет на важные аспекты их жизни, сфокусирована на выполнении требований правовых норм. Например, за нарушение правил внутреннего распорядка предусмотрены меры дисциплинарного воздействия: выговор, лишение права просмотра кинофильмов, водворение в дисциплинарный изолятор на срок до семи суток и др. Неблагоприятными последствиями могут стать базирующиеся на определении недостаточной степени исправления и других основаниях решения судов об отказе осужденным в условно-досрочном освобождении и улучшении условий содержания, ужесточение условий отбывания наказания.

У лиц, характеризующихся наличием ситуативной (доправовой) позиции, преобладают неофициальные источники юридически значимой информации – в основном приятели из криминальной среды. В опреде-

ленных ситуациях актуальной для них может быть правовая информация, относящаяся к категории должного, которая включает юридические нормы обязывающего и запрещающего характера. Как правило, такие воспитанники не проявляют интерес к повышению информированности в сфере необходимого, призванной расширить возможности человека при решении жизненных проблем. Ситуативный формат, не предусматривающий устремленности несовершеннолетнего к получению системных правовых знаний, в то же время основывается на глубокой осведомленности в сфере субкультурных запретов и предписаний, а также на обладании сведениями о том, каким образом можно избежать юридической ответственности.

Таким образом, у обладателей доправовой позиции фактором, определяющим предпочтительность варианта поведения, выступает ситуативная обусловленность. Отношение к криминальной деятельности как приемлемой подпитывается субкультурной средой, воспринимаемой несовершеннолетними в качестве своеобразной «академии», где они обучаются «искусству» обходить закон. Недопустимость преступных деяний определяется присутствием внешнего контроля со стороны сотрудников исправительного учреждения. Чем значимее для несовершеннолетних представляются факты общения с воспитателями, тем благоприятнее становится почва для позитивного изменения воспитанников.

Адаптивная правовая позиция отражает активное приспособление несовершеннолетнего к условиям социальной среды, опосредованным правом, и соотносится со стратегией правомерного поведения. Правомерность состоит в соизмерении целей, способов и результатов действий с нормами права, стремлении использовать его потенциал при решении жизненных проблем. Если ситуативное правопослушание проявляется преимущественно в ситуациях действия обязывающих и запрещающих норм, то обстоятельствами правомерности, кроме того, выступают управомочивающие нормы, которые указывают границы дозволенного поведения и устанавливают права участников регулируемых отношений.

Суть правомерности – качества, внешне сходного с правопослушанием, состоит в непротиворечивости целей, способов и результатов поведения человека нормам права. Ее определенная специфика проявляется на уровне внутренних регуляторов формирования и функционирования. Не-

противоречивость означает ориентацию на согласие с обществом, в конечном итоге подчиненное стремлению к устоявшейся и размеренной жизни. Последнее может рассматриваться как проявление субъектности, поскольку человек сам выбирает общественно приемлемый вариант жизнедеятельности как наиболее оптимальный для себя.

Источником «подпитывания» правомерности могут выступать как конформность, так и сознательная солидарность человека с юридическими нормами. Под конформностью понимается процесс изменения отношений, мнений, восприятия, поведения индивида в сторону согласия с группой в ответ на реальное или воображаемое групповое давление в ситуациях, когда нет прямого требования соглашаться. «Давление» на индивида обычно выражается в самом факте манифестации консолидированной позиции других членов группы и необходимостью после этого публично выразить свою собственную позицию. При этом может иметь место конфликт между собственным мнением индивида и мнением общности, к которой он принадлежит. Преодоление этого конфликта осуществляется путем согласия с мнением группы. Реагирование человека на мнение окружающих обуславливает соизмерение его поведения с юридическими нормами в том случае, когда соответствующая общность базируется на правовых традициях.

Регулятором правомерного поведения может выступать и сознательная солидарность несовершеннолетнего осужденного с юридическими нормами, не зависящая от мнения окружающих. В этом случае воспитанник исправительного учреждения без конфликта с самим собой готов к действию в юридической ситуации, но лишь в той мере, чтобы не выйти за границы должного и необходимого. Таким образом, правомерность выступает как качество, отражающее приспособление человека к требованиям, предписанным государством и пропагандируемым конкретной общностью людей.

Широта правовой информации, актуализирующейся при правомерном поведении, определяется перечнем правовых ограничений и дозволений, детализируемых в зависимости от определенных обстоятельств. Поскольку правомерное поведение отдельного индивида существует как самостоятельное явление в виде определенных форм правореализационной деятельности, для него возрастает значимость собственной

информированности в сферах категорий должного и необходимого. Он стремится получить соответствующие сведения, проявляет склонность к целенаправленному приобретению правовых знаний из официальных источников информации.

Правомерность поведения предполагает, что индивид, наделенный правомочиями в различных сферах деятельности, имеет реальную возможность проявлять себя в них. Если при правопослушании правовые нормы воспринимаются как навязанные государством, то при правомерном поведении они выступают в качестве востребованных человеком и гарантируемых государством. Данное обстоятельство определяет принятие носителем адаптивной правовой позиции ценностей права «легальность» и «равенство», отражающее понимание необходимости исполнения нормативных предписаний как условия бесконфликтного сосуществования с социумом.

Автономная правовая позиция представляет собой принципиально новый узел отношений несовершеннолетнего к правовой реальности. Ей соответствует стратегия правовой активности, отражающая продуктивность несовершеннолетнего, его стремление найти себя и самореализоваться в правовом поступке. Основным правилом, определяющим границы правовой активности, является «дозволено все, что не запрещено законом» с учетом предоставляемой воспитаннику свободы выбора своего юридически значимого поведения. Пределы такой свободы зависят от системы педагогических влияний на воспитанников.

Позиция правовой автономизации нацелена на ведение человеком активной правовой жизни, социальной по своей природе активности, выступающей духовно-практическим способом освоения мира, совершенствования жизни через ее сообразование с правом. Если правовая адаптация предполагает активное приспособление к условиям правового пространства, то правовая автономизация – реализацию установок на себя, устойчивость поведения в юридически значимых ситуациях и отношениях, которая соответствует правовой самооценке личности.

Непосредственным результатом правовой автономизации рассматривается успешное существование личности в правовом пространстве, в ходе которого из множества вариантов поведения в разных жизненных сферах воспроизводится тот, который основан на началах справедливости,

благоразумия, правовой целесообразности. Правовая информация при этом должна соответствовать задачам овладения человеком правильными и целесообразными способами удовлетворения разнообразных потребностей, включающих потребность в самореализации. На уровне автономизирующей позиции правовые суждения, оценки и поведение основываются на универсальных нравственных принципах, не зависящих от тех или иных лиц или ближайшего окружения.

Воспитанники с установкой на правовую активность выполняют нормативные предписания, поскольку не склонны к правонарушениям. Они относятся к праву как возможности реализовать себя достойно в жизни; видят смысл в нем как в олицетворении ценностей «легальность», «равенство», «достоинство». Содержание правовой активности составляет использование правильных способов удовлетворения человеческих потребностей не только в трудных жизненных ситуациях, но и в обычных обстоятельствах. При этом осознанно и целенаправленно предпринимаемые действия выступают как наиболее цивилизованные и справедливые способы удовлетворения жизненных интересов и связываются с практическим преобразованием жизни. Правовая активность рассматривается как дополнительный, правовой, аспект способа бытия, обеспечивающий создание и поддержание не только порядка и безопасности, но и справедливости.

Исследование сферы значимых жизненных проблем, для разрешения которых воспитанники исправительных учреждений проявляют намерение реализовать правовую активность, показало, что она включает следующие аспекты: признание вины и справедливости наказания, стремление к минимизации негативных последствий от совершенных преступлений, восстановление социально полезных связей, проявление самостоятельности и инициативности при решении жизненных вопросов с правовым контекстом, повышение уровня правовой информированности, участие в общественной жизни, принятие просоциальных традиций и др.

Определение правовой позиции воспитанника исправительного учреждения как системы отношений позволяет рассматривать ее в качестве многомерного личностного образования, каждое измерение которого соответствует особому виду отношений к правовым явлениям, в свою очередь отражающему ту или иную поведен-

ческую стратегию. Наиболее продвинутой – автономно-правовой – позиции соответствует поведенческая стратегия правовой активности; безусловное отставание обнаруживается в ситуативной правовой позиции с присущей поведенческой стратегией ситуативного правопослушания; адаптивная правовая позиция, характеризующаяся поведенческой стратегией правомерного поведения, занимает промежуточное место. Очевидно, что для несовершеннолетнего, имеющего адаптивную правовую позицию, характерны правомерность и правопослушание; воспитаннику с автономной правовой позицией присуща, кроме того, правовая активность. Из этого следует, что позитивные проявления каждого более низкого уровня правовой позиции обнаруживаются в последующих, более высоких ее уровнях.

Устремленность к самореализации представлена в адаптивной и автономной правовых позициях. Объединяющим началом при этом выступает субъектность личности, которая в большей степени представлена у лиц, имеющих автономную правовую позицию.

Правовая позиция того или иного вида у воспитанника исправительного учреждения является устойчивой характеристикой, поскольку соответствует определенной системе отношений к правовым реалиям. В то же время эта устойчивость относительна, поскольку перед несовершеннолетним открывается перспектива перейти на другой, более высокий ее уровень со свойственной стратегией правового поведения. Обращение к траектории правовой ресоциализации в этой связи становится особенно актуальным, поскольку результат правовой ресоциализации с ее помощью представлен через призму позитивной динамики правовой позиции, вариативность которой определяется разнообразием смысловых ориентиров, опосредованным принятием правовых ценностей.

Представляется логичным обозначение видов траектории правовой ресоциализации применительно к несовершеннолетним осужденным как ситуативная, адаптивная, автономная. Можно считать, что состояние и вектор траектории правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных определяется актуальной (имеющейся в данный отрезок времени) стратегией правовой позиции воспитанника исправительного учреждения. С другой стороны, тот или иной вид правовой позиции опосредован влиянием определенных агентов социали-

зации (администрации исправительного учреждения, семьи, школы, сверстников и др.) и приращением освоенных воспитанником в период отбывания наказания в воспитательной колонии правовых норм и ценностей. Последнее обстоятельство ориентирует воспитателей исправительных учреждений на обеспечение необходимого педагогического сопровождения, учитывающего педагогически значимые характеристики социализационных траекторий несовершеннолетних осужденных.

Проведенное экспериментальное исследование по рассматриваемой проблеме с охватом 212 воспитанников ряда воспитательных колоний (Брянской, Колпинской и др.) обнаружило существующее противоречие между общественной значимостью ценности правового поведения и ее низким значением для значительной части несовершеннолетних осужденных. Так, на этапе констатирующего эксперимента ни один из испытуемых не обладал автономной правовой позицией. Удельный вес воспитанников, имеющих ситуативную правовую позицию, составил 74,3 %, адаптивную – 25,7 %. Проведение формирующего эксперимента включало использование специально разработанной программы «Человек в правовом поле», основу которой составляет поэтапное сопровождение осужденных в процессе овладения социально-правового опыта и принятия ценностей права [3, с. 316–368]. После проведения формирующего эксперимента ситуация существенно изменилась: удельный вес лиц с ситуативной позицией составил 22,85 %, адаптивной – 62,9 %, автономной – 14,25 %.

Было установлено, что вектор траектории правовой ресоциализации воспитанников исправительного учреждения определяется структурой ценностных ориентаций внешнего окружения. Достижение траектории более высоких уровней (автономной и адаптивной) в значительной мере обеспечивается в процессе ценностно-ориентированного педагогического взаимодействия, в качестве позитивных результатов которого нами зафиксированы следующие тенденции:

- усовершенствовались ценностная система воспитанников и соответствующие ей жизненные планы; изменилось отношение к праву, которое стало восприниматься как инструмент решения жизненных проблем, к правовой жизни – как способу самореализации;

- расширились знания о сущности и последствиях социального взаимодействия,

появилась активность в приобретении правовых знаний; сформировались способности, позволяющие продуктивно существовать в системе «человек – право»;

- стало более осознанным эмоционально-оценочное отношение к правозначимым событиям и явлениям, появилась открытость переживаний по поводу негативных последствий совершенных правонарушений; повысилась антикриминальная устойчивость, актуализировалась рефлексивность, появилось отношение к себе как автору собственной жизни;

- появилось стремление к преодолению негативных последствий от совершенных преступлений (активизировалось выполнение исковых обязательств, налаживание конструктивных отношений с родственниками, жертвами совершенных преступлений), зародились традиции, отражающие отказ от криминальных представлений, сократилось число взысканий за нарушения правил внутреннего распорядка, увеличилось количество поощрений за общественную активность, появилась направленность на преобразование жизни в соответствии с приобретенным социально-правовым опытом (получило распространение обращение в официальные инстанции для решения правовым путем социальных вопросов, касающихся жилья, трудоустройства, получения образования, споров имущественного характера).

В то же время у многих воспитанников сохранилось недоверие к государству и представление о том, что после освобождения они «никому не будут нужны». У несовершеннолетних осужденных с ситуативной траекторией правовой ресоциализации осталось стремление к оправданию своих противоправных действий независимо от тяжести совершенных преступлений, не появился интерес к личностному продвижению в вопросах освоения социально-правового опыта.

Выявлены факторы, препятствующие правовой ресоциализации: сохранение инерционных подходов к правовому воспитанию осужденных с присущей направленностью на стимулирование правопослушания; негативное влияние криминальной субкультуры; недостаточная сформированность у сотрудников воспитательных колоний целостного понимания природы правовой ресоциализации. Результаты исследования доказывают, что преодоление обозначенных рисков способствует качественной правовой ресоциализации несовершеннолетних в воспитательной колонии.

Проведенный анализ позволяет сформулировать определенные выводы о траекториях правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в первые десятилетия XXI в. В целом наметились позитивные изменения, связанные с гуманистическими тенденциями развития уголовно-исполнительной системы, повышением качества профессиональной подготовки сотрудников (воспитателей). Имеет место определенное развитие общей динамики процесса правовой ресоциализации воспитанников исправительных учреждений, обусловленное выходом за пределы шаблонного образца правовой ресоциализации.

В траекториях правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных не встречаются отклонения в форме отсутствия намерения у осужденных осваивать в достаточном объеме правовые нормы и ценности права, овладевать социально-правовым опытом. Существование разных видов траекторий правовой ресоциализации воспитанников исправительных учреждений в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы неизбежно. Поиск путей и средств, обеспечивающих возвращение несовершеннолетних осужденных к правовой жизни, остается актуальной задачей педагогической науки и практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988. 304 с.
2. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109–115.
3. Панова О. Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии : дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2013. 487 с.
4. Рожков М. И. Педагогическое обеспечение работы с молодежью. Юногика. М., 2008. 262 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. 368 с.

REFERENCES

1. Bratus' B. S. Anomalii lichnosti [Anomalies of personality]. Moscow, 1988. 304 p. (In Russ.).
2. Kovaleva A. I. Konceptsiya socializacii molodezhi: normy, otkloneniya, socializacionnaya traektoriya [The concept of socialization of youth: norms, deviations, socialization trajectory]. Sociologicheskie issledovaniya – Sociological researches. 2003. Iss. 1. Pp. 109–115. (In Russ.).
3. Panova O. B. Pedagogicheskoe obespechenie pravovoj resocializacii nesovershennoletnih osuzhdennyh v vospitatel'noj kolonii : dis. ... d-ra ped.nauk [Pedagogical support of legal re-socialization of juvenile convicts in the educational colony: the diss. ... Dsc. in Pedagogy]. Yaroslavl, 2013. 487 p. (In Russ.).
4. Rozhkov M. I. Pedagogicheskoe obespechenie raboty s molodezh'ju. Yunogogika [Pedagogical support of work with young people. Yunogogika]. Moscow, 2008. 262 p. (In Russ.).
5. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man in search of meaning]. Moscow, 1990. 368 p. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАБАЯН С. Л., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: bsl09@mail.ru

БАСИНА Т. А., старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: Tatbasina25@yandex.ru

ДВОРЯНСКИЙ И. В., главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: diw@yandex.ru

ДОРОШЕНКО О. С., старший инспектор отдела по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, УФСИН России по Тульской области. E-mail: oxy-tula@mail.ru

ДРУЖИНИН С. В., директор филиала Учебно-методического центра Федеральной антимонопольной службы. E-mail: fems@fas.gov.ru

ЗАУТОВА Э. В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvira-song@mail.ru

КРАСНЕНКОВА С. А., начальник психологической службы отдела воспитательной работы с осужденными УФСИН России по Воронежской области, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук. E-mail: skrasnenkova@mail.ru

КРЫМОВ В. А., адъюнкт Академии управления МВД России. E-mail: krymov-19@mail.ru

КРЮКОВА О. Ю., старший научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: ofrolova@inbox.ru

КУЧЕНЕВ А. В., адъюнкт кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России. E-mail: KuAV64@mail.ru

ЛАПШИН В. Е., профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогиче-

ских наук, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

ЛАТЫШЕВА Л. А., доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: mila.latysheva.1988@mail.ru

ЛЮТЫНСКИЙ А. М., доцент Северо-западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: anton040677@gmail.ru

МАРКОВА И. И., доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук. E-mail: lrimark@mail.ru

МОИСЕЕВА И. А., заместитель декана юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: moiseeva.irochka@mail.ru

МОРОЗОВ Р. М., доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: morozur@mail.ru

НАГОРНЫХ Р. В., профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: Nagornikh-vipe@mail.ru

НЕКРАСОВ В. Н., начальник организационно-научного отдела, доцент кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: vnnekrasow@mail.ru

ПАЛЬЧИКОВА Н. В., доцент кафедры государственного права Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук. E-mail: nati208@mail.ru

ПАНОВА О. Б., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

РЕЙМА О. Я., старший преподаватель кафедры пения и музыкального образования Вологодского государственного университета. E-mail: oksana529120@mail.ru

РОГАЧ В. Г., преподаватель кафедры организации психологической службы в УИС ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: rogach.v.g@mail.ru

РУДАКОВ А. М., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: ono.nil@yandex.ru

СИРЯКОВ А. Н., доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: 643350@mail.ru

ЦИПИЛЕВ С. Н., преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными ВИПЭ ФСИН России. E-mail: vselen.duma@yandex.ru

ШАХАНОВ В. В., доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: shakhanov.vyacheslav@mail.ru

ЮЖАНИН В. Е., профессор кафедры уголовного права и процесса Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы. E-mail: yuzanin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BABAYAN S. L., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: bsl09@mail.ru

BASINA T. A., Senior Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: Tat-basina25@yandex.ru

DVORYANSKOV I. V., Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: diw@yandex.ru

DOROSHENKO O. S., Senior Inspector of the Department for Control over Execution of Sentences without Isolation from Society of the Federal Penal Service in Tula Region. E-mail: oxy-tula@mail.ru

DRUZHININ S. V., Director of the Branch of the Educational and Methodological Center of the Federal Antimonopoly Service. E-mail: fems@fas.gov.ru

KRASNENKOVA S. A., Associate Professor of the Department of Practical Psychology of the Voronezh State Pedagogical University, Chief of the Department of Educational Work with Convicts of the Federal Penal Service in Voronezh region, PhD. in Psychology. E-mail: skrasnenkova@mail.ru

KRYUKOVA O. YU., Senior Researcher of the Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: ofrolova@inbox.ru

KRYMOV V. A., Post graduate of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. E-mail: krymov-19@mail.ru

KUCHENEV A. V., Postgraduate of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: KuAV64@mail.ru

LAPSHIN V. E., Professor of the Department of Personality Psychology and Special Education at Vladimir State University named after Alexander and Nicholay Stoletovs, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Work of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

LATYSHEVA L. A., Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: mila.latysheva.1988@mail.ru

LYUTYNSKY A. M., Associate Professor of the Northwest Institute (Branch) of the O. E. Kutafin Moscow State Law University. (MSLU), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: anton040677@gmail.ru

MARKOVA I. I., Associate Professor of the Department of Practical Psychology of the Voronezh State Pedagogical University, PhD. in Psychology. E-mail: Irivmark@mail.ru

MOISEEVA I. A., Deputy dean of the Law Faculty of Yanka Kupala State University of Grodno, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: moiseeva.irochka@mail.ru

MOROZOV R. M., Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: morozur@mail.ru

NAGORNYKH R. V., Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: Nagornikh-vipe@mail.ru

NEKRASOV V. N., Head of the Research Department, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: vnnekrasow@mail.ru

PALCHIKOVA N. V., Associate Professor of the Department of State Law of the Vologda State University, PhD. in Law. E-mail: nati208@mail.ru

ROGACH V. G., Teacher of the Department of Organization Psychological Service in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: rogach.v.g@mail.ru

RUDAKOV A. M., Researcher of the Research Laboratory of the Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ono.nil@yandex.ru

PANOVA O. B., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

REIMA O. YA., Senior Teacher of the Department of Singing and Music Education of the Vologda State University. E-mail: oksana529120@mail.ru

SHAKHANOV V. V., Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor of the Depart-

ment of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Management of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: shakhanov.vyacheslav@mail.ru

SIRYAKOV A. N., Associate professor of the Department of Executive Penal Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law. E-mail: 643350@mail.ru

TSIPILEV S. N., Teacher of the Department of the Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: vselen.duma@yandex.ru

ZAUTOVA E. V., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Membercorrespondent of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education. E-mail: elvira-song@mail.ru

YUZHANIN V. E., Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at Ryazan State University named for S. Yesenin, Dsc. in Law, Professor, Honored Worker of Higher School. E-mail: yuzanin@mail.ru.

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Ответственный секретарь:

С. П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-67019 от 30.08.2016 г.
ISSN 2076-4162

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160010, г. Вологда, ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:

(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12

(8172) 51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 30.03.2018.

Дата выхода в свет 19.04.2018.

Формат 60х90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17. Заказ № 6503.

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки».

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 220 руб. за 1 экземпляр.